

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ
ИМ. А.А.ПОТЕБНИ

ЯЗЫКОВЫЕ
СИТУАЦИИ
И ВЗАИМО-
ДЕЙСТВИЕ
ЯЗЫКОВ

1124542

КИЕВ
НАУКОВА ДУМКА
1989

Научный интерес к изучению языковых ситуаций все время возрастает. Действительность показывает, что без такого изучения трудно познать всю сложность реальной языковой жизни человеческих обществ, в которых языки никогда не функционируют каждый сам по себе и для себя, но всегда взаимообусловлены и взаимосвязаны в сложные и многомерные коммуникативные макросистемы. Различаясь по социальному и культурному значению, функциональному спектру, степени органичности, уровню развития и т.д., в общей языковой ситуации они дополняют и компенсируют друг друга, обеспечивая в своем балансе все коммуникативные и экспрессивные потребности общества.

Языковая ситуация обычно отражает существующие социально-экономические условия жизни общества. Как она сама, так и связанные с ней коммуникативные отношения исторически обусловлены, они естественно вытекают из ситуаций и состояний предшествующего времени и хранят в себе элементы будущего развития. Для каждой общественно-экономической формации характерны особые условия языковых контактов и взаимодействий, свои формы сосуществования языков, двуязычия и многоязычия, а также их общественные последствия. Поэтому закономерности языкового взаимодействия необходимо изучать в конкретном социально-историческом контексте.

Источником развития языковых ситуаций — крупных коммуникативных макросистем являются их внутренние противоречия, а также противоречия в отношениях со средой. В многоязычных развивающихся странах Азии и Африки особенно ощутима роль противоречий между надэтническим общегосударственным языком — эпилектом (часто европейского происхождения) и этнолектами — местными языками отдельных этносов. Наличие или отсутствие этнической базы в данном обществе или стране представляет собой далеко не второстепенное условие существования и функционирования языка. На этой основе возникает важный признак — его органичность, функциональное и коммуникативное значение которого трудно переоценить. При рассмотрении этого социолингвистического параметра, отражающего степень взаимосвязи языка и культуры, важно учитывать его изменчивый, диалектический характер. Органический язык как средство общения и выражения культуры этноса в своем развитии в многоязычном окружении посте-

пенно насыщается элементами, связанными с другими культурами, а язык неорганический, перенесенный из иной социокультурной среды, по мере все большего вхождения в сферы коммуникации, общие для разных этносов, впитывает в себя из них обозначения явлений местного быта и культуры. Такое сближение экзолекта и этнолектов имеет следствием то, что импортированное чужестранное средство общения все больше нативизируется, становится носителем новой общегосударственной культуры и в конце концов приобретает заметные отличия от своего исходного состояния. С другой стороны, развитие культуры и образования усиливает тенденции к автономности функционирования этнических языков. Создающиеся противоречия между органической и неорганической частями языковой ситуации должны учитываться при разработке общенациональной языковой политики. Не все эти процессы, однако, в настоящее время достаточно изучены и должным образом оценены.

Среди различных типов языковой ситуации особенно распространена диглоссия — взаимосвязанное сосуществование двух разновидностей одного языка — литературной и разговорной, местной при четком распределении функций между ними. В “чистом” виде диглоссия встречается редко, чаще она осложняется взаимосвязями входящих в нее языковых образований с другими языками, которые, в свою очередь, могут быть представлены несколькими разновидностями. Но так или иначе значение диглоссии в общей языковой ситуации очень велико.

Динамичность языковой ситуации усиливается тем, что в ее составе действуют и живые, активно используемые в общении языки, обладающие четкой перспективой дальнейшего развития, и языки, отошедшие в более узкие сферы общения, и языки, выходящие из живого употребления, языки, играющие чисто вспомогательную коммуникативную роль, и т.д. Некоторые уже исчезнувшие языки, выйдя из состава языковой ситуации, оставили в других ее языках более или менее значительный материальный и идеальный субстрат. Необходимость его изучения обусловлена не только потребностями восстановления картины прежних состояний языковой ситуации, но нередко и тем, что он дает ключ к пониманию современных ее явлений.

Итак, взаимодействие языков представляет собой характерную черту любой лингвистической ситуации. Оно многоаспектно, проявления его чрезвычайно разнообразны, а последствия могут быть весьма ощутимыми. Поэтому в социолингвистике изучение этих проблем никогда не сходит с повестки дня. Рассмотрение какого-либо конкретного языка вне его связей и взаимовлияний с другими языками возможно лишь со значительной степенью условности.

Важнейший процесс при взаимодействии языков — взаимное проникновение иноязычных элементов в структурных моделях, называемое в литературе по традиции “заимствованием”. Изучение этих

явлений в различных языках имеет уже достаточно длительную историю, но и в понимании сущности заимствования и в классификации его типов расхождения все еще очень велики. Сам по себе термин *заимствование* метафоричен и неоднозначен: им обозначается и процесс проникновения и его результат. Некоторые языковеды указывали, что языковое заимствование представляет собой скорее присвоение, поскольку заимствованный элемент в исходную систему никогда не возвращается. Более того, этот процесс больше похож на имитацию: элемент по существу не изымается из языка-источника, а лишь служит образцом, по которому в воспринимающем языке создается более или менее близкая копия.

Обилие точек зрения на языковое заимствование объясняется не только различием подходов к проблеме, но прежде всего чрезвычайным разнообразием явлений, относимых к этой категории, в связи с чем в основу разных дефиниций кладутся типологически разные результаты языкового взаимодействия. Этим можно, например, объяснить существующие разногласия относительно степени проницаемости грамматических систем для иноязычных интрузий.

В основном такими же обстоятельствами вызваны расхождения мнений в вопросе заимствования иноязычных фонем.

Заимствование из других языков — один из самых активных источников пополнения лексических ресурсов языка, интенсивность которого может меняться. В этой связи представляет интерес изучение масштабов лексического заимствования в разные исторические периоды, а также установление большей или меньшей роли определенных языков как источников в то или иное время, выяснение факторов, которые влияли на эти процессы положительно или отрицательно.

Процессы использования неассимилированных единиц другого языка, которые до сих пор называют по-разному — иноязычными вкраплениями, варваризмами, цитациями, переключениями и т.д., широко комментируются в литературе. Существует, однако, явная тенденция недооценивать их роль и место в функционировании языка, поскольку используются они только в речи, в языковую систему не проникают и не становятся ее постоянным элементом. Нельзя, однако, не учитывать, что поскольку в условиях постоянного и массового двуязычия такие явления приобретают вполне регулярный и закономерный характер, их лингвистическое исследование вполне актуально. Наиболее целесообразно его проводить в рамках общей проблемы воспроизведения как типа двуязычной деятельности.

Одним из сложных проявлений взаимодействия языков является также калькирование. Обычно в литературе главное внимание обращается на его внешний аспект — то, что результат калькирования представляет собой как бы точный перевод иноязычного этимона. Процесс образования кальки, однако, не всегда сводится к сознательному, намеренному переводному воспроизведению сложной иноязычной

единицы. Главное в нем – это восприятие иноязычной структурной модели, по которой образован этимон, и ее заполнение (реализация) средствами своего языка, которое может происходить и путем неосознанной имитации.

Все перечисленные вопросы подробно рассматриваются в данной монографии. Они, конечно, не исчерпывают всей проблематики языковой ситуации и взаимодействия языков, но отличаются большой актуальностью. Привлечение нового языкового материала, предложение оригинальных подходов к его рассмотрению, нестандартные (пусть подчас и дискуссионные) решения могут оказаться полезными стимулами к дальнейшему, более углубленному познанию этих процессов и явлений.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА И ДВУЯЗЫЧИЕ

1. Комплексный подход к изучению языковых явлений как в синхронном, так и в диахронном плане требует учета большого количества переменных, связанных не только с внутренней структурой языка, но и с его экологией, в первую очередь, с особенностями социально-экономической жизни общества (состояние производительных сил и производственных отношений, роль определенных социальных групп в жизни общества, характер надстроечных явлений и т.п.). Поэтому охват всего многообразия фактов, влияющих на архисистему "язык – общество – коммуникация", связан со значительными трудностями, число которых вырастает по мере проникновения в глубь истории. Чем больше отдалена во времени определенная эпоха от современного состояния, тем труднее дать ее исчерпывающую и, что еще более важно, объективную характеристику.

Из сказанного необходимо сделать некоторые, очень важные, как нам кажется, методологические выводы: 1) следует отказаться от стремления полностью охватить все признаки языковой экологии данной эпохи или ряда эпох и в зависимости от целей и задач исследования ограничиться только наиболее существенными особенностями отношений "язык – общество – коммуникация"; 2) описание этих отношений должно осуществляться в единых терминах, что делает его сопоставимым с другими подобными описаниями как в типологическом (синхронном), так и в историческом (диахронном) плане; 3) принципы такого описания должны вытекать из единых теоретических и методологических позиций.

Рассмотрим здесь влияние социально-экономической структуры общества на формы возникновения и существования двуязычия, которое понимается как коммуникативный мост между двумя разноязычными коллективами, появляющийся в связи с общественной необходимостью в экономическом, культурном и политическом взаимодействии. Понять и оценить роль двуязычия в обществе можно только в том случае, если рассматривать его как составную часть языковой ситуации, представляющей собою центральную проблему социолингвистики

[Scharnhorst 1980 : 110]. Каждая языковая ситуация и связанные с нею коммуникативные отношения являются результатом исторического процесса, продуктом предыдущих и основой будущих языковых ситуаций; некоторые черты предыдущих эпох могут еще длительное время сохраняться в условиях нового общества. Так, например, в языковой ситуации стран Магриба (северо-западная Африка), обнаружено переплетение типов языкового взаимодействия, характерных для различных периодов общественного развития, начиная от первобытно-общинного строя до современного буржуазного общества [Завадовский 1970 : 50].

Вместе с тем, понимание языковой ситуации в настоящей работе несколько отличается от общепринятого. Если обычно в качестве существенных признаков этого понятия выступает определенная страна (территория) на протяжении данного (абсолютного) отрезка времени, то здесь такими признаками будут относительное время (раньше — позже) и особенности социально-экономических условий жизни общества на данном этапе его исторического развития. Обычно выделяют пять таких этапов или формаций: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и социалистический строй.

Однако нашей целью является не просто описание языковых ситуаций, присущих названным общественным формациям, а рассмотрение двуязычия как части общей языковой ситуации и коммуникативных отношений данных эпох. В связи с этим мы перечислим основные признаки только двуязычной ситуации.

Социальная стратификация двуязычия определяется склонностью индивидов, различных социальных групп и классов к двуязычию в связи с данным типом коммуникативных отношений, вытекающих из особенностей общей языковой ситуации. Иначе говоря, в этом случае предстоит ответить на вопрос: к т о чей язык изучает, чтобы получить возможность общаться с представителями другой языковой общности (индивид, социальная группа, высшие, средние или низшие слои общества и т.п.).

Способ преодоления языкового барьера зависит от количества языков, используемых населением, в связи с чем различается однофокусный билингвизм, когда представители группы А изучают язык группы Б (или наоборот), и двуфокусный билингвизм, когда представители групп А и Б изучают язык группы В, что обеспечивает коммуникацию как с представителями общности В, чей язык становится языком-посредником (языком межэтнического или межнационального общения), так и между собой [Karlinskij 1980].

Престижность двуязычия определяется той оценкой со стороны членов данного общества, которой наделяются двуязычные люди в связи с социальным статусом данного билингвизма.

Наиболее типичные формы взаимодействия языков — билингвизм (взаимодействие языков или диалектов с одинаковым социальным

статусом) и диглоссия (взаимодействие языков или диалектов с разным социальным статусом — литературный язык и территориальный или социальный диалект и т.п.).

Социальные области двуязычной коммуникации — управление, торговля, образование и т.п.

Особые формы двуязычия — письменное; женское, мужское; рецептивное, продуктивное и др.

Социальные условия усвоения второго языка ($Я_2$) — естественное двуязычие (усвоение $Я_2$ без учителя и учебников непосредственно от носителей данного языка) и искусственное (усвоение $Я_2$ через посредника (учитель, учебники) в специфических условиях учебного заведения).

Характер двуязычия и его общественные последствия — устойчивое двуязычие с разграничением общественных функций между $Я_1$ и $Я_2$ по принципу двустороннего дополнения; динамическое двуязычие с переходом к другим состояниям (пиджинизация и креолизация языков, языковая смена с наличием субстратных и суперстратных явлений) [Карлинский 1986].

Языковая политика относительно двуязычия, связанная с сознательным воздействием правящих кругов на языковую ситуацию; *отношение к языкам национальных меньшинств; языковое планирование.*

Названные выше признаки двуязычной ситуации представляют собой единый набор терминов (метаязык) для описания особенностей билингвизма в зависимости от социально-экономической структуры общества.

Интерес к двуязычию как особой социальной и лингвистической проблеме возник относительно недавно в связи с появлением наций и развитием межнациональных отношений внутри многонациональных государств. Выполненные до настоящего времени исследования двуязычия отражают состояние этого явления главным образом в условиях двух последних общественных формаций: капитализма и социализма. Это, однако, ни в коем случае не должно означать, что двуязычие было чуждо другим, более ранним социально-экономическим образованиям. Есть основания утверждать, что билингвизм как некоторое специфическое явление общественной жизни (коммуникативный мост между разноязычными коллективами) столь же древен, как и само человечество.

Все большее количество ученых в настоящее время склоняется к полигенетической теории происхождения человека, что уже чисто теоретически не исключает столь раннее возникновение билингвизма [Lötzsch 1980]. К тому же, у нас имеются все основания предполагать, что и общая структура языков *homo sapiens* не отличалась от многоуровневой структуры современных языков (фонетический, лексический и грамматический уровни), причем каждый уровень включал

в себя, как и сейчас, два плана: парадигматический (совокупность всех единиц данного уровня) и синтагматический (совокупность правил сочетания единиц данного уровня в речевой цепи)*. Из сохранения биологической специфики человека и многоуровневой структуры языков на протяжении всех пяти социально-экономических формаций логически вытекает, что общие психолингвистические и чисто лингвистические закономерности взаимодействия языков при билингвизме сохранили свои наиболее существенные черты в неизменном виде вплоть до настоящего времени. А это значит, что наши знания об этих явлениях, установленные наукой относительно двух последних социально-экономических формаций, с максимальной степенью достоверности могут быть экстраполированы на все предыдущие эпохи вплоть до общинно-родового строя.

Таким образом, только на основе знаний специфики экономической структуры и общественных отношений можно реконструировать коммуникативные отношения между людьми и описать двуязычную ситуацию в рассмотренных выше терминах. Естественно, что получаемая таким образом картина неизбежно будет статичной и упрощенной, поскольку речь в ней будет идти о наиболее существенных признаках данной эпохи, которая длилась столетиями и даже десятилетиями и не была гомогенной на всем своем протяжении. Чтобы хоть каким-то образом восполнить этот недостаток, мы попытаемся путем диахронного сравнения специфики отдельных социально-экономических срезов обнаружить некоторые динамические характеристики двуязычия как общественного явления.

Приоритет в изучении зависимости общественной роли и форм двуязычия от характера социально-экономической формации принадлежит советской лингвистике [Михайлов 1969:27; Филин 1972:13; Журавлев 1982:14 и сл.].

2. *Двуязычие в эпоху первобытнообщинного строя.* С периодом палеолита (40—8 тысячелетия до н.э.) связано появление homo sapiens, который по своим физиологическим характеристикам уже ничем не отличался от современного человека**. Первобытный человек, только что выделившийся из первобытного стада, был еще очень слабым в единоборстве с окружающей его природой и жизнь вне коллектива обрекала его на смерть. Все члены общества были равноправны. Коллективный труд, равномерное распределение продукта, естественное разделение труда (старики, больные, дети; мужчины, женщины), присваивающее хозяйство (собирательство, охота), случайный обмен — таковы основные черты общества этого периода. По всей вероятности, и кон-

* Образование многоуровневой языковой структуры завершилось, по мнению Ю. Дешериева, в эпоху родового общества [Дешериев 1977:56].

** Временные рамки социально-экономических формаций приводятся по [Verthold, 1981].

такты между представителями различных языковых коллективов были спорадическими, а возникающее при данных обстоятельствах двуязычие (которое нельзя исключить теоретически) носило единичный и временный характер и, следовательно, его социальная роль была незначительной [Филин 1972:15]*.

Переход к неолиту (8—3 тысячелетия до н.э.), означавшему расцвет первобытнообщинного строя, был связан с образованием патриархальной семьи и обусловлен экономическими причинами. Наряду со старыми формами ведения хозяйства (собирательство, охота, примитивное земледелие) возникают новые, более прогрессивные (скотоводство и ремесло). Появляется прибавочный продукт как предпосылка эксплуатации человека человеком. Возникают родовые союзы и племена, основанные не на кровном родстве по материнской линии, как раньше, а на общности социально-экономических интересов. Это вело к сглаживанию языковых различий внутри племени, с одной стороны, и к большей языковой дифференциации между племенами, с другой. Усиливается обмен, а следовательно, и контакты между различными языковыми коллективами. Вначале при наличии языкового барьера более характерным был, вероятно, так называемый немой обмен [Herodot 1967 : 356], который не сопровождался обменом вербальной информацией. Можно предположить, однако, что немой материальный обмен создавал предпосылки также для духовного обмена и кооперации между разноязычными коллективами, что возможно только благодаря билингвизму. Данная коммуникативная ситуация стимулирует возникновение группового билингвизма, который, вероятно, также не был устойчивым.

Конечный период неолита (4—3 тысячелетие до н.э.), а также последующие эпохи бронзы и железа представляют собой этап разложения первобытнообщинного строя и возникновения классового общества. Происходит дальнейшая консолидация племен и их взаимное обособление. Естественные природные условия (леса, реки, горы) не только охраняют племена от нападения извне, но и разделяют их [Десницкая 1972 : 159]. Развитие животноводства, поиски новых пастбищ ведут к столкновениям между племенами, в результате чего появляются первые военнопленные, обращаемые в рабство. Вначале рабы были собственностью рода, но с появлением племенной аристократии (совет старейшин, "полководцы", служители культа) львиная доля военной добычи и рабов попадает именно в их руки и становится частной собственностью [Кнышенко 1973 : 259]. Социальное положение членов общества и отношения между ними усложняются. Можно предположить, что наиболее распространенной формой языковых контактов внутри позднеродового племени была своеобразная диглоссия, которая наблюдается и сейчас в жизни племен, живущих в условиях родо-

* В.К.Журавлев отрицает возможность появления двуязычия в этот период [1982 : 17].

вого общества. Суть ее заключается во взаимодействии сакрального языка, использовавшегося в культовых целях и в устном творчестве (мифы, предания, песни), обладавшего высшим социальным престижем, и просторечного языка, языка домашнего обихода и повседневной жизни [Десницкая 1972 : 172]. Носителями общественно-ритуальных и поэтических форм языка были не только племенная аристократия, которая владела также и обиходно-разговорным, но и все взрослое население. Иными словами, диглоссия в данных условиях не была еще признаком социальной дифференциации общества, показателем социального престижа ее носителей.

В результате межплеменных столкновений в эпоху военной демократии могли возникнуть специфические формы двуязычия, наблюдающиеся в некоторых районах до сего времени. Например, В.Г.Богораз-Тан объясняет возникновение двуязычия у женщин-араваков [1928 : 192]. После открытия Америки караибы завоевали Антильские острова. Они уничтожали мужчин-араваков, а их женщин брали в жены. Впоследствии мужчины продолжают говорить по-караибски, а женщины усвоили аравакский и караибский языки. Такое состояние сохранялось длительное время, на протяжении ряда поколений. Именно в этом свете можно также истолковать то место у Геродота, где излагается предание о войне скифов с амазонками [Herodot 1967 : 323]. Победенных амазонок скифы взяли себе в жены, причем "мужчины не старались изучить язык женщин, зато женщины переняли язык мужчин" и стали, таким образом, двуязычными. Несколько при иных обстоятельствах в позднеродовом обществе могло возникнуть мужское двуязычие, которое можно наблюдать еще в настоящее время. Так, например, группы арабаязычных евреев Сахары используют в качестве тайного мужского языка, недоступного для женщин, древнееврейский язык [Заводовский 1970 : 59]. Интересно, что в этом случае двуязычие возникает не с целью преодоления языкового барьера, а для его возведения, т.е. с целью воспрепятствования получению определенной информации некоторыми группами общества*.

В результате языковых контактов в то время могло возникать в гораздо большем масштабе, чем в последующие эпохи, скрещивание языков, а также субстратные и суперстратные явления. Поэтому нам представляется вполне обоснованным предположение Ю.С.Степанова о том, что в период первобытнообщинного строя гибридизация языков является существенной особенностью языковых процессов [1975:175].

Знание некоторых сторон общественной жизни того периода позволяет предполагать уже в те отдаленные времена наличие таких типов языкового взаимодействия, как диглоссия, индивидуальный, группо-

* Именно такова социальная сущность всех тайных языков и говоров, носители которых несомненно были билингвами [Серебрянников 1970 : 486].

вой (в том числе мужской и женский) билингвизм, которые стимулировали конвергенцию языков.

3. *Двуязычие при рабовладельческом строе.* Предпосылкой возникновения рабства была потребность производить больше, чем человек мог потреблять. В условиях такого производства все продукты труда постепенно принимают товарный характер, причем увеличение их количества шло, главным образом, за счет не совершенствования производства, а увеличения количества рабочей силы, т.е. рабов. Таким образом, рабство, возникшее уже на последней стадии общинородового строя, но не имевшее еще какого-либо серьезного хозяйственного значения, в период рабовладельчества становится экономической основой общества.

Старые родо-племенные объединения, основанные на кровном или этническом родстве, заменяются объединением всех народов, живущих на данной административной территории. Власть правителей становится неограниченной, армия постоянной. Обогащение путем грабежа других народов и захвата рабов превращается в обыденное занятие. Так возникают знаменитые рабовладельческие империи, представлявшие собой конгломерат племен и народов, насильственно включенных в единую социально-экономическую структуру [Там же : 179].

Наличие языкового барьера в условиях этнической пестроты, с одной стороны, и централизованной власти, с другой, превращается в серьезную социальную проблему. Вероятно, самой древней попыткой сознательного решения этой проблемы следует считать возникновение пиктографического письма, зачатки которого восходят к позднеродовому обществу*, и особенно идеографического письма (Египет, Месопотамия, Китай), которое получило широкое распространение именно в эпоху рабовладельческого строя. Иероглифы позволяли обмениваться информацией без знания звуковой формы соответствующего языка. Это было своего рода письменное двуязычие, которое в настоящее время сохранилось только в некоторых странах. Однако и устное двуязычие играло, по всей вероятности, весьма важную роль в условиях политического рабовладельческого государства. Так, например, в древнем Египте среди семи сословий, чья специальность передавалась по наследству, наряду со священнослужителями, воинами, сборщиками подати и т.п. упоминаются также и толмачи, т.е. устные переводчики [Herodot 1967 : 188]. Тот факт, что двуязычие в рабовладельческом обществе становится профессией, которая сохранялась на протяжении нескольких поколений, свидетельствует об устойчивом характере билингвизма и о его важном социальном значении. Вместе с тем, едва ли есть основания предполагать, что двуязычие в условиях рабовладельческой империи было массовым. Оно, в основном, сохраняло групповой характер. Помимо переводчиков, двуязычие, по всей вероятности,

* См. "письмо" скифов в виде птицы, лягушки, мыши и пяти стрел персам, о котором сообщает Геродот [Herodot 1967 : 330].

было распространено среди части рабов, ремесленников и торговцев, а также среди воинов и администрации захваченных территорий.

Известно, например, что войско Египта состояло сначала исключительно из местного населения, но с расширением границ государства в его состав стали включаться представители покоренных народов (эфиопы, гиксосы, ливийцы и др.). Все они становились двуязычными, так как командные посты в армии занимали египтяне. Основная же масса народа (крестьяне, рабы) была одноязычной, как и привилегированная государственная и духовная знать. Следовательно, двуязычие в рабовладельческом обществе было распространено в большей степени среди средних слоев населения и не являлось еще признаком высокого социального престижа.

Вероятно, одной из наиболее существенных особенностей языковой ситуации в многоэтничном рабовладельческом обществе была тенденция к созданию государственного языка-посредника как средства межэтнической коммуникации, причем не только устного, но и письменного. В некоторых случаях один язык и одна система письма выходили победителями еще до возникновения империи, как, например, в Египте в эпоху Средней Империи или в Японии времен сёгуната. Однако такое простое решение было довольно редким явлением, обычно создатели империи стояли перед выбором из нескольких языков, распространенных на данной территории. Чаще всего преимущество отдавалось родному языку правителей и их приближенных, но иногда выбор падал на другой язык, если он уже до этого использовался как средство коммуникации на многоязычной территории и имел письменность. Интересна в этом отношении языковая ситуация в Персидской империи времен Ахеменидов (6—4 в. до н.э.), где персидский язык по своей социальной нагрузке занимал довольно скромное место среди других языков. Знаменитая надпись на скале у дороги из Вавилона на Экбатан о деяниях Дария I была составлена на трех языках (эламском, староперсидском и аккадском), однако победителем в конечном счете оказался четвертый язык — арамейский, носители которого в империи Ахеменидов не играли никакой политической роли. Но это был язык торговли и культуры, обладавший хорошо разработанной системой письма, широко использовавшийся как средство межэтнической коммуникации в Месопотамии. Властители персидской империи были вынуждены признать арамейский язык в качестве официального [Kopaliński 1974 : 15].

Таким образом, в эпоху рабовладельческого общества социальная роль билингвизма резко возрастает, что находит свое выражение в профессиональном двуязычии и в стремлении создать государственный язык межэтнического общения не только в устной, но и в письменной форме.

4. Билингвизм в феодальном обществе. Эпоха феодализма — универсальная социально-экономическая формация, которую прошли все

народы без исключения, характеризуется обычно как период упадка, засилия церкви и мракобесия. И это верно. Однако в экономическом отношении феодализм был более прогрессивной формацией, чем рабовладельчество. Рабы не были заинтересованы в повышении производительности труда, а воспроизведение рабочей силы не обеспечивалось в рамках самого хозяйства.

Феодальный строй создал общественную форму производства, основанную на мелком индивидуально-семейном хозяйстве в условиях феодальной собственности на землю. Трудящийся индивид (крестьянин и ремесленник) получил возможность самостоятельно добывать средства существования для себя и семьи. Это резко повысило личную заинтересованность в результатах труда. Укрепление и развитие натурального крестьянского хозяйства имело определенные социальные последствия. Экономическая независимость отдельных областей в условиях натурального хозяйства привела к распаду полиэтнических империй. Земельные магнаты постепенно ушли от центральной власти и заняли независимое положение. Образовавшиеся таким образом королевства также не представляли собой единства и распадались на еще более мелкие административно-хозяйственные объединения со своими законами, денежной системой и даже языком. Партикуляризм привел к резкому снижению обмена и межэтнических связей. Потребность в языке-посреднике практически отпала. Так, например, на бывших территориях Римской империи, где латынь была языком межэтнического общения, возникли в результате ее смешения с местными языками современные романские языки Испании, Франции, Италии и Румынии. При установлении феодальных границ значительную роль играл этнический принцип, связанный также с учетом языковых особенностей населения. Разделение, например, империи Карла Великого после его смерти осуществлялось с учетом языковых границ: Карл Лысый получил романоязычную территорию будущей Франции; Людвиг Немецкий — территорию будущей Германии, а Лотар — будущей Италии. Это языковое разделение зафиксировано в официальном документе, в так называемых Страсбургских клятвах. Обычно такие документы составлялись на латинском языке, но в этот раз, чтобы их поняли войска Карла Лысого и Людвига Немецкого, они были выполнены на местных языках: древнефранцузском и древневерхненемецком [Жирмунский 1956 : 29]*. Таким образом, государственный сепаратизм сопровождался в эпоху феодализма, как правило, и языковым сепаратизмом.

Структура феодального общества носила ярко выраженный иерархический характер. Народные массы крестьян и ремесленников противостояли феодалам и духовенству не только в социально-экономическом отношении, но и в языковом. В результате стремления к созда-

* Более детальную характеристику коммуникативных отношений в Германии в эпоху расцвета феодализма см. [Schieb 1980].

нию письменного литературного языка, отличающегося от разговорно-бытового, возникала диглоссия общественной верхушки. [Степанов 1975 : 186]. Параллельно с этим очень часто в качестве языка администрации, науки и культуры использовался в феодальном обществе язык религии — господствующей идеологии феодального общества. В странах Западной Европы это была латынь, на Ближнем и Среднем Востоке — классический арабский. Поскольку эти языки в эпоху средних веков были уже мертвыми, то их распространение могло осуществляться только искусственным путем в условиях школьного обучения. Появление искусственного билингвизма является одной из специфических особенностей языковой ситуации феодального общества по сравнению с предыдущими эпохами. Искусственное двуязычие носило ярко выраженный классовый характер: двуязычными были феодалы и духовенство, народные массы оставались в своем большинстве одноязычными. Однако необходимость идеологического и юридического воздействия на массы со стороны социальной верхушки (законодательство, религия) вызвала к жизни широкую переводческую деятельность. Первые переводчики, учитывая целенаправленность своего труда, стремились в какой-то степени приблизить язык переводов к разговорному языку народных масс (такой была переводческая деятельность Кирилла и Мефодия в Моравском княжестве или Ноткера в Германии). Таким образом, специфика языковой ситуации в эпоху феодализма состояла в следующем: 1) двуязычие и диглоссия носили групповой, а не массовый характер; 2) их распределение в обществе было связано с классовой принадлежностью их носителей: двуязычной была социальная верхушка, народные массы были одноязычными, следовательно, диглоссия и билингвизм были признаками социального престижа; 3) получают широкое распространение искусственное двуязычие и переводческая деятельность; 4) основным типом диглоссии была литературно-разговорная форма, а двуязычия — двуфокусный билингвизм, где в качестве языка микропосредника использовался язык другого народа (латынь, арабский) или более архаические формы языка данного этноса (санскрит, старославянский и др.).

5. Двуязычие в эпоху капитализма. "Развивающийся капитализм, — пишет В.И. Ленин, — знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих отношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т.д. Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм" [Ленин, т. 24 : 124].

В эпоху феодализма, как было сказано выше, государственные

границы часто совпадали с этническими и языковыми. Когда к феодальному государству присоединялись новые территории, их зависимость ограничивалась признанием власти короля и уплатой дани. Язык и обычаи оставались нетронутыми, если захват земель не сопровождался их колонизацией. Возникновение капитализма с его тенденцией к кооперации, ведущей к разрушению индивидуального хозяйства и организации коллективного производства, способствовало возникновению наций и многонациональных государств, представляющих собой единый административно-хозяйственный комплекс. Язык господствующей нации в таких условиях, как правило, объявляется государственным. Социальное значение языков национальных меньшинств резко падает. Среди их носителей распространяется двуязычие, которое вначале охватывает только социальную верхушку и интеллигенцию, а впоследствии и другие слои общества. Одновременно с этим процессом укрепляет свои позиции и письменно-литературная форма государственного языка путем вытеснения территориальных говоров, что сопровождается диглоссией значительных контингентов населения. При капитализме естественный билингвизм и диглоссия, в отличие от эпохи феодализма, являются характерными для низших, социально ущемленных слоев общества.

Одной из наиболее существенных особенностей языковой ситуации в капиталистическом обществе является рост национального самосознания отдельных этнических групп и связанного с этим языкового антагонизма, причем не только в условиях многонациональных государств (как, например, Австро-Венгрия или царская Россия), но и в менее пестрых в национальном отношении странах (Англия, Бельгия и др.). В результате сознательной политики господствующего класса, направленной на вытеснение из всех сфер общественной жизни языков национальных меньшинств или ограничение их функционального развития, возникают языковые конфликты, представляющие собой своеобразное проявление основного классового противоречия антагонистического общества: противоречие между угнетателями и угнетенными.

Насильственной языковой политике "сверху" противопоставляется языковая политика "снизу", целью которой является защита культурной и языковой самобытности угнетенных наций. Именно в этот период двуязычие осознается как особая социальная проблема, поскольку вытеснение или функциональное ограничение языков национальных меньшинств осуществляется через навязанное сверху двуязычие. Таково влияние первого закона капитализма на языковые процессы внутри многонационального государства. На второй стадии развития капиталистического общества усиливается тенденция к кооперации между государствами, усиливается борьба за источники сырья, рынки сбыта. Колониальная экспансия, сопровождаемая насаждением чужой администрации и языка метрополии в завоеванных странах, ведет к распространению двуязычия среди социальной ~~верхушки местного на~~

селения. В этих странах повторяется в какой-то степени языковая ситуация феодальной Европы, где в качестве языка администрации, науки и культуры насаждался чужой язык, с той лишь разницей, что в средние века это был мертвый язык (латынь, классический арабский, старославянский и др.), а в эпоху колониальных захватов — живой, развитый в функциональном отношении национальный язык (английский, французский, испанский и др.).

Миграция населения в наиболее развитые капиталистические государства, где испытывалась потребность в рабочей силе, имела своим следствием двуязычие иммигрантов. Широкое распространение получает искусственный билингвизм сначала среди имущих, а затем и среди средних слоев населения. Изучение иностранных языков становится важной частью среднего и высшего образования. Переводческая деятельность снова становится профессией, как это было в рабовладельческом обществе, но социальная роль ее значительно возрастает, возникают новые формы перевода: устный (последовательный и синхронный), письменный (документация, научно-техническая и художественная литература).

Стремление к сотрудничеству, выходящему за национальные рамки, привело к использованию отдельных национальных языков в качестве международных (английский, французский, испанский, русский), а также к возникновению искусственных вспомогательных языков типа эсперанто, идо и др. Колониальная экспансия и насильственное внедрение языков господствующих наций привело к их взаимодействию с разнотипными местными языками, вследствие чего появились смешанные языки-микросредники типа пиджин, бич-ла-мар и др., обладающие ограниченными социальными функциями, в основном в сфере мелкой торговли и повседневного общения.

Таким образом, в капиталистическом обществе происходит усложнение коммуникативных отношений, в связи с чем социальная роль двуязычия значительно возрастает как на внутригосударственном, так и на межгосударственном уровнях.

Особенности двуязычной ситуации при капитализме в сжатом виде можно выразить следующим образом: 1) широкое распространение получило динамическое однофокусное и двуфокусное двуязычие, особенно внутри многонациональных государств, ведущее к сокращению языков национальных меньшинств; 2) возникают языки-микросредники различного типа с ограниченным количеством функций (администрация, образование, торговля); 3) искусственное двуязычие превращается в важный признак культуры и образования; 4) переводческая деятельность становится профессией и принимает новые разнообразные формы; 5) благодаря широкому распространению диглоссии укрепляют свои позиции стандартизированные литературные языки, постепенно вытесняя территориальные диалекты, говоры и другие формы устного общения; 6) возникают языки международного общения на

основе национальных, а также искусственные вспомогательные языки; 7) широкое распространение получает колониальное двуязычие на захваченных территориях (языковой экспорт) и в метрополиях — двуязычие иммигрантов (языковой импорт); 8) возникают тенденции к сознательному регулированию языковых процессов и к языковому планированию в интересах господствующих классов и языков.

6. Двуязычие в социалистическом обществе. Социализм — это первая стадия коммунистического общества, которая, как известно, сохраняет в себе некоторые черты прежних состояний. Особенно наглядно это видно в области языка. Завоевание власти пролетариатом, провозглашение равноправия всех наций и народностей, создание одинаковых возможностей культурного, научного и социального прогресса для всех без исключения членов общества не могут мгновенно изменить социальный статус всех языков, которые, как известно, не относятся к надстроечным явлениям и, следовательно, не подвергаются коренным преобразованиям вместе с изменением социально-экономического уклада общества. И при социализме остаются языки с ограниченной функциональной нагрузкой, носители которых составляют небольшие общности. Расширение социальных функций этих языков (как правило, бесписьменных, обслуживающих только сферу бытового общения) означало бы создание письменности на этих языках, печатного дела, образования (от начального до высшего), перевода научной и художественной литературы, что признается не только нецелесообразным, но и нереальным с экономической точки зрения. С другой стороны, осуществление названных мероприятий привело бы к социальной и культурной изоляции малых народов и наций, поскольку это ограничивало бы их возможности выбора профессии или устройства на работу, связанные с использованием родного языка.

Реализация общегосударственного закона о равноправии всех наций и народов в условиях социалистического многонационального государства достигается через двуязычие. Поистине массовым двуязычие становится именно в этот период, где оно не является признаком социального престижа или социального угнетения, как это имело место в эпоху антагонистических формаций, а, наоборот, обеспечивает одинаковые возможности культурного, научного и социального развития представителям любых наций и народностей, сколь малыми бы они ни были. Национальные меньшинства, следовательно, сохраняются и при социализме, однако исчезает сама проблема. Эпоха языкового антагонизма сменяется эпохой сотрудничества языков, как одной из форм экономического и культурного сотрудничества их носителей.

Массовое двуязычие может иметь различные последствия для различных (главным образом, по величине) языковых коллективов. С одной стороны, происходит смена языка у малых народностей, с другой. — возникает устойчивое сбалансированное двуязычие со строгим распределением функций между Я₁ и Я₂. Характерно, что в пер-

вом случае даже потеря языка как одного из важных этнопоказателей часто не сопровождается культурной и этнической ассимиляцией и, что очень важно, осуществляется добровольным, ненасильственным путем (конкретные примеры этих процессов см. [Михайлов 1969 : 80; Губогло 1972 : 26; Дешериев, Протченко 1968 : 228]. По данным С.И.Брука за период с 1926 по 1959 гг. в СССР "исчезли" в результате процессов консолидации почти 90 этнических групп, слившихся с крупными социалистическими нациями (например, мегрелы, сваны и лазы — с грузинами) или объединившихся в более крупные народы: около 20 малочисленных этносов Алтае-Саянского нагорья образовали два крупных народа — алтайцев и хакасов [Брук 1986 : 145]. Разумеется, все эти процессы не могли не затронуть языковую ситуацию и коммуникативные отношения в отдельных регионах нашей страны.

Однако более типичным для социалистического общества является второй путь, связанный с возникновением двуязычия и распределением общественных функций между контактирующими языками. В условиях многонационального государства это распределение осуществляется между местными языками (обиходно-бытовая сфера, литература, искусство, общественно-политическая жизнь и т.п.) и языком межнационального общения (делопроизводство, высшая школа, наука). В отдельных сферах (школа, печать, радио и телевидение) параллельно используются два языка. Такое двуязычие обладает большой устойчивостью, так как два взаимодействующих языка в этом случае не соперничают, а как бы дополняют друг друга. В качестве языка межнационального общения в условиях нашего социалистического многонационального государства используется русский язык.

Как было сказано выше, и в прежние эпохи возникали языки межэтнического, а с образованием наций — межнационального общения. Однако все они были микроязыками-посредниками, обладающими ограниченным числом общественных функций (языки торговли, администрации или образования) и используемыми относительно небольшими группами населения. Таким был и русский язык до революции. В условиях социализма он превратился в язык-макропосредник, который используется во всех сферах общественной жизни широкими массами трудящихся различных национальностей без какого-либо ущерба для внутринационального общения на родном языке*.

Разумеется, устойчивое массовое национально-русское двуязычие не может не сказаться на самом характере контактирующих языков. Результатом такого взаимодействия является прежде всего их лексическое сближение, связанное с образованием общего лексического фонда основу которого составляет общественно-политическая и научно-техническая терминология. Именно в этом факте следует видеть воз-

* О роли русского языка как языка межнационального общения в СССР подробно см. [Дешериев 1976 : 9 и сл.].

никновение в условиях многоязычного государства при социализме своеобразного языкового союза, который коренным образом отличается от языковых союзов, складывавшихся в эпоху антагонистических обществ. Например, так называемый Балканский языковый союз, включающий в себя родственные индоевропейские языки (албанский, болгарский, греческий, македонский), возникший на основе смежности территории и сходства культуры, а также природных и климатических условий, отличается от советского языкового союза, как его предлагает называть Ю.С.Степанов [1975 : 207], в который входят разносистемные языки, используемые представителями различных культур, проживающими в различных природных и климатических условиях нашей страны. Основой такого союза является не территориальная и культурная близость, а общность социально-экономического уклада, определяющего образ жизни советских людей любой национальности и культуры. В социалистическом государстве двуязычие приобретает огромную социальную значимость и становится важнейшей частью сознательного управления языковыми процессами в интересах всего общества*.

Таким образом, говоря о специфике языкового контактирования в социалистическом обществе, необходимо подчеркнуть следующее: 1) возникает массовое, устойчиво сбалансированное двуязычие, охватывающее самые широкие слои населения; 2) основным видом двуязычия в СССР является национально-русское двуязычие, где русский язык превращается из микропосредника в язык-макропосредник; 3) в результате языкового взаимодействия при билингвизме возникает новая общность — советский языковый союз; 4) реализация установок партии относительно языка носит бесконфликтный характер, поскольку языковая политика "снизу" и "сверху" практически совпадает; 5) на начальных этапах социалистического строительства имеют место случаи языкового сдвига в процессе этнической и языковой консолидации малых народов; 6) ряд признаков языковой ситуации предыдущей эпохи сохраняется и при социализме (переводческая деятельность как профессия, искусственное двуязычие и др.), получая новые импульсы для развития.

Таким образом, двуязычие как особое социальное явление демонстрирует исключительную способность приспосабливаться к коммуникативным потребностям общества на протяжении всей его истории. Оно всегда возникает в тех ситуациях, где появляется необходимость в политических, экономических и культурных контактах между людьми, принадлежащими к разным языковым коллективам независимо от

* Основные принципы национальной и языковой политики коммунистической партии были разработаны классиками марксизма-ленинизма еще задолго до победы социалистической революции в нашей стране. Подробно об этом см. [Аврорин 1970 : 6; Білодід 1971 : 21 и сл.].

их величины и структурных особенностей используемых языков.

Усложнение общественных отношений внутри отдельно взятых социально-экономических формаций (от первобытнообщинного строя до социализма) шло параллельно с усложнением коммуникативных отношений, что находило свое выражение во все возрастающей общественной роли двуязычия. Необходимо подчеркнуть, что при социализме в отличие от предыдущих антагонистических образований двуязычие становится одним из важнейших аспектов языковой политики партии и государства, направленной на максимальное удовлетворение коммуникативных потребностей представителей малых и больших народов в интересах духовного и экономического развития всего общества.

Разумеется, рассмотренные выше некоторые вопросы взаимодействия языков в условиях различных общественно-экономических формаций ни в коей мере не могут претендовать на полное решение данной проблемы. Справедливо пишет Ф.П.Филин: "История двуязычия в связи с историей общества — неисчерпаемая тема. Историю двуязычия предстоит еще написать" [1972 : 24]. Ее дальнейшее изучение имеет большое теоретическое и прикладное значение. Знание закономерностей языкового взаимодействия при билингвизме в условиях различных социально-экономических формаций будет способствовать решению таких кардинальных проблем современной лингвистики, как: 1) связь языка и общества, лингвистики и других наук о человеке (в первую очередь — общественных); 2) влияние внешних и внутренних факторов на языковое развитие и изменение*; 3) научные основы управления процессами языкового взаимодействия и прогнозирование последствий этих процессов в будущем.

НЕОРГАНИЧЕСКИЙ ЯЗЫК В МНОГОЯЗЫЧНОЙ СИТУАЦИИ

1. Применение системного метода в лингвистическом анализе имеет уже прочные, сложившиеся традиции и доказало свою достаточную эффективность. Благодаря ему стало возможным глубже проникнуть во внутренние закономерности строения языка и речи, осветить подлинные соотношения элементов в общей языковой системе, установить функциональную обусловленность структуры языка, а также найти объяснение ряду внешних явлений и процессов, связанных с использованием языковых средств в общении.

Однако на применении системного анализа в различных науках, в том числе и в лингвистике, не может не сказываться то, что сама

* В настоящее время все больше раздается голосов в пользу конвергентной теории происхождения языковых семей (индоевропейской, семитской, алтайской и др.) в результате контактов разнотипных языков и диалектов в доисторическую эпоху и против дивергентной теории, связанной с распадом некоего гипотетического праязыка. См., например, [Seidel 1980].

общая теория систем еще находится в процессе становления. В природе и обществе существует огромное количество самых разнообразных системных объектов, поэтому неудивительно, что вывести самое общее их определение весьма непросто. Ввиду этого даже самое главное понятие общей теории систем, т.е. понятие *система*, часто толкуется по-разному. Например, ряд современных авторов определяет систему как "множество объектов, которые обладают заранее определенными свойствами с фиксированными между ними отношениями" [Уемов 1968 : 17]. Нетрудно заметить, что в качестве определяющего признака системы при этом принимается предварительная заданность ее компонентов и внутренних отношений, что характерно не для всех видов системных явлений. Больше всего соответствует такое определение искусственным системам, специально создаваемым человеком для выполнения тех или иных функций. Еще недавно такую трактовку системы можно было считать вполне приемлемой. Проблемами системности раньше всех начали заниматься представители технических наук, на начальном этапе познания системных объектов основное внимание привлекало, естественно, их отличие от простых совокупностей явлений. Важно было прежде всего установить, что системное целое не просто с о с т о и т из своих компонентов, но в своей сущности определяется их взаимными отношениями и связями и даже такое начальное понимание системности оказалось плодотворным. В лингвистике, например, оно позволило значительно уточнить представления о внутриязыковых явлениях, связях и процессах, об их роли в общем строении языка. В то же время, однако, этим концепциям была свойственна и определенная ограниченность: в той или иной степени они способствовали распространению представлений о языке как системе имманентной, изолированной от других системных образований и от собственных носителей.

С течением времени в системных концепциях научного познания стали учитываться не только внутренняя структура и взаимосвязь элементов познаваемого объекта, но и общие его функции как целого, его внешние свойства, которые, как оказалось, тесно взаимосвязаны с внутренней сущностью и строением и находятся с ними в отношениях взаимной обусловленности. Системный объект стал рассматриваться не только как "некоторое целое, составленное из определенных взаимодействующих элементов, но и такая совокупность элементов, которая обладает определенным поведением в составе другой, более сложной системы — окружающей среды" [Смирнов 1978 : 64]. Это расширенное толкование понятия *система* было обусловлено интенсивным развитием общей теории систем, в частности, распространением ее методов на познание объектов биологического мира и человеческого общества. Более плодотворным оно оказалось и для лингвистики, предметом изучения которой являются весьма динамичные и гибкие системы, обладающие разнообразным, но четким набором функций. При том,

что "лингвистическая системность в корне отлична от системности в других областях знаний (скажем, в биологии, физике и др.)" [Маковский 1980 ; 7], основные ее принципы вполне соответствуют закономерностям, установленным общей теорией систем.

Введение в поле зрения исследователей такого параметра системы, как ее поведение, не просто означало включение в рассмотрение дополнительного ее аспекта, но внесло в системный анализ качественные изменения. "Данное понятие системы, — подчеркивает С.Н.Смирнов, — нацеливает исследователя на то, что в системном исследовании изучается не что иное, как *поведение объекта как целостного образования* и изучается оно именно с точки зрения внутренней структуры объекта, с точки зрения *взаимодействия его элементов*, т.е. задача системного исследования состоит в том, чтобы объяснить особенности поведения и свойств целостного объекта, исходя из специфики его элементов и особенностей взаимодействия между ними" [Смирнов 1978 : 64].

Принимая, что объект познания объективно представляет собой единство двух противоположных сторон — поведения и его материального носителя — строения, диалектический подход к языку исходит из того, что этот объект находится в состоянии непрерывного движения, взаимодействия с другими системными образованиями, которые в той или иной степени обуславливают его существование. Конечно, вполне допустимо изучение внутренней сущности и строения какого-либо движущегося, изменяющегося объекта, при котором сам момент движения и характер последнего остается на какое-то время в стороне; столь же правомерно исследование того, как движется ("ведет себя") материальное или вообще системное образование, при котором мы абстрагируемся от того, как оно устроено. Но в каждом из этих подходов к объекту необходимо иметь в виду, что он дает лишь частичное, неполное представление о предмете исследования, является лишь этапом на пути к его полному познанию.

2. Важным моментом в познании системы является также то, что ее поведение состоит не просто в движении и изменении, но во взаимодействии системного объекта "с другими объектами, составляющими в своей совокупности окружающую среду"... [там же: 65]. Поэтому познавать объект, обладающий системными свойствами, значит изучать его взаимодействие с окружающей средой, учитывая изменения его как целостного образования "в ответ на те или иные воздействия среды" [там же: 64].

Таким образом, если исследователь ограничивает свои задачи выяснением сущности и внутреннего строения данной системы, не просто отвлекаясь условно от изучения среды, в которой она функционирует, но сознательно игнорируя этот важный параметр, он не сможет получить полного знания и о самой системе. Ввиду этого в каждом конкретном случае возникает необходимость четко определить, что собой представляет среда системы, из чего она состоит, какие изменения свойст-

венны ей самой, и как они сказываются на ее отношениях с системой, а в конечном счете и на системе. Ведь непрерывное движение и изменение свойственны обоим взаимодействующим сущностям -- и системе и ее среде.

По всем этим вопросам также пока нет единого мнения специалистов теории систем. Одни, например, считают, что среда данной системы — это "другая, более сложная система", в которую первая входит в качестве компонента [там же]. Но существует мнение, что среду составляют компоненты не какой-либо одной, а целого ряда других, более сложных систем. А.В.Бондарко указывает, что роль среды для данной, более узкой системы играют не все элементы другой, широкой системы, а только те, которые составляют ее обуславливающее и обуславливаемое окружение [Бондарко 1985 : 14]. Составляющие среду элементы других систем не обязательно связаны друг с другом, они объединяются лишь тем, что находятся во взаимодействии с данным системным объектом, обуславливая его поведение. Некоторые авторы вообще не считают, что среда обладает собственными системными свойствами, рассматривая ее лишь как "контекст окружающих систему (в пространстве и времени) фактов" [Берг, Бирюков 1983 : 20]. Как видим, здесь не принимается во внимание ни активность среды по отношению к системе, ни влияние системы на среду, все сводится к статическому соположению этих двух сущностей. Наконец, нередко можно услышать и такие заявления, что средой данной системы является совокупность у с л о в и й ее функционирования. В этом случае не принимается во внимание, что условия с о з д а ю т с я тем или иным характером среды, а не возникают сами по себе; являясь следствием среды условия отражают также и характер ее взаимоотношений с системой. Подменяя понятие среды понятием условий, невозможно преодолеть идеалистическое понимание системы как имманентного, саморазвивающегося в изоляции явления.

3. В лингвистической литературе наличие среды, в которой функционирует языковая система, зачастую принимается как факт, не требующий ни особого анализа, ни доказательств. В то же время не все компоненты среды, обуславливающие действие языка, учитываются с достаточной полнотой. В огромном большинстве случаев даже те авторы, которые фактору среды уделяют внимание, сводят ее исключительно к социальному компоненту — действительно одному из важнейших, но не исчерпывающему все ее разнообразие. Многие зарубежные лингвисты, вслед за де Соссюром, придерживаются мнения, что явления социальной среды относятся в лучшем случае к области "внешней лингвистики" и поэтому не представляют особого интереса для изучения внутренних явлений языка.

До недавних пор в западном языкознании считалось неоспоримым, что языковые факты можно объяснять лишь с помощью других фактов этого же языка, а не какими-либо гетерогенными по отношению к ним

явлениями. К числу таких гетерогенных явлений обычно относили и среду. Даже такие выдающиеся лингвисты, как Е.Курилович, считали грубой методологической ошибкой попытки поставить изменения языка в зависимость от социальных факторов. Н.Хомский, как известно, строил всю свою концепцию языка на представлении его как идеальной системы, действующей независимо от среды.

Часть лингвистов, в общем признающих, что язык связан со средой, считают, что в этой взаимосвязи язык играет первичную, определяющую роль, а среда вторичную: изменения в языке, по их мнению, предшествуют связанным с ними социальным явлениям. Ввиду этого задачи исследователя усматриваются лишь в определении степени корреляции языковых изменений с социальными факторами, но не в выяснении характера их взаимосвязей. В.Лабов вообще утверждал, что социальные изменения "паразитируют" на изменениях языка, представляющего собой "нейтральное орудие" [Labov 1971 : 205].

По мере развития социолингвистики на Западе все более утвердилось мнение, что социальная обусловленность языковых изменений существует постоянно и охватывает большой круг явлений. Разработка проблем "языкового планирования" выдвинула на видное место теорию намеренного воздействия общественно-политических и государственных институций на язык, расширения его функций, повышения статуса и пополнения арсенала выразительных средств. Многочисленные аргументы в пользу планомерной деятельности, направленной на совершенствование языка как средства общения и как общественного ресурса, получили широкое признание. И все же даже среди социолингвистов понимание языковой среды и ее роли до сих пор не может быть признано достаточно четким и недвусмысленным.

В нашей отечественной лингвистике проблема отношений языковой системы и ее среды ставится более осознанно и обоснованно. "Понятие языковой среды... неразрывно связано с понятием системы, — пишет М.М.Маковский. — Система мыслима лишь в рамках той или иной языковой среды..." [1980 : 170]. "Происхождение и саморазвитие языка, с одной стороны, — замечают авторы другой книги, — и его внешние контакты, с другой, выступают как силы, по-своему противостоящие друг другу, с противоположных сторон формирующие своеобразие конкретного языка" [Общее языкознание 1983 : 364]. Но и в рамках этого, вполне правильного понимания необходимость более углубленного и конкретного понимания языковой среды сохраняет свою актуальность.

Едва ли не самое большое внимание данной проблеме уделил В.А.Аврорин, определивший среду как "тот вид общности людей, связанных между собой родственными, этническими, социальными или территориальными узами, в пределах которого реализуется общение" [1975 : 69]. Он первым указал на сложность и разнообразие среды, выделив следующие ее виды: семейно-бытовой, производственный,

социально-групповой, региональный, организационно-общественный (понимаемый им как "временно организованное средоточие людей"), национальный, межнациональный, общечеловеческий. Этот перечень вряд ли может вызвать какие-либо возражения, однако в нем охвачены лишь те виды, которые представлены "общностями людей", т.е. отражающие отношения между отдельным говорящим и его более близким или более далеким человеческим окружением. В этом есть, конечно, свое основание, так как все отношения, в которые вступает язык с компонентами среды, проходят через социальный опыт говорящих. Однако нельзя не учитывать и того, что через этот опыт язык взаимодействует и с окружающим его "вещным" миром, с естественно-географическим и культурным компонентами среды, с другими языками и т.д.

Понимая под средой "условия использования языка", В.А.Аврорин особо выделяет также "сферы" его действия, т.е. области применения, к числу которых относит хозяйственную и общественно-политическую деятельность, быт, организованное обучение, художественную литературу, массовую информацию, эстетическое воздействие, устное народное творчество, науку, делопроизводство, личную переписку, религиозно-культовую деятельность [там же : 70]. Нетрудно заметить, что все эти сферы относятся к одной и той же, исключительно "человеческой", среде функционирования языка, играющей, конечно, одну из важнейших ролей, но не исчерпывающую всего разнообразия среды, в которой язык формируется, действует и развивается.

А.В.Бондарко также подчеркивает особую важность взаимозависимости языка и его среды как "одного из основных системных принципов, наряду с такими свойствами системы, как целостность и иерархичность" [1985 : 13]. Однако, поскольку в качестве системного объекта он берет языковую единицу или категорию, то связанная с этим объектом среда носит лишь внутриязыковой характер. Только в одном случае — при рассмотрении в качестве факторов окружения системного объекта контекста и речевой ситуации — отмечается необходимость учитывать также "внеязыковые социальные факторы и их отражение в сознании говорящего и слушающего", в частности "социальную установку, статус и ролевые отношения участников коммуникативного акта, социальную детерминацию модели порождения речи" [там же : 15]. Вопрос о характере среды для всей языковой системы в целом А.В.Бондарко фактически не ставится. Не могут внести необходимой ясности и отрывочные замечания о том, что "социальные факторы, связанные с языком, не могут быть сведены к функции внешней среды", что решая вопрос об этих факторах, необходимо "избегать упрощения и схематизма", или, что к социальной среде следует относить "социальные факты, анализируемые с учетом их соотношенности с языковыми явлениями" [там же : 21]. Между тем проблема "язык и его среда" является очень важной не только для социальной, но и для

“внутренней” лингвистики. Изменения языка представляют собой общий результат взаимодействия его системы как целого со средой и взаимодействия внутренних элементов языка между собой. Актуальной задачей науки о языке является выяснение характера обоих видов взаимодействия, их соотношения и интенсивности.

В наши задачи не входит полное определение всех факторов и компонентов внешней среды языковой системы. Достаточно будет обратить внимание на то, что среда так же множественна и разнообразна, как множественны и разнообразны функции языка. Основное назначение языка — обеспечение языкового общения, которое реализуется в обществе, поэтому социальная среда составляет неперемный и важнейший компонент общей неязыковой среды. Он очень активен, воздействует и на общее поведение языковой системы и на интенсивность ее взаимодействия с остальным окружением. На этом основании некоторые авторы утверждают, что “структура языка — тоже важный продукт социального мира”, т.е. социальная природа использования языка может формировать его структуру, влиять на ее развитие, содействуя ему или ограничивая его: “В структурном отношении язык формируется фактом своего использования в социальной действительности” [Sankoff 1980 : XVII]. Усматривая непосредственную связь между структурой языка и его социальной средой, эти лингвисты рекомендуют учитывать в анализе языка два уровня социальных фактов: а) политические, социальные и экономические события, которые влияли на место языка (или языковой разновидности) в социальной жизни коллектива, и б) социальные ситуации языкового употребления [там же : XIX]. Исследования советских социолингвистов, однако, убедительно показали, что связи языка с общественной средой значительно более сложны, непосредственно воздействует она лишь на функциональную сторону языковой деятельности и только через нее может оказывать влияние на структуру языка и состав его выразительных средств [Аврорин 1975].

Поведение языковой системы реализуется в ее диалектических связях и с другими видами среды. “Динамическая форма существования языковых подсистем в процессах мыслительной речевой деятельности, — отмечает, например, А.В.Бондарко, — включает в себе психологический аспект и взаимодействует с социально-психологическими элементами внеязыковой среды” [Бондарко 1985 : 22]. Номинативная функция языка, играющая важную познавательную и коммуникативную роль, реализуется в его взаимодействии с несколькими видами среды — социальной, экономической, семейно-бытовой, материально-культурной, производственной, естественно-географической и т.д., опираясь при этом на совместный опыт всего языкового сообщества. Прочие функции языка — эмоционально-экспрессивная, оценочная, эстетическая и др. также реализуются каждая во взаимодействии его с несколькими видами внеязыковой среды.

Существенно, что среда не нейтральна по отношению к действующей в ней системе языка, но включает в себя элементы, обуславливающие действие последней и обуславливаемые ею [Бондарко 1985 : 14]. При этом система и среда отличаются друг от друга также уровнем системности: "поскольку элементы среды более разнородны и рассеяны, она может характеризоваться лишь признаками слабой системности" [там же]. Нам, однако, представляется, что так бывает не во всех случаях. Во-первых, само взаимодействие с системой сообщает среде определенный уровень организации. Изменения в любом компоненте внеязыковой среды — социальном, естественно-географическом, культурном, производственном и т.д. достаточно действенны по отношению к языку, они неизбежно отражаются на составе и свойствах его элементов, их взаимоотношениях и на общем функционировании языковой системы. Во-вторых, входя в состав внешних по отношению к данному языку системных образований, элементы среды подвергаются не менее "сильной" организации по правилам этих внешних систем и взаимодействуют с языком по двум линиям — как отдельные компоненты среды и как закономерные звенья своей внешней системы. Игнорирование роли внеязыковой среды в функционировании и строении языка, типичное для идеалистического языкознания, объясняется его неспособностью постичь диалектику взаимоотношений языка и его окружения.

4. Как известно, функционирование конкретных языков протекает постоянно в среде других языков, поэтому изолированное рассмотрение какого-либо языкового образования воспринимается всеми как научная абстракция. Описания различных контактных ситуаций и связанного с ними взаимовлияния соприкасающихся языков составили уже огромную литературу. В ней не только накоплен значительный эмпирический материал, но и сделан ряд интересных обобщений. Однако отношения между взаимодействующими языками чаще всего трактуются как существующие между однопорядковыми системами, хотя в действительности очень часто одна из них играет роль компонента внешней среды для другой.

Особую актуальность проблемы межъязыковых отношений приобретают в многоязычных сообществах, где ими вынуждены заниматься не только лингвисты, но и социологи, политики, этнографы, антропологи, психологи, педагоги и т.д. Из их совместных обсуждений возникла важная междисциплинарная научная область, получившая название теории языковых ситуаций. Ее задачей является "установление общественных функций, выполняемых языковыми образованиями, определение иерархии языковых образований, обнаружение тенденций развития языковой ситуации и тем самым выделение перспективных языковых образований" [Никольский 1968 : 117].

В социолингвистике Запада исследование языковых ситуаций

зачастую сводится лишь к установлению количественных и оценочных соотношений, в которых находятся разные языковые сообщества и группы, населяющие одну страну. Так, по мнению Ч.Фергюсона, термин *языковая ситуация* "относится к общей конфигурации использования языка в данное время и в данном месте и включает такие данные, как сколько языков и какого рода языки используются в данном ареале, сколько человек на них говорит, при каких обстоятельствах, каких установок и мнений в отношении этих языков придерживаются члены данного коллектива" [цит. по: Швейцер 1976 : 131]. При таком подходе языковая ситуация вообще не анализируется с точки зрения качественных и функциональных взаимоотношений составляющих ее языков, не учитывается характер их поведения относительно друг друга и по отношению к общей языковой ситуации, взаимосвязь составляющих ее компонентов по линии "система — среда". Изучая многоязычные сообщества, западные лингвисты занимаются лишь "сетью коммуникации", уделяя основное внимание только синхронному анализу использования различных кодов, находящихся в распоряжении говорящих.

В советской науке языковая ситуация понимается как живое, динамичное объединение языковых образований на основе их функционирования в общей внеязыковой среде. "Языковая ситуация представляет собой функциональную общность языков и вариантов языков..., обслуживающих некоторый социум (этническую общность, политико-территориальное объединение, государство)" [Общее языкознание 1983 : 62].

Всеобщее признание получило у нас определение лингвистической ситуации, предложенное А.Д.Швейцером: "В самом общем виде, — писал он, — языковая ситуация может быть определена как модель социально-функционального распределения и иерархии социально-коммуникативных систем (т.е. языков и их разновидностей. — Ю.Ж.) и подсистем, сосуществующих и взаимодействующих в пределах данного политико-административного объединения и культурного ареала в тот или иной период, а также социальных установок, которых придерживаются в отношении этих систем и подсистем члены соответствующих языковых и речевых коллективов" [Швейцер 1976 : 134].

Нам хотелось бы обратить особое внимание читателя на отмечаемый А.Д.Швейцером момент в з а м о д е й с т в и я тех языков, которые составляют языковую ситуацию. "Языковые системы не только сосуществуют, — подчеркивал и М.М.Маковский, — но и взаимодействуют, взаимопроникают друг в друга, наслаиваются друг на друга..." [Маковский 1980 : 9]. Это свидетельствует, что языковая ситуация представляет собой не совокупность нейтральных по отношению друг друга систем или "конфигураций" их использования, а системное образование. "Она сама представляет собой довольно сложную систему, — указывал В.А.Аврорин, — состоящую из компонентов, лежащих

в разных плоскостях, но скрепленных причинно-следственными связями” [Аврорин 1975 : 257]. Входящие в нее языки, с одной стороны, взаимодействуют друг с другом как элементы общей макросистемы, с другой стороны, они взаимодействуют с одной и той же социальной, политической, культурной, естественно-географической средой, и наконец, они играют роль компонента внешнелингвистической среды для каждого из остальных компонентов языковой ситуации. Таким образом, вопрос о статусе и роли отдельных языковых систем в многоязычной макросистеме — лингвистической ситуации приобретает иной характер: это не просто один из ряда языков, используемых в пределах данного ареала, а действенный, динамический элемент общей многоязычной макросистемы, связанный в силу этого системными отношениями с ее прочими элементами и в то же время действующий в окружении этих прочих элементов как компонентов иноязыковой среды.

Социолингвистами разработана типология языковых ситуаций, в которой уделяется большое внимание тому, какие именно параметры языка оказываются наиболее существенными для определения занимаемого им места в общей ситуации, а также в формировании ее общих, наиболее важных типологических характеристик. Важную роль как определяющего фактора в функционировании языка в многоязычной ситуации играет характер его иноязыкового окружения.

5. При рассмотрении многоязычных ситуаций, как нам представляется, полезно также учитывать различия между такими характеристиками составляющих ситуацию языков, как отмеченные Д.Брозовичем “органичность — неорганичность”. Органическими он считает те языковые образования (по его терминологии *идиомы*), которые “развились в рамках конкретной этнической общности, следовательно, и конкретной этнической культуры; они удовлетворяют лишь ее коммуникативные и экспрессивные потребности” [Брозович 1967 : 4]. При этом не имеет значения, является ли данный язык автохтонным (первичным, родным) или вторичным, как и вообще генезис этого языка. “Для органического идиома существенно, что он удовлетворяет потребности конкретной культурно-этнической общности и существует только для этой цели” [там же]. Обычно он представляет собой “лишь говор социально монолитной, этнически гомогенной (назависимо от генезиса), замкнутой и устойчивой общности, с определенными особенностями культуры...” [там же]. Неорганические идиомы (языки), в отличие от органических, это новые языковые образования, возникающие на основе органических; существуя параллельно с ними, они “лишены строго определенной этнической характеристики” [там же]. Основной их чертой, по мнению Д.Брозовича, является формирование в условиях сосуществования и взаимодействия нескольких этнических сообществ и их культур, причем формирование путем обобщения или абстракции различных характеристик, свойственных отдельным органическим идиомам. Такое развитие характерно для

литературных (по терминологии Д.Брозовича — *стандартных*) языков, официальных или государственных, региональных или общенациональных разговорных языков, интердиалектов и т.д.

Различия по линии органичности — неорганичности Д.Брозович считает весьма важными для общей теории литературных (стандартных) языков. Исходя из того, что говорилось выше о роли среды в функционировании и развитии языка, следует, по нашему мнению, учитывать эти различия и при рассмотрении многоязычных лингвистических ситуаций. В органичности и неорганичности языков отражается различная степень связей языка с социальной и материальной средой, с культурой, этническим сообществом, разная степень прочности и традиционности этих связей. От всего этого зачастую зависит четкость статуса языка в данной ситуации, перспективы его существования и развития.

Культура, в широком понимании этого термина, — один из самых существенных признаков этнической общности, т.е. языкового коллектива. "...Именно культура этноса, — пишет Ю.В.Бромлей, — в целом обеспечивает его функционирование как системы. В таком функционировании этноса чрезвычайно важная роль принадлежит общности культуры. Ее символические (знаковые) компоненты, в первую очередь язык, обеспечивают... взаимное понимание и взаимную информацию членов этноса, без чего невозможна была бы их эффективная совместная деятельность" [Бромлей 1983 : 124]. "Из всех компонентов культуры! в широком смысле слова, — пишет он в другом месте, — обычно наиболее отчетливо выраженными этническими функциями обладает язык" [там же, 141]. Это чрезвычайно важное свойство языка — его слитность с культурой своего сообщества, со всем комплексом признаков этничности — и отражает характеристика органичности. Эта черта языка покамест не нашла применения ни в одной из предложенных классификаций лингвистических ситуаций, учитывающих выделение стандартных, классических, местных, креольских языков, пиджинов и т.д. [Швейцер 1976 : 134—135].

В большинстве многоязычных ситуаций современности органические языки занимают низшее, подчиненное положение. На высших ступенях обычно находятся либо надэтнические неорганические идиомы, либо один из органических языков, наделенный двойственной функцией — служить одновременно средством общения и культуры отдельного этноса и средством межэтнического общения, обслуживающего потребности всего полиэтнического политико-административного образования. В таком случае в одном и том же языке развиваются и органические и неорганические свойства. Между двумя указанными крайними типами многоязычных ситуаций возможны и промежуточные, переходные их формы.

Вынесение какого-либо внешнего неорганического языка в верхние слои многоязычной ситуации страны и наделение его официальным,

надэтническим статусом (случай так называемой экзоглоссии) практикуется чаще всего в обстановке обостренного соревнования ряда местных этнических сообществ, а следовательно, и их органических языков и культур, в борьбе за доминирующее положение. Именно неорганичность, нейтральность такого внешнего средства общения — экзолекта, его незакрепленность за каким-либо местным этносом представляется в данной обстановке преимуществом, если не устраняющим, то хотя бы сглаживающим возникающие противоречия, что, например, выдвигается в качестве главного аргумента при выборе официального языка в молодых государствах Азии, Африки, Латинской Америки, когда на эту роль избирался прежний колониальный язык — английский, французский, испанский или португальский. Учитывались, конечно, и многие другие обстоятельства: наличие в только что возникшем государстве управленческих кадров с опытом работы на языке метрополии в прежнем колониальном административном аппарате; прослойки интеллигенции, получившей и продолжающей получать образование в колледжах и университетах Европы и Америки; традиции освободительного движения, объединявшего представителей разных этносов и поэтому пользовавшегося языком своих угнетателей; недостаточная разработанность и ненормированность местных этнических языков, часто бесписьменных или младописьменных; отсутствие в этих языках научно-технической терминологии и достаточных стилистических средств для выражения современных понятий и т.д. Эта сложная обстановка требовала тщательно разработанной и продуманной программы языкового строительства (по западной терминологии *языкового планирования*), основанной на языковой политике, отвечающей всенародным интересам. Многие молодые государства не имели для этого достаточного опыта, квалифицированных кадров, сколько-нибудь развитой системы просвещения, науки и высшего образования, а главное — материальных средств. Не последнюю роль в процессе сохранения официального статуса за прежними колониальными языками играло и прямое давление со стороны государств — прежних метрополий, стремившихся удерживать молодые государства в сфере своего политического, экономического и культурного влияния.

В наше время функционирование ряда европейских языков в роли официальных надэтнических средств общения в странах третьего мира, при том, что на этой территории фактически нет коллективов их первичных носителей, — факт свершившийся и закрепившийся. Опыт Индии, которая через некоторое время после получения независимости попыталась отказаться от официального использования английского языка и сохранить этот статус только для языка хинди, но потерпела неудачу, весьма показателен. Сложившиеся в ряде стран многоязычные ситуации во главе с официальным неорганическим языком будут, по-видимому, существовать еще долго.

6. При подобном строении многоязычной макросистемы в ней не-

минуемо должны проявляться и нарастать противоречия между неорганической и органической частями. Преимущество нейтральности экзоглоссного средства общения вскоре оборачивается противоположной стороной. Сложившись и выработав свои формы, стилистические средства и содержательные категории в совершенно иной социальной, этнокультурной и естественно-географической среде, неорганический официальный язык начинает испытывать острый дефицит номинативных ресурсов в той области коммуникации, которая связана с местной культурой, реалиями быта и естественного окружения, традиционных занятий, искусств, форм общественного устройства и т.д. Вследствие своего внеэтнического характера этот язык с трудом приспосабливается к функции выражения местных этнических культур, не говоря уже о символической функции представления нации в целом. Даже в Уэльсе — кельтской стране, куда английский язык проник еще в раннем средневековье и за истекшее время успел уже стать первичным языком значительной части коренной валлийской народности, общественность прилагает большие усилия к сохранению своего этнического языка как второго для выражения культуры валлийского этноса, для чего английский оказывается непригодным [Khleif 1980].

Перед неорганическим языком развивающейся страны возникает двойственная перспектива: либо он будет вынужден все больше отчуждаться от неуклонно развивающейся инородной для него среды, постепенно превращаясь в искусственный условный код, и сможет дальше существовать только в сочетании с этническими языками в условиях диглоссии, либо станет все теснее входить в существующую многоязычную макросистему, развивая в себе черты, прочнее связывающие его с местной социальной и этнокультурной средой, иначе говоря — ослаблять свою неорганичность, усваивая и развивая ряд дополнительных органических признаков. Такие процессы действительно наблюдаются в развивающихся странах; они интенсивны и закономерны, поскольку возникают и развиваются под воздействием двух мощных факторов — внешней социальной и этнокультурной среды и общей многоязычной макросистемы (особенно ее органической части), обслуживающей реальную коммуникативную деятельность в стране.

Наиболее изученным видом преодоления неорганичности европейского языка, используемого в развивающихся странах, является локальное восполнение его ресурсов в области номинации. Поскольку для местного населения все специфические реалии уже имеют свои этноязыковые обозначения, то при пользовании неорганическим языком, в случае обнаружения в нем номинативных лакун, самым естественным путем будет заполнение их названиями, взятыми из местного этнического языка. Этот процесс мало чем отличается от обычного заимствования или "перенесения" единиц одного языка в речь на другом. Существует, однако, тенденция различать эти два подвида лексической интерференции: в случае собственно заимствования первичный

и вторичный языки взаимодействуют и в плане содержания, и в плане выражения, при соотношении же неорганического (европейского, чужого) и органического (этнического, местного) языков номинативная сеть первого как бы накладывается на готовую концептуальную матрицу, сформировавшуюся в связи с использованием собственным этническим языком. Там, где в этой матрице обнаруживаются ячейки, незаполненные обозначениями неорганического языка, для них сохраняются ("удерживаются") собственные этнические обозначения, свободно включающиеся в речь на неорганическом языке. Европейский язык обычно усваивается местным населением неполно, в виде приближенной, аппроксимальной системы. Так же и концептуальная система, закрепленная за системой выражения этнического языка, носит частичный характер, нуждающийся в дополнении. Разнообразные и разнородные дополнения к номинативной системе неорганического языка обычно выделяют в категорию "регионализмов" (также "африканизмов", либо в масштабах одной страны "индианизмов", "бирманизмов" и т.д.) [Чередниченко 1983 : 95].

Проведенные многочисленные исследования состава таких "регионализмов" в европейских языках, используемых в странах Азии и Африки, показывают, что все эти обозначения тесно связаны с местной социально-культурной и естественной средой. Это обычно термины управления, судопроизводства, общественно-политической деятельности, истории и культуры местных этносов, народного творчества, искусства, образования, религии и культов, быта и домашнего обихода, спорта и развлечений, предметов одежды, кулинарии, косметики, названия строений и их частей, единицы измерения, финансовой и денежной систем, названия месяцев и дней недели, местных праздников, обозначения родственных отношений, местные топонимы, гидронимы, антропонимы, термины сельского хозяйства, лесоводства, рыболовства, объекты флоры и фауны, земного рельефа и многие другие.

В том же направлении сближения с органическими средствами общения действуют процессы фонетического нивелирования регионализмов, изменения значений слов европейского языка. Например, фр. *rays* обозначает в Чаде или Мали территорию или родную деревню, в Кот Дивуар — административную единицу из нескольких селений; фр. *aviation* в странах Западной и Центральной Африки означает "аэропорт", а *théâtre* — "спектакль, театральную постановку" [Чередниченко 1983]; англ. *kiss* употребляется в Нигерии со значением "столкнуться (машине с машиной)", *mark* "обвернуть", *book* "читать" и т.д. [Семенец 1984]. Поскольку последовательная ориентация на центральные европейские или американские нормы для рядового носителя языка в развивающейся стране практически неосуществима, возникают частые отклонения от нормативных моделей словопроизводства и словосложения. Таковы новообразования в английском языке Нигерии:

rushian "спешащий (человек)", let-downish "плохой", thickness "алкогольный напиток", full-blooded "взрослый", go slow "транспортная пробка" и т.д. Нередки также гибридные образования, составленные из английского и этноязыкового элементов: longemeat "варенная улитка", Ashawoo woman "женщина легкого поведения"; множество местных сокращений и аббревиатур типа NUT — Nigerian Union of Teachers, LIG — low income group и т.д. [там же].

Учитывая эти лингвистические отклонения, а также основываясь на социолингвистических критериях, например, "автономности существования (данного языкового образования. — Ю.Ж.), государственного значения, нормированности, относительно развитой стилистической стратификации (сочетании двух форм — письменной и устной), наличии художественной и научно-политической литературы" и др., формы существования европейских языков в развивающихся странах обычно рассматриваются либо как особого рода региональные варианты центральной языковой системы [Чередниченко 1983 : 67], либо как разновидности единой полиэтнической макросистемы [Семенец 1986].

Такая точка зрения отражает внешний, глобальный подход к проблеме вариативности неорганического языка, функционирующего в инонациональных или иноэтнических сообществах. Наряду с ней должна приниматься во внимание и точка зрения на этот язык "изнутри" пользующегося им полиэтнического сообщества, выражающая отношение к этой ситуации самих жителей развивающихся стран. Многим из них данный европейский язык известен только в форме, которая используется в их стране, и они не ощущают необходимости равняться в этом использовании на какие бы то ни было внешние, иностранные образцы. Слышимый ими вокруг язык вовсе не кажется им каким-либо отклонением от нормы или ее искажением. Такое отношение к используемому европейскому языку все более укрепляется, все большее количество говорящих на нем жителей развивающейся страны воспринимают его как вполне автономную, "свою" систему, которой они вольны распоряжаться по своему усмотрению, применяя к собственной, традиционной концептуальной системе. Это создает новые стимулы для ослабления неорганичности экзоглоссного языка в данной языковой ситуации и содействует развитию в нем признаков, сближающих его с этническими, органическими языками страны. То, что такие процессы стали особенно заметными только после получения этими странами независимости, вполне объяснимо. Хотя доля говорящих на официальном европейском языке в общем населении страны все еще остается небольшой (например, в Индии 2 %, Нигерии — 4—8 %), он стал постоянным, признанным компонентом ее языковой ситуации, что во многом изменило отношение к нему населения по сравнению с колониальными временами.

7. Второй путь выбора средства межэтнического общения в многоязычной ситуации — это использование таких неорганических языков,

которые не были прежде связаны с какой-либо одной этнической культурой, а с самого своего возникновения служили посредниками в общении между различными туземными этносами или в общении местного населения с белыми колонизаторами. Ярким примером такого типа является наделение статусом одного из официальных языков в государстве Папуа-Новая Гвинея пиджина, известного под названием ток писин. Это в общем редкий случай, когда сложные и высокопрестижные функции официального языка предоставляются языковому образованию, игравшему до тех пор лишь вспомогательную коммуникативную роль и обладающему редуцированной структурой, поэтому вокруг самого события возникло много споров. Однако ситуация, побудившая к этому решению, была вовсе не такой простой, какой она представлялась посторонним наблюдателям.

Население Папуа-Новой Гвинеи невелико (2,6 млн в 1971 г.), но говорит более чем на 750 языках австронезийской и папуасской групп. Из них 80 языков обслуживают все вместе около 1 млн чел., а 200 других — меньше 50 тыс. Кроме того, 629 языков страны используются мелкими этническими коллективами, меньше 500 чел. каждый (иногда это население двух — трех разбросанных деревень) [Sankoff 1980]. Еще в доколониальный период, когда отношения между языковыми и этническими сообществами страны носили в основном эгалитарный характер, дробность и множественность этих коллективов способствовали массовому двуязычию и многоязычию. Колонизация усилила социальное расслоение населения и увеличила его мобильность. Языковая ситуация из множественно-эгалитарной превратилась в иерархическую с доминированием колониальных языков — английского и немецкого. Однако они почти не вошли в повседневное употребление местного населения, которое продолжало пользоваться своими этническими языками. Во время работы на приисках, в городах, экспедициях и т.д. туземцы усваивали какую-нибудь посредническую языковую разновидность — обычно неомеланезийский пиджин или язык хири моту.

На основе неомеланезийского пиджина около ста лет назад сформировался современный ток писин. Его словарь на 75—80 % состоит из английских корней, но структура близка к австронезийским языкам региона. Вначале это действительно был ограниченный жаргон, использовавшийся в торговле и в отношениях с работодателями, но в отличие от многих других пиджинов он быстро стал нативироваться, т.е. закрепляться в общении самих местных жителей между собой [Wurm 1985]. Если согласно переписи 1966 г. из 1,5 млн жителей страны в возрасте от 10 лет пользовалось ток писином 532 тыс. чел. (около 35,5 %), то уже в 1971 г. количество говорящих на нем достигло 45 % [Sankoff 1980]. После получения независимости в 1975 г. использование ток писина еще больше расширилось. Еще до этого страна-опекун Австралия стала пользоваться им во всех сферах управления этой подопечной территорией. После второй мировой войны ток писин был при-

нят как язык школьного обучения по всей территории Папуа-Новой Гвинеи, стал языком радиопередач для местного населения, периодической печати. На нем уже велись делопроизводство в учреждениях, официальная переписка. В 1953 г. Совет по Опеке ООН высказал свое неодобрение распространением ток писина в административной и деловой практике страны, но это не могло ничего изменить.

В течение десятилетия после получения независимости ток писин стал самым употребительным и признанным межэтническим средством общения в стране. "...Большая часть двуязычных владеет ток писином лучше, чем своим вторым языком, включая и родной", — пишет Верм [Wurm 1985, 373]. Кроме прежних функций, которые еще больше укрепились, ток писин приобрел новые: его используют в парламенте, в церкви, в средствах массовой информации. В настоящее время на нем говорит 85 % жителей городов. Количество пользующихся ток писином постоянно возрастает, приближаясь к 1,5 млн чел. (около 58 % всего населения страны). Такое распространение в сочетании с престижным официальным статусом усиливает позиции ток писина в соревновании с двумя другими официальными языками государства — английским и хири моту, каждый из которых обслуживает около 200 тыс. чел. [Wurm 1985 : 373]. К преимуществам ток писина нужно отнести еще близость по строю к местным языкам австронезийской группы, с которыми у него много общего в синтаксисе, семантических характеристиках. Около 15 % лексики ток писина меланезийского происхождения. Все это снижает неорганический характер ток писина и укрепляет его позиции в общей языковой ситуации.

Изменение статуса ток писина в значительной степени было обусловлено социальными изменениями, произошедшими в Папуа-Новой Гвинее со времени получения независимости. Устранение расового барьера между белыми жителями и местным населением постепенно привело к тому, что он из жаргона превратился в равноправное средство общения. Теперь многие граждане страны считают его своим языком, владение которым является отличительной чертой папуа-новогвинейцев, которой можно гордиться. Правительственные и политические институты ценят в нем то, что с его помощью они могут распространить свое влияние на значительно большую часть населения, чем с помощью любого другого языка. Многие жители предпочитают говорить на ток писине даже со своими соплеменниками, владеющими одинаковым с ними этническим языком. На различных заседаниях участники могут выступать каждый на своем языке, но протоколы и отчеты ведутся на ток писине. Даже среди сельского населения, которое обычно считается носителем и хранителем этнических языков, владение ток писином как вторым языком воспринимается как необходимость. "Для большинства жителей села, — пишет С.Верм, — пиджин — это единственная связь с внешним миром и единственно возможный путь к новым знаниям. Это язык, который предоставляет им возможности

взаимного сотрудничества и участия в работе ряда создаваемых правительством высших учреждений, деятельность которых простирается через этнические границы" [Wurm 1985 : 383]. С.Верм категорически отрицает распространенное мнение, будто бы ток писин имеет примитивную редуцированную грамматику и скудный словарь. Напротив, это "язык с диапазоном выражения и социальными функциями, близкими к функциям этнических первичных языков" [там же: 374], язык в настоящее время достаточно развитый для выражения самых сложных суждений.

В последнее время в литературе участились сообщения о процессах креолизации ток писина, т.е. о превращении его из внеэтнического чисто посреднического средства общения в разновидность языка, имеющего свой собственный коллектив носителей, причем таких, для которых он является первичным ("родным"), а иногда даже единственным языком. Дж.Санкофф утверждает, что такая группа говорящих на ток писине существовала уже в 1966 г., хотя по чисто техническим причинам этот факт и не нашел отражения в проходившей тогда общей переписи. По данным 1970 г. в этой группе уже должно было насчитываться не менее 10—15 тыс. чел. [Sankoff 1977 : 119]. Другие авторы более осторожны в оценке степени креолизации ток писина, но тем не менее, указывая на наличие огромного количества двуязычных, в коммуникативной системе которых ток писин стоит на первом месте, и учитывая использование его в многочисленных социальных и коммуникативных контекстах, его большую коммуникативную нагруженность в речевом репертуаре говорящих, предсказывают его дальнейшее структурное совершенствование и функциональное развитие [Wurm 1985].

Действительно, уже сейчас есть немало фактов, свидетельствующих о том, что развитие ток писина не ограничивается интенсивным пополнением словаря. Многие грамматические отношения, которые ранее в речи на ток писине выражались лексически или вообще оставались имплицитными, в настоящее время получили более абстрактные формальные показатели. Например, в конце XIX в. для выражения в ток писине значения будущего времени использовался лексический показатель — слово *baimbai*, происходившее из английского наречия *by and by*. Засвидетельствованный еще в 1893 г. и обладавший в то время значительной степенью семантической конкретности и фонетической полноты, этот показатель в дальнейшем все более абстрагируется, редуцируясь по форме: [*'baim'bai*] > [*bə'mbai*] > [*bə'bai*] > > [*mbai*] > [*bai*] > [*ba*] > [*bə*] (последние три формы до сих пор существуют параллельно). Если раньше *baimbai* могло использоваться и как наречие, а при выражении будущего времени глагола обычно ставилось в начале предложения, то теперь *bai* чаще ставится непосредственно перед глагольной формой, лишь в редких случаях отделяясь от нее местоимением. Таким образом *bai* полностью превратилось из наречия в грамматический формант — маркер будущего времени.

В раннем ток писине не было также специального грамматического элемента, служащего для присоединения относительного придаточного предложения к главному. О наличии такой синтаксической связи слушатель должен был догадываться лишь по порядку слов и, возможно, интонации. В современном ток писине мы находим уже четко оформившийся показатель относительного подчинения — частицу *ia* (от английского наречия *here*), обрамляющую относительное придаточное с обеих сторон [Sankoff 1977 : 123—127]. Обе эти и многие другие грамматические инновации связаны с введением поверхностного (формального) маркирования тех грамматических категорий, которые еще недавно такого выражения в ток писине не имели.

Совершенствование лексической и грамматической систем ток писина, возрастание его коммуникативной значимости, близость к части органических языков страны, — все это способствует ослаблению неорганичности и отчужденности от локальных видов социальной и культурной среды. Да и сама эта среда заметно изменяется. "Культуры аборигенного населения Папуа-Новой Гвинеи быстро изменяются, — сообщает С.Верм, — многое в них утрачивается и замещается новым, стремящимся к однородности, не являющимся ни традиционным, ни европейским. Язык, служащий референтной системой для этого нового растущего элемента в культуре населения, — это пиджин и, будучи средством выражения такого нового набора понятий культуры, он адекватно соответствует этой задаче" [Wurm 1985 : 380].

Ток писин развивает и характерную для органических языков черту — территориальную дифференциацию. В настоящее время уже четко выделились городская и сельская разновидности ток писина, различия между которыми постоянно возрастают. Поскольку в городах ток писин теперь используется преимущественно параллельно с английским языком, влияние последнего здесь очень сильно, особенно в пополнении словаря ток писина, тогда как в сельском ток писине оно менее ощутимо.

Английский язык как второй официальный язык Папуа-Новой Гвинеи в последнее время получает тоже все большее распространение. В 1966 г. на нем говорило 13,3 % населения страны, а в 1971 г. — 20,4 %. Если в начальных школах преподавание ведется на ток писине, то в средних школах господствует английский: поскольку же контингент учащихся в последних постепенно увеличивается, растет и использование английского языка. Складывается четкое социальное распределение языков: английским пользуются главным образом чиновники, служащие предприятий и фирм, правящая элита, ток писин — язык рабочих и других слоев трудящегося населения. В то же время процессы усиления органичности начинают развиваться и в английском языке, используемом папуа-новогвинейцами, но они не столь выражены, как в английском языке Индии или африканских стран. Хотя именно он является в стране языком образования и других важных областей коммуника-

ции, в общей ситуации он не получает предпочтения. "Английский язык остается представителем иностранной, чуждой культуры. К тому же он труден для усвоения большинству папуа-новогвинейцев" [Language Planning Newsletter 1980 : 7].

Третий официальный язык страны — хири моту основывается на этническом языке народности моту. Как посредник он начал использоваться еще в колониальные времена, но сохранил более региональный характер, перспектив для дальнейшего распространения у него меньше, чем у ток писина и английского.

Таким образом из трех официальных языков английский обладает самой большой степенью неорганичности, которая к тому же почти не снижается, тогда как ток писин все больше развивает в себе органические черты. Хотя в общем владение английским языком создает для говорящего больше преимуществ, не случайно, что вне официальной сферы общения он используется редко.

Характерно также, что около половины населения Папуа-Новой Гвинеи (46,9 %) не говорит ни на одном из упомянутых трех официальных языков. Те же, кто владеет каким-нибудь из них, чаще всего двуязычны, т.е. наряду с официальным языком пользуются своим этническим. Эта постоянная параллельность речевого использования тоже способствует развитию органичности в официальном средстве общения, особенно в ток писине.

Аналогичная ситуация сложилась и в другом тихоокеанском государстве Вануату. Его население составляет всего 100 тыс. чел., которые пользуются 108 местными языками. Кроме того, из колониального прошлого страна унаследовала два европейских языка — английский и французский, на которых работают две отдельные сети школ. Французские школы находятся в лучшем состоянии, хорошо оборудованы, обучение в них бесплатное. Франция оказывает постоянную финансовую помощь Вануату с условием, что школы на французском языке должны здесь сохраняться. Английские школы размещены в худших зданиях, они платные, но в них все же учится почти половина всего контингента школьников страны. При всем этом в повседневном употреблении вануатцев вот уже несколько столетий находится язык бислама — диалект меланезийского пиджина, очень близкий к ново-гвинейскому ток писину. Власти Вануату долго и упорно оказывали сопротивление распространению бислама в школе и официальных учреждениях. Первое законодательное собрание страны в 1978 г. было даже разогнано только потому, что его рабочим языком был избран язык бислама. Однако широкое общественное движение за расширение функций этого языка привело к уступкам со стороны правительства. Нынешняя конституция страны признает бислама национальным языком, однако в качестве официальных языков декретирует английский и французский. В стране идет борьба за пересмотр этой статьи и перевод всей системы образования на бислама, как более удобное средство об-

щения, объединяющее все этнические группы на основе собственной национальной культуры, чего английский и французский языки обеспечить не могут. Это движение возглавляет Комитет национального языка, действует также объединенная комиссия совместно с Папуа-Новой Гвинеей по координации нормирования и использования бислама и ток писина.

Рассмотрение положения неорганических языков и их поведения в многоязычной лингвистической ситуации, предпринятое здесь на примерах официальных европейских языков в странах Азии и Африки, а также ток писина и бислама в Океании, убедительно показывает, что и экзоглосные средства общения, и межэтнические языки-посредники не могут долго выполнять свои функции, не подвергаясь ослаблению своих неорганических характеристик в структуре и в лексическом составе. Постоянное давление внеязыковой социальной и культурной среды, без взаимодействия с которой функционирование никакого языка невозможно, а также воздействие общей многоязычной коммуникативной макросистемы страны, влияние ее отдельных компонентов — местных этнических (органических) языков, — все в большей степени стимулируют изменения в неорганической части языковой ситуации, содействуя тенденциям к симметрии с органическим ее компонентом и к взаимному соответствию поведения неорганического языка и внешней его среды. Эти примеры показывают, что характеристика органичности/неорганичности представляет собой важный параметр любой языковой ситуации. Всякое исследование языковой системы должно учитывать характер ее связи со средой, взаимное поведение языка и среды, постоянную динамичность того и другого. Не следует также оставлять вне поля зрения то обстоятельство, что внеязыковая среда состоит из целого ряда важных компонентов, среди которых, наряду с социальными факторами, большую роль играют этнокультурные и внешне языковые.

ДИГЛОССИЯ В АРАБОЯЗЫЧНОМ МИРЕ

1. Характеристика языковых ситуаций, складывающихся в различных коммуникативных общностях, предполагает обязательный учет всех языковых образований, составляющих данную языковую ситуацию, и особенностей функционирования этих образований. Точная научная инвентаризация языковых разновидностей позволяет лучше ориентировать языковую политику государства, дать приемлемые рекомендации и более объективную оценку его курса в отношении языка, вскрыть причины конфликтов языкового характера, прогнозировать тенденции в изменении языковой ситуации, решить ряд теоретических вопросов современной социолингвистики.

Одним из важных аспектов описания языковой ситуации (ЯС) является характеристика того ее состояния, которое определяется как

диглосное. Теория диглосной ЯС получила в последнее время в общем языкознании интенсивную разработку, однако в отечественной лингвоарабистике все еще встречаются разногласия относительно ее определения, специфики и трактовки. Так, до сих пор в некоторых работах можно встретить неточности в терминологическом разграничении билингвизма и диглоссии, когда, скажем, оба термина передаются русским словом "двуязычие" [см., например: Белова 1979 : 33]. Билингвизм и диглоссию смешивают иногда, видимо, потому, что до и некоторое время после появления работы Ч.Фергюсона [Ferguson 1964] диглоссия определялась как обычный случай билингвизма (мультилингвизма). Предлагалось, например, толкование билингвизма "в более узком смысле", включающего два языка (собственно билингвизма), и билингвизма "в более широком смысле", включающего два диалекта одного и того же языка (диглоссии) [Wexler 1971 : 330, примеч. 1]. Понимая диглоссию как наиболее общий вариант мультилингвизма, И.Эвен-Зохар дал ей, в частности, такое определение: "Существует разница между мультилингвизмом (или билингвизмом), при котором говорящий употребляет те языки, которые он знает, для всех целей, и мультилингвизмом, при котором каждый язык выполняет разные функции, которые полностью не дублируются. Последняя ситуация преобладает и описана многими исследователями. Для того, чтобы отличать ее от мультилингвизма вообще было предложено специальное название — диглоссия" [Wexler 1971 : 330].

Оставляет желать более четкого определения в многокомпонентном составе разновидностей арабского языка (АЯ) тех дихотомических подсистем языка, которые функционально создают ситуацию диглоссии, и тех, которые ее не образуют. Уточнение этих положений тем более существенно, что, с одной стороны, появлением понятия *диглоссия* общее языкознание обязано именно арабистике, а с другой — в тех классических работах, где это исходное понятие было введено в научный обиход, достаточно полной теоретической разработки оно не нашло.

Термин *диглоссия* впервые употребил при анализе ЯС в странах арабоязычного ареала французский востоковед В.Марсэ в статье "Арабская диглоссия" [Marçais 1930 : 401]. Автор применил его к феномену функционального распределения двух форм АЯ — литературной и разговорной.

Далее термин взял на вооружение Ч.Фергюсон, определив диглоссию в классической одноименной работе* как "относительно стабильную ЯС, в которой в дополнение к первичным (primary) диалектам (могущим включать нормированный или ненормированные региональные варианты языка) существует вышестоящий вторичный (superpro-

* Статья "Diglossia" впервые была опубликована в журнале "Word" [1959, № 15: 325–340]; в последующем неоднократно переиздавалась [Hymes 1964; Giglioli 1979 и др.].

sed), существенно отклоняющийся от них вариант (часто грамматически более сложный), являющийся либо орудием значительной и общепризнанной части письменной литературы, либо средством общения в другой речевой ситуации. Этому варианту обучают преимущественно путем официального образования; он употребляется для большинства письменных и официальных разговорных целей, однако никаким из слоев общества не используется для обычного разговора" [Ferguson 1964 : 435].

Ч.Фергюсон приводит достаточно подробное описание явления диглоссии, при которой "в одном коллективе сосуществуют две разновидности одного и того же языка, каждая из которых выполняет свою определенную роль" [там же: 429]. Исследователь предлагает развернутую характеристику диглоссной ЯС, анализируя существующие языковые разновидности на материале четырех "определяющих" (defining) языков — арабского, новогреческого, швейцарско-немецкого и креольского на Гаити.

Модель диглоссии Ч.Фергюсона на материале ряда языковых общностей в основном приняли позже большинство исследователей в области общего языкознания [Householder 1962; Moulton 1962; Stewart 1962; Valdeman 1968; Fishman 1971], поэтому на ней целесообразно остановиться подробнее.

Соотношение языковых разновидностей в четырех названных языках Ч.Фергюсон определяет тем, что одна из них представляет собой нормированный письменный литературный язык, в то время как другая является обычно ненормированной местной диалектной разновидностью. Соответственно первую автор обозначает термином high (сокращенно H) — "высокая", вторую — low (сокращенно L) — "низкая". Как одна из наиболее важных характеристик диглоссии подчеркивается специализация функций H и L разновидностей языка. H употребляется в сфере религии, литературы, образования, средств массовой информации (радио, телевидение, пресса), в публичных выступлениях официальных лиц, L функционирует в обиходно-бытовой сфере, фольклоре [Ferguson 1964 : 431]. Сферы функционирования разновидностей H и L не пересекаются. Человек, употребляющий вариант H в сугубо разговорной или неофициальной ситуации, рискует быть объектом насмешки. Для носителей названных языков вполне обычна ситуация, когда читающий вслух что-нибудь в газете использует разновидность H, а затем тут же продолжает обсуждать содержание прочитанного, используя L.

Еще более сложная ситуация в сфере официального образования. В арабском мире, например, лекции в университетах читаются на разновидности H, а объяснения, практические занятия, коллоквиумы (особенно по негуманитарным дисциплинам) проводятся преимущественно на разновидности L. То же относится к средней школе, где, несмотря на законодательный запрет использовать L, именно на ней учитель объясняет значение материала, изложенного на H в учебниках или

лекционных курсах [там же: 431]. В таком жестком функциональном распределении разновидностей Н и Л Ч.Фергюсон усматривает основное отличие диглоссии от обычной ситуации существования нормированных литературных языков наряду с диалектами. Разумеется, недиглоссная ЯС обладает сходным с диглоссией чертами, "но при диглоссии ни одна часть языковой общности не употребляет Н разновидность языка в качестве средства повседневного речевого общения и любые попытки сделать это выглядят искусственно (арабский, греческий) или в определенном смысле как нелояльные по отношению к общности (швейцарско-немецкий, креольский на Гаити)" [там же: 435].

Следует также отметить, что характер функционального распределения разновидностей языка при диглоссии существенно отличается от характера функционального распределения языков при билингвизме, когда допускается сосуществование пересекающихся сфер употребления.

Важной чертой диглоссной ЯС являются различия в социальном престиже разновидностей языка: "высокая" разновидность во всех случаях обладает более высоким престижем. Она оценивается носителями языка как "более красивая, более пригодная для выражения сложных мыслей" [там же: 431]. Такая оценка характерна и для наименее образованных слоев общества, которые часто не владеют в достаточной степени разновидностью Н. Подобное отношение отличается от ситуации билингвизма, когда представители более низких слоев общества, являющиеся носителями "подчиненного" языка, оценивают его положительно и противятся навязыванию доминирующего языка.

При диглоссии разновидности Н и Л отличаются также разной степенью нормированности: первая из них нормирована всегда в большей степени, чем вторая. Это обусловлено длительной письменной традицией и традицией филологических и грамматических изысканий, создавшей словари, учебники, нормы правописания, произношения и т.п. Разновидность Л обычно не нормирована, хотя в условиях диглоссии она может приобретать нормированное состояние. В отличие от диглоссии, степень нормированности языков при билингвизме может быть примерно одинаковой.

Рассматривая две сосуществующие языковые разновидности в ситуации диглоссии, Ч.Фергюсон указывает на то, что при диглоссии всегда существуют значительные различия между грамматическими структурами Н и Л разновидностей языка [Ferguson 1964 : 433], — из них Н обладает более сложной структурой как на фонологическом, так и на морфологическом и лексическом уровнях.

Описывая диглоссную ЯС, Ч.Фергюсон пытается также проследить условия ее возникновения. К таковым он относит существование большого корпуса литературы, представляющей для общества фундаментальную ценность и существующей по крайней мере в течение нескольких столетий, а также факт распространения грамотности

только в узком кругу элиты и тоже в течение длительного времени. Диглоссия не рассматривается как ЯС, которая имеет место всегда и только на определенной стадии какого-либо вида эволюции: например, в процессе нормирования языка диглоссия может развиваться из разных источников и возникать в различных языковых ситуациях. Из четырех "определяющих" (defining) языков арабская диглоссия уходит корнями так же далеко, как и наше знание арабского языка; "вышеставленный" (superposed) классический арабский язык (КАЯ) остается относительно стабильным, в то время как греческая диглоссия уходит корнями на много веков назад, но полностью она развилась только в начале XIX в. с возрождением греческой литературы и формированием литературного языка, основанного в значительной мере на предшествующих формах литературного греческого языка. Диглоссия швейцарско-немецкого языка развилась как результат длительной религиозной и политической изоляции от центров нормирования немецкого языка, в то время как гаитянский креольский возник из креолизации пиджинизированного французского языка. Стандартный же французский язык позже стал играть роль "вышеставленного" (superposed) варианта [Ferguson 1964 : 429—430].

В целом диглоссия характеризуется как относительно стабильная ЯС, которая "принимается" обществом и не рассматривается как "проблема". Среди тенденций, которые могут нарушить эту стабильность, Ч.Фергюсон отмечает: 1) более широкое распространение грамотности, 2) расширение связей между отдельными регионами и между разными социальными слоями общества; 3) стремление к созданию общего нормированного литературного языка, представляющего собой атрибут автономии или суверенитета [там же : 437].

Модель диглоссной ЯС в том виде, как она изложена у Ч.Фергюсона, представляет значительный социальный, социолингвистический и собственно лингвистический интерес. Вместе с тем, нельзя не отметить, что она достаточно схематична и ее применение к конкретным типам языковых ситуаций даже при выполнении всех перечисленных Ч.Фергюсоном условий будет иметь относительный характер. По мере уточнения и конкретизации ряда позиций почти всегда оказывается, что в "чистом виде" диглоссия встречается не так уж часто, — более типичны ситуации, когда она осложняется "помехами", привносимыми существованием в рассматриваемой коммуникативной общности более чем двух разновидностей одного и того же языка, вступающих в более комплексные функциональные отношения, нежели дихотомические. Особенно это характерно для современной ЯС в странах арабоязычного ареала, т.е. именно там, где Ч.Фергюсон пытался найти наиболее подходящую совокупность языковых фактов, "работающих" в пользу его теоретической модели диглоссии. Прежде всего, здесь выделяют следующие разновидности АЯ:

1. Классический арабский язык (КАЯ) — наиболее престижная

форма АЯ (в дальнейшем — Н₁), зафиксированная в Коране, речах пророка Мухаммада и выдающихся произведениях до- и послеисламской литературы. Характерной особенностью КАЯ является то, что большинство арабов, особенно использующих обычно местные разговорные формы АЯ, в большей степени понимают эту разновидность, нежели активно воспроизводят ее в своей речи. И только арабы с высоким культурным и образовательным уровнем, а также занимающиеся профессионально литературной и религиозной деятельностью, способны использовать КАЯ на продуктивном уровне.

2. Современный упрощенный модифицированный вариант КАЯ, получивший в западноевропейской литературе название *Modern Standard Arabic* (широкораспространенная аббревиатура — MSA), а в отечественной — арабского литературного языка (общепринятое сокращение — АЛЯ). АЛЯ играет роль лингва франка, понимаемой в разных регионах арабского мира. Этой разновидности АЯ обучают путем официального образования, однако без каких-либо серьезных попыток искоренения нестандартных разговорных вариантов АЯ, родных для обучающихся.

Современный общеарабский стандартный литературный язык является неким образцом или эталоном, выступающим в качестве средства межаарабского общения (главным образом в письменной форме, несколько меньше — в устной). Однако в каждой арабской стране наблюдаются вариации или отклонения от этого эталона на всех языковых уровнях [Шарбатов 1975 : 202]. КАЯ и АЛЯ (в дальнейшем Н₂) достаточно близкие между собой разновидности АЯ, нередко объединяемые в одно общее понятие. АЛЯ отличается от КАЯ широкой утратой конечных флексий (паузальная форма). Скажем, формула, сопровождающая обычно упоминание имени пророка Мухаммада и звучащая на КАЯ как *ṣallā-l-lāhu ʿalayhi wa sallama* ("Да благословит его Аллах и да ниспошлет мир ему!"), на АЛЯ допускает паузальное произношение: *ṣallā-l-lāhu ʿalayh wa sállam*.

В области словаря значительный пласт лексики КАЯ получил в АЛЯ дальнейшее развитие: часть ее стала архаичной, другая — модернизировалась за счет семантических смещений, переосмысления и развития значений. Упрощены морфология и синтаксис АЛЯ.

Ал-Бадави определяет КАЯ, как "*fuṣṣā at-turās*" ("литературный язык письменного наследия"), а АЛЯ, как "*fuṣṣā al-ʿaṣr*" ("литературный язык современности") [al-Badawī 1973 : 90–94]. Х.Бланк под названием *standard classical* подразумевает "любой из вариационных стилей КАЯ практически без диалектных примесей" [Blanc 1960 : 85]. Ф.Талмуди объединяет КАЯ и АЛЯ под общим названием *classical*, которое обозначает у него "апокопированные (т.е. с отпадением последнего слога, паузальные. — В.Р.) и неапокопированные формы КАЯ, т.е. старого письменного арабского языка, современного литературного арабского языка и современного стандартного АЯ (MSA)" [Talmoudi 1984 : 83].

3. Во всем арабоязычном ареале существует значительное разнообразие диалектов и говоров, называемых нами разговорным арабским языком (РАЯ, вариант L по Ч.Фергюсону). В отечественной лингвоарбистике в номинации РАЯ употребляются названия "языки", "диалекты", "наречия", "говоры" и т.п., сопровождаемые определениями типа: "общенародный", "простонародный", "разговорно-диалектный", "местный", "территориальный", "региональный", "народный", "просторечный", "вульгарный", "обиходно-разговорный", "разговорно-диалектный" и т.п. (ср. англ. colloquial, spoken Arabic, vernacular, dialect и др.; фр. arabe dialectal, arabe parlé, parler arabe, dialecte arabe parlé, langue arabe vulgaire и др.; нем. Umgangssprache, arabische Dialekt (Mundart), vulgärarabische Dialekt; араб. al-luġa al-‘arabīya al-‘āmmīya, al-lahġa al-‘arabīya, al-luġa ad-dāriġa).

Диалектное членение — явление, свойственное АЯ еще в доисламский период. В средневековых филологических трактатах мы уже встречаем немало рассуждений о luġāt — диалектных вариантах АЯ, laħn ai-‘awāmm — образцах речи простолудинов и т.п., оцениваемых по преимуществу как "порча", искажение КАЯ или, по меньшей мере, отклонение от его эталонных норм. Однако встречаются и попытки систематического описания таких "отклонений". Так, скажем, в X в. арабский филолог Ибн Фарис (ум. в 1004 г.) в труде "Fiqh al-luġah" ("Законоведение языка") проанализировал типы варьирования различных словоформ в КАЯ и РАЯ [Ibn Fāris : 48—51].

Носители некоторых современных диалектов АЯ порой могут не понимать друг друга, а на других диалектах могут разговаривать не только в какой-нибудь одной стране, но и в большей части арабского мира (например, египетский диалект).

Таким образом, разговаривающий на АЯ является носителем двух-трех языковых разновидностей: он обычно отправляет свои молитвы на КАЯ (Н₁), читает утреннюю газету и слушает последние новости по радио на АЛЯ (Н₂), общается среди своих близких и знакомых дома и на улице на одном из РАЯ (L). Д.Хаймс называет подобную ситуацию функциональным распределением речевых кодов, подчеркивая, что "ни один нормальный человек и ни одно нормальное общество не ограничено в репертуаре единственным вариантом речевого кода" [Hymes 1972 : 9].

4. КАЯ, АЛЯ и РАЯ как языковые варианты, участвующие в речевом репертуаре говорящего на АЯ, признаются подавляющим большинством отечественных и зарубежных исследователей. Однако картина вариативности АЯ была бы неполной без обращения к его переходным разновидностям, одной из которых является так называемый средний арабский язык (САЯ) — наддиалектная форма языка, служащая средством межарабского общения образованных лиц и сохраняющая связь как с обиходным РАЯ, так и с книжно-письменными КАЯ и АЛЯ, отражающими общеарабское культурно-историческое наследие и поддерживающими общеарабское единство. Сочетающий стилистические

и структурные черты Н и L (и обозначаемый нами символом HL), этот язык является как бы промежуточным звеном, описываемым как результат синтеза КАЯ и РАЯ. Основные черты САЯ (ср. англ. the Middle language, interdialect, intermediary Arabic; араб. al-luġa al-wuṣṭā) преимущественно разговорные, однако они "обнаруживают значительный налет классицизма, особенно в плане употребления лексических единиц" [Altoma 1969 : 4]. По своей природе САЯ является современным межарабским койне; с определенной точки зрения его можно рассматривать как вариант, объединяющий две разновидности АЯ, которые могут рассматриваться также и отдельно, в качестве дальнейших дополнительных вариантов, ДАЛЯ и КРАЯ.

5. Диалектизированный АЛЯ (ДАЛЯ) — разновидность АЯ, тяготеющая больше к Н и поэтому обозначаемая нами символом H_{\downarrow} .

6. Классицизированный РАЯ (КРАЯ) — разновидность АЯ, стоящая ближе к L и обозначаемая нами символом L_{\downarrow} .

Вариативность диалектов в арабском мире, различие их в разных странах, а также в пределах одной и той же страны порой приводят к распространенному суждению о том, что арабские народно-разговорные языки не имеют ни грамматики, ни правил. Такая точка зрения в корне неверна, поскольку каждый диалект имеет систематизированную и логическую лингвистическую структуру, которую можно сравнить со структурой любой другой языковой формы; каждый РАЯ имеет свою грамматику, которая с лингвистической точки зрения ничем не лучше и не хуже, чем грамматика любого другого человеческого языка. Именно недооценка арабских диалектов привела к появлению достаточно большого разнообразия стилей, занявших промежуточное положение между двумя основными типами, или языковыми уровнями, т.е. КАЯ и РАЯ. Вместе с тем, исследователи с различными подходами единодушны в самостоятельном выделении этой языковой разновидности. Большинство арабских авторов называют РАЯ прилагательным *‘āmmīya* ("народный язык"), образованным от существительного *‘āmmah* ("масса, простолюдины"). Разделение общества на *‘āmmah* и *ḥaṣṣah* ("аристократия, знать, элита) уходит своими корнями в исламское прошлое. Некоторые современные исследователи дифференцируют различные вариационные формы РАЯ по социальному статусу носителей, а именно:

1) *‘āmmīyat al-‘ummīyīn* ("народный язык неграмотных", наше название — РАЯ);

2) *‘āmmīyat al-mutanawwirīn* ("народный язык просвещенных", т.е. имеющих законченное среднее образование, грамотных; наше название КРАЯ);

3) *‘āmmīyat al-muṣaqqafīn* (иногда: *muta‘allimīn*) ("народный язык образованных", т.е. получивших высшее образование или/и работающих в области литературной деятельности или культпросвета; наше название — САЯ) (Badawi, 1973, 90–93).

Х.Бланк делит народно-разговорные языки на:

1) plain colloquial ("чисто разговорный") — форма, которая "относится к любому местному диалекту, в пределах которого разговаривающий может выбирать неофициальные и полуофициальные средства" (наше название — РАЯ);

2) koineized colloquial ("койнеизированный разговорный") — "является любым чисто разговорным языком, в котором в той или иной степени могут вводиться средства различных языковых разновидностей (levelling features)" (наш вариант — САЯ);

3) semi-literary, или elevated colloquial ("полулитературный", или "возвышенный разговорный") — "любой чистый или койнеизированный разговорный язык, который классицизируется в полуофициальной ситуации общения" (наше название — КРАЯ) [Blanc 1960 : 85]. Это вариант, которого требуют неписанные общепринятые нормы в определенных официальных ситуациях. Его употребление зависит от темы разговора. "В просвещенной беседе "возвышенный" разговорный язык является наиболее естественным стилем, используемым также необразованными лицами, хотя часто без успеха" [Paiva 1969 : 3].

Ф.Талмуди выделяет между КАЯ/АЛЯ и РАЯ две промежуточные формы: 1) Modified Classical ("модифицированный классический язык", у нас — ДАЛЯ) и 2) Modified Dialectal ("модифицированный диалектный язык" [Talmoudi 1984 : 83]. Первое название совпадает у него с предложенным также Х.Бланком [Blanc 1960 : 85], второе — объединяет несколько форм (у нас — САЯ + КРАЯ).

Для Ф.Талмуди "модифицированный классический язык" — это "все коллоквиализированные формы языка, которые имеют диалектные рефлексы или нет". Под рефлексами он подразумевает слова, имеющие один и тот же корень, но разную структуру, например, форма *ktib* ("писать") является диалектным рефлексом классической формы *kataba*. Модификацией на фонологическом и морфологическом уровнях, по мнению Ф.Талмуди, следует считать и те случаи, когда форма не имеет диалектного соответствия, а на фонологическом и фонотактическом уровнях — только тогда, когда она имеет рефлекс в диалекте. Так, форма *talātīn* ("тридцать") является "модифицированной классической", поскольку имеет диалектный рефлекс *tlātīn*, в котором отсутствует гласный после первого корневого консонанта, а второй гласный — краткий, а не долгий. Форма *mit'addeda* ("могочисленный (-ая)"), несмотря на фонологические и морфологические изменения: *u* → *i*, *V₂* → *φ*, *i* → *e*, также является "модифицированной классической", поскольку не имеет диалектного рефлекса.

"Модифицированные диалектные" формы — это формы с диалектными рефлексами. Модификация имеет место как на фонологическом, так и на морфологическом уровнях. При всех обстоятельствах модифицированные формы должны настолько отличаться от классических и диалектных соответствий, что возможное дублирование должно исключаться. Результатом классицизации диалектных форм могут быть

в некоторых случаях и гибридные формы, не являющиеся ни глзссическими, ни диалектными, как, например, qara ("читать"), занимающая промежуточное положение между диалектной формой qra и классической qara'a [Talmoudi 1984 : 84–85].

САЯ, ДАЛЯ и КРАЯ в малой степени нормированные взаимно малоальтернативные языковые варианты, принимающие наряду с КАЯ, АЛЯ и РАЯ участие в функциональном распределении в различных речевых ситуациях. Они входят в состав речевого репертуара араба как противопоставление более узкому понятию языка, означаемому совокупность всех его возможных вариантов (по Дж.Гамперцу). Этот репертуар может состоять из разных речевых стилей (для недиалектных групп) или отдельных диалектов (для мультидиалектных языковых коллективов типа арабского, где РАЯ (L) представляет собой РАЯ' (L'), РАЯ'' (L''), РАЯ''' (L''') и т.д.). Употребление каждого из приведенных выше вариантов ассоциируется в сознании говорящего с известными языковому коллективу правилами, соответствующими специфическим общественным связям и коммуникативной сфере. Способность араба ориентироваться где, когда и какой языковой вариант употреблять рассматривается как его коммуникативная компетенция. Дж.Гамперц отмечает, что "подобно тому, как знание грамматических правил дает возможность говорящему различать потенциально значимые предложения от бессмысленных, знание социальных ценностей, ассоциируемых с различными видами деятельности, социальными категориями и общественными связями и заключенных в сообщении, необходимо для понимания ситуационного значения сообщения, т.е. его интерпретации в частном контексте" [Gumperz 1971 : 99].

Если расположить варианты АЯ на "шкале престижности" от наиболее престижной формы Н до наименее престижной L, то схему функционального распределения языковых вариантов, предложенную Ч.Фергюсоном только для двух "чистых" разновидностей Н и L [Ferguson 1964 : 431], для перечисленных нами шести форм АЯ можно представить в уточненном виде приблизительно так:

Функциональное распределение языковых вариантов АЯ

Коммуникативная сфера	Н ₁ (КАЯ)	Н ₂ (АЛЯ)	Н ₁ (ДАЛЯ)	НL (САЯ)	L _н (КРАЯ)	L (РАЯ)
-----------------------	-------------------------	-------------------------	--------------------------	-------------	--------------------------	------------

Рецитации Корана, молитвы и проповеди, чтение хадисов, сунны

x

Большая часть книжнописьменной литературы, пресса, радио- и телевидение, лекционный курс в вузах

x

Публичные выступления политических лидеров, личная пе-

Коммуникативная сфера	H ₁ (КАЯ)	H ₂ (АЛЯ)	H ₁ (ДАЛЯ)	HL (САЯ)	L _H (КРАЯ)	L (РАЯ)
реписка образованных лиц, отдельные радио- и телепередачи, кино, театр			x			
Устное общение образованных арабов из различных стран				x		
Отдельные произведения художественной литературы, постановка боевых задач, команды и распоряжения в армии, некоторые спортивные комментарии					x	
Фольклор, устное общение с родными, друзьями и коллегами в неофициальной обстановке, скрипты под карриатурами в прессе, часть радиопередач (преимущественно в АРЕ)						x

Здесь представлена несколько огрубленная модель распределения АЯ (в уточненном виде в ней нашло бы отражение их пересечение в некоторых позициях), речевой репертуар арабоязычного коллектива как социокультурного образования, характеризующегося высокой гетерогенностью, шире, чем он представлен в двухкомпонентной модели Ч.Фергюсона. Одни разновидности АЯ весьма близки между собой (КАЯ и АЛЯ), другие – существенно различаются (АЛЯ и РАЯ; РАЯ между собой). Там, где степень альтернации официального и неофициального стилей велика (варианты отличаются как по функции, так и по структуре (H и L), мы говорим о ситуации диглоссии. Диглоссия, по нашему мнению, возникает лишь на полярно противоположных полюсах альтернации языковых вариантов. Для отдельных из них бывает достаточно трудно выделить специфические признаки (HL, H₁ и L_H), поскольку разновидности АЯ обычно сосуществуют и переплетаются даже в речи одного лица. "В таких случаях следует найти определяющие ситуации, которые требуют строгого соблюдения какого-нибудь кода (как, например, в молитвах), и тогда мы можем обнаружить специфические характеристики этого кода" [Эрвин-Трипп: 345]. Однако если возможность выделить специфические характеристики нескольких кодов и существует, как теоретически интерпретировать ситуацию их функционального распределения? Некоторые авторы предлагают закрепить в научном обороте термин триглоссия [as-Sargini 1969 : 107; Hussein

1980]. Думается, что образование терминов по такому образцу едва ли оправданно, поскольку отношения разновидностей АЯ при диглоссии основаны, по нашему мнению, исключительно на бинарном взаимонепересекающемся противопоставлении. Подключение же к модели диглоссии третьего и последующих компонентов (три-, тетра-, поли-?) снимает сам смысл их дихотомии, лишая предложенную Ч.Фергюсоном теоретическую модель изначального смысла. Многокомпонентную поливариантную модель диглоссии в АЯ, видимо, следует рассматривать как такую, которая допускает возникновение диглоссных отношений последующего порядка. А.Г.Белова в данном случае справедливо отмечает, что "истоки многоступенчатой (разрядка наша. — В.Р.) диглоссии носителей арабского языка восходят к его о с о б о й (разрядка наша. — В.Р.) функциональной стратификации" [Белова 1985 : 155]. Действительно, в арабоязычном мире вполне обычна ситуация, когда, скажем, обращаясь в учреждении к подчиненному с фразой "Закройте окно!" кувейтский служащий может употребить одну из нижеследующих форм АЯ: 1) 'iǧlaq 'an-nāfīzah (min fadlak) (АЛЯ); 2) baṭṭil 'id-dirīṣa (кувейтский РАЯ); 3) 'if'il 'iṣ-šibbāk (египетский РАЯ) (примеры приведены в [Yassin 1981 : 97] и даже: 4) bannid 'it-tāqah (йеменский РАЯ). Выбор одного из кодов в данном случае обусловлен отношением: адресант/адресат. С первой фразой чиновник обратился бы официально к образованному некувейтцу, со второй — к кувейтцу, с третьей — к необразованному египтянину (египетский РАЯ считается на Аравийском полуострове престижной формой АЯ, его изучают и знают многие кувейтцы), с четвертой — к йеменцу, диалект которого он может немного знать вследствие оживленных экономических и культурных йеменско-кувейтских контактов в пределах полуострова. Более того, носитель указанных четырех разновидностей АЯ вполне способен оперировать ими и в коллективной беседе, попеременно переключаясь с одного кода на другой. В данном случае, по нашему мнению, речь идет не о три- (тетра-?) глоссии, а о взаимной полярной дифференциации кодов: варианты 2,3 и 4 выступают по отношению к варианту 1 как однородные разновидности L по отношению к разновидности H. В случае же последующего сужения выбора, например, к вариантам 3 и 4, происходит их дальнейшая дистрибуция, и тогда вариант 3 функционирует по отношению к варианту 4 уже как H к L (диглоссия последующего порядка = многоступенчатая диглоссия). Здесь мы уже в который раз сталкиваемся с тем, что "известная стратификация общей системы языковых разновидностей на язык, диалект, говор зависит от отношений этих разновидностей как компонентов конкретной языковой ситуации. Вне этих отношений любые языковые разновидности могут быть рассмотрены как самостоятельные языковые структуры" [Габучан 1970 : 44]. Вне диглоссной связи указанные варианты приобретают статус равноправных диалектов или же могут рассматриваться как самостоятельные генетически близкородственные языки в ситуации билингвизма.

Характер функционального распределения полярных форм АЯ (АЛЯ и РАЯ) так или иначе вписывается в классическую модель диглоссии, — несколько иначе обстоит дело с его промежуточными разновидностями (САЯ, ДАЛЯ, КРАЯ), называемыми иногда наддиалектными формами АЯ [Белова 1981 : 175]. Прежде всего, их структурно-типологическая и функциональная характеристики значительно осложняются из-за отсутствия точной и полной фиксации материала, малой его изученности, неустойчивости наддиалектных форм, их преимущественно устной формы, значительного разброса исходных параметров. Отсюда трудно определить и степень диглоссии ситуаций при функциональном распределении полярных и промежуточных форм АЯ. Эта степень, видимо, колеблется от диглоссии ярковыраженной до диглоссии трудноуловимой. А.Кайе, в отличие от Ч.Фергюсона, считает поэтому, что арабская диглоссия вовсе не является "сравнительно стабильной ситуацией". Поскольку, говорит он, "диглоссия в арабском языке (а возможно, и еще где-нибудь) заключается во взаимодействии двух систем — "хорошо определенной" (well-defined) и "плохо определенной" (ill-defined)", продукт этого взаимодействия не может быть стабильным, как нестабильна любая из "плохо определенных" систем [Кайе 1970 : 391]. Можно говорить лишь о соотношении систем каждой из перечисленных разновидностей АЯ. В этом соотношении и заключается подлинная природа арабской диглоссии.

2. Как уже отмечалось, арабскую диглоссию можно проследить вплоть до доисламского периода; значительное количество ее аспектов явилось предметом филологических и литературоведческих исследований, начавшихся в IX в. и продолжающихся и поныне. Однако никогда вплоть до XIX в. диглоссия не расценивалась как серьезный вызов, наносящий ущерб развернувшейся кампании за всеобщую грамотность в арабском мире и другим предпринимаемым в нем культурно-просветительским инициативам. Одной из наиболее ранних попыток поставить под сомнение эффективность АЛЯ как средства культуры и литературы явился цикл небольших статей и комментариев, опубликованных в 1881 г. в журнале "al-Muqatafa" [№ 6: 352—354, 494—495] под рубрикой "Арабский язык и успех". В них предлагалось заменить литературную форму АЯ разговорной и, в частности, подчеркивалось, что "потери, которые возникнут в связи с отказом от классического арабского языка, незначительны по сравнению с выигрышем, который можно было бы получить, положившись на язык простого народа" [там же: 494—495, цит. по: Altoma 1969 : 4].

На рубеже XIX и XX вв. полемика между приверженцами и противниками КАЯ значительно обострилась. Немало писателей, общественных и культурно-просветительных деятелей считали, что КАЯ был препятствием на пути прогрессивного развития арабского мира. Эта точка зрения подддерживалась и в начавших разворачиваться на Западе исследованиям по живым арабским разговорным языкам. Автор одной

из таких ранних работ по египетскому диалекту писал: "Насколько проще обстояло бы дело, если бы студент просто писал на том языке, на котором он разговаривает, вместо того, что он вынужден писать на языке, который столь же непривычен для нынешнего поколения египтян, как латынь для жителей Италии" [цит. по: Altoma 1969 : 5].

Попытки устранить это несоответствие приобрели в начале нынешнего века особый размах в Египте. Здесь был провозглашен принцип *taṣṣīr al-luġa* ("египтизация языка"), получивший воплощение в попытках создания художественных произведений на египетском диалекте (драматургия Мухаммада Теймура, ранние новеллы его брата Махмуда Теймура). В 1928 г. академик И.Ю.Крачковский писал, что в Сирии "помимо аналогичных попыток поднятия диалекта до уровня литературного языка, которые особенно определенно сказывались среди колоний арабских эмигрантов в Америке, за последние годы можно насчитать несколько опытов теоретического освещения вопроса". Защитником идеи замены литературного арабского языка разговорным выступил в середине 20-х годов XX в. преподаватель бейрутских школ писатель Марун Гусн, предлагавший для скорейшего решения проблемы созданные им учебные пособия по РАЯ [Крачковский 1928].

В послевоенные годы противоположные точки зрения относительно природы и значения проблемы соотношения АЛЯ и диалектов столкнулись повторно. Усилились национально-местные тенденции использования местных разговорных форм той или иной степени обработанности в прямой речи прозаических произведений и драматургии. Эти тенденции развиваются относительно стихийно; они представлены в творчестве почти каждой арабской страны [подробней см.: Белова 1981: 184–197].

Ратующие за сохранение АЛЯ, расширение и укрепление его общественных функций усматривают в РАЯ проявление неграмотности или искажения нормы, лишь незначительно отличающейся от АЛЯ; они считают, что вся полемика относительно литературного языка и диалектов представляет собой лишь надуманную проблему (*muṣkīla ḥurāfīya*) [al-Afġānī 1962 : 157–169].

Некоторые из приверженцев АЛЯ не поощряют диалектологических исследований или противятся им на том основании, что такие исследования играли бы на руку превращению существующих диалектов в отдельные языки и усугублению диглоссной дихотомии между ними и АЛЯ [al-Bazzāz 1962 : 16–24].

Другие не отрицают существования большого разрыва между АЛЯ и РАЯ, понимая этот разрыв скорее как результат развития более ранней стадии языковой ситуации в арабском мире, нежели как искаженную форму АЛЯ. Они допускают возможность постепенного пересмотра норм АЛЯ с тем, чтобы открыть путь для частичного ввода в него определенных разговорных черт [Ṭaymūr 1956 : 177–235; Abū Ḥamīd 1953 : 205–218]. Существует и промежуточное, экспериментальное

направление, сторонники которого намереваются сознательно решить проблему диглоссии путем сглаживания резких различий между АЛЯ и РАЯ и создания такого двуподчиненного "среднего" АЯ, который бы одновременно опирался на РАЯ и не порывал с классическим наследием АЛЯ. В условиях такого натиска решительней зазвучали и голоса традиционалистов. Отстаивая позиции АЛЯ, современный египетский писатель Нагиб Махфуз (род в 1911 г.) со всей категоричностью заявил: "разговорный язык является одной из болезней, от которой люди страдают и от которой они должны по мере развития избавляться. Я считаю разговорный язык одним из изъянов нашего общества, точно таким же, как невежество, нищета и хворь" [цит. по: Sachia 1967 : 20].

На языковую политику в современных арабских странах, в частности, на пропаганду расширения общественных функций АЛЯ ощутимое влияние продолжает оказывать широко развернутая планомерная кампания по арабизации. Под арабизацией (*ta rib*) в широком смысле понимается движение во всем арабском мире, направленное на активное социокультурное возрождение и расширение сфер применения АЛЯ как наиболее важного элемента культурной самобытности всех арабов, единого орудия их общения во всех странах и во всех коммуникативных сферах, что предполагает превращение этого языка в язык современной науки и техники, средств массовой информации и т.д. С целью выработки единой для всех арабских стран точки зрения на пути и способы решения проблемы арабизации при Лиге арабских государств в 1961 г. было создано и активно работает ПКБА — Постоянное координационное бюро по арабизации (*al-Maktab ad-dā'im li-tansīq at-ta'rib*) с резиденцией в Рабате (Марокко). Его деятельность освещает официальный печатный орган — журнал "*al-Lisān al-ʿarabī*" ("Арабский язык") [Подробно об этом см.: Камилев 1976].

Создание ПКБА как органа, который целенаправленно проводил бы языковую политику, способствующую укреплению позиций АЛЯ и преодоление ситуации диглоссии — акт сам по себе положительный. Однако воплощение идей арабизации столкнулось с рядом существенных трудностей. Политические деятели Алжира, Туниса, Марокко предприняли значительные меры с целью развития национального образования, культуры, науки. Но усилия по арабизации были ослаблены из-за проблем политико-культурного и лингвистического характера. В результате планы по арабизации остались, по крайней мере, в Северной Африке лишь желанным идеалом [Шагаль 1987 : 194].

За все время своего существования арабские академии оказались неспособными координировать свои действия и прийти к единому мнению относительно лингвистических проблем, перед которыми поставлен АЯ, скажем, в плане унификации технической терминологии. Состоявшаяся в Дамаске еще в 1956 г. конференция арабских языковых академий учредила координационные комитеты, в задачу которых входило установление связей между академиями с целью укрепления

сотрудничества, облегчения сбора материалов, нормирования АЯ. Усилия эти сколько-нибудь ощутимого успеха не принесли из-за продолжающихся в арабском мире политических разногласий и из-за национально-культурного фактора. Мероприятия по нормированию АЛЯ почти не принимали во внимание интересы государств Магриба, находившихся в то время под колониальным гнетом. Главное внимание было сосредоточено на проблемах ведущих арабских стран — Египта, Сирии и Ирака. Задача же по нормированию единого АЯ предполагает учет особенностей и культурных традиций каждой арабской страны в отдельности, а не всего арабского мира в целом, к тому же у него уже есть средство межнационального общения — АЛЯ, хотя эта форма доступна лишь незначительной образованной части общества. Поэтому рассматривать АЛЯ, который ни для кого не является родным, в качестве основы будущего единого языка весьма проблематично, как бы ни были велики успехи арабизации. Альтернативным путем разрешения проблемы диглоссии является "наблюдающийся в настоящее время процесс спонтанного становления в арабских странах так называемого среднего языка, т.е. устной формы арабского языка, употребляемой образованными арабами в ситуациях официального и полуофициального общения" [Никольский 1986 : 147]. Коллоквиализация АЛЯ смогла бы уменьшить психологический барьер перед стремлением использовать его носителями из разных арабских стран. Такая форма должна стать достаточно выразительным коммуникативным средством, которая дала бы возможность большинству населения арабских стран выражать любые свои мысли устно и средствами художественной литературы.

Проблема диглоссии в АЯ в значительной степени связана и с вопросами ликвидации в арабских странах массовой неграмотности. "Мы должны начать с устранения порождающего диглоссию ситуацию существующего разделения на социальные группы, на грамотных и неграмотных", — пишет Ф.Талмуди [Talmoudi 1984 : 29]. Языковая реформа, по крайней мере, в североафриканских арабских странах, обошлась бы, по его мнению, намного дешевле и была бы эффективней, если бы удалось преодолеть массовую неграмотность, обучая население на родном языке. Только изучение алфавита могло бы заметно изменить существующее положение в области грамотности. "Дав возможность большинству людей обучиться искусству письма, можно было бы уменьшить разрыв между двумя уровнями речи, т.е. между классическим языком и языком народно-разговорным. Будучи в состоянии читать и писать, — продолжает он, — люди могли бы получить доступ к письменной литературе и таким образом лучше овладеть койнеизированной формой языка, которая могла бы развиться до уровня нормативного арабского языка" [Talmoudi 1984 : 30]. Этой форме АЯ смогло бы благоприятствовать широкое ее употребление в системе образования и средствах массовой информации.

Чтобы достичь этого, политические лидеры арабских стран должны пересмотреть официальное отношение к народно-разговорному языку в пользу большинства населения. Неграмотность широких народных масс является серьезным препятствием для их активного участия в национальной жизни. Подобная реформа позволила бы также наладить лучший контакт с ними правящих кругов. Некоторые из руководителей (Г.А.Насер, Х.Бургиба) уже неоднократно обращались в своих политических выступлениях к народу на диалекте, что следует расценивать как стимул к расширению его употребления, демократизации ЯП, стремление к преодолению разрыва между двумя противоположными формами АЯ.

Тем временем диглоссия продолжает порождать в арабском мире серьезные проблемы. Переступив порог школы, уже на начальных этапах образования ученик вынужден изучать новую языковую разновидность — КАЯ, покрывающую только незначительную часть понятий и слов, в которых нуждается ребенок. Обогащение словарного запаса учеников начальных классов не поспевает за формированием их концептуального восприятия мира. У большей части из них это порождает проблемы психологического и социального характера, поскольку им приходится выбирать между родным языком (РАЯ), посредством которого до этого проходил процесс познания ими мира, и языком классическим (КАЯ/АЛЯ), который для них пока еще достаточно абстрактен и невыразителен.

Чтобы как-то преодолеть эту проблему, ряд исследователей предлагает ввести в начальной общеобразовательной школе активное изучение диалекта (хотя бы в первых двух классах). Изучение чтения и письма на языке, адекватном их познавательному развитию, дало бы им возможность выражать свои мысли и чувства во всех нюансах и тем самым избежать неграмотности. Что же касается рационального подхода к классическому языку, то "суть компромисса могла бы заключаться в том, что действительно архаичные с лингвистической точки зрения фрагменты тех или иных широко употребляемых в арабской среде традиционных текстов изучались бы не активно, а примерно так, как, скажем, проходят в русской школе тексты былин, старинных народных сказок, архаичный язык которых объясняется учащимся только "для сведения"» [Кяmilев 1980 : 126].

Таким образом, изучение КАЯ как второго языка следовало бы начинать примерно с третьего класса. При этом изучение иностранного (английского, французского, русского) языка (уже как третьего) целесообразней было бы начинать после РАЯ и КАЯ.

Изучение родного языка неизбежно сталкивается с давно наболевшей для арабского мира проблемой арабской графики. Использование диалекта в начальных классах общеобразовательной школы, видимо, снова заставит вернуться к поискам практических путей модификации

алфавита, пересмотра правил орфографии (о различных попытках модифицировать арабский алфавит см.: [Rizzitano 1942; Altoma 1961]).

3. Из вышеизложенного можно сделать некоторые выводы.

1. В отличие от других языковых коллективов, где преобладает двухкомпонентная диглоссия, диглоссия в арабоязычном мире — это ситуация попеременного включения в коммуникативный процесс нескольких разновидностей АЯ, находящихся в отношении функциональной дистрибуции.

2. Более детальное изучение арабской диглоссии тесным образом связано с дальнейшей разработкой типологии диалектного и литературного грамматического строя современного АЯ, а также его наддиалектных форм.

3. Если арабская диглоссия в целом устойчивое явление, то в частных реализационных проявлениях она претерпевает постоянные изменения. Это связано с постепенным перераспределением функций разновидностей АЯ, их малой собственной оформленностью и устойчивостью.

4. Диглоссия для большинства арабских стран представляет серьезную проблему в области образования, культурной и литературной деятельности, сфере массовой коммуникации и др. Сокращение разрыва между полярными формами АЯ как путь снижения степени диглоссности ЯС может происходить более успешно за счет проведения официальной ЯП ликвидации массовой неграмотности, демократизации отношения к РАЯ и введения его преподавания в школе, частичной арабизации общественной жизни, развития широкой сети учреждений образования и культпросвета, активизации литературного процесса и деятельности средств массовой информации. Пока же и сегодня все еще сохраняют актуальность слова, сказанные акад. И.Ю.Крачковским шестьдесят лет назад: "Та страстность, с которой арабская общественность рассматривает вопрос об отношении литературного языка к разговорному, показывает, что до мирного и спокойного решения, которое было бы признано более или менее единоголосным, еще очень далеко... Вероятно и здесь вопрос будет окончательно решен не теоретическими построениями и полемикой, а самой жизнью, но вряд ли этого решения дождется даже следующее за нами поколение" [Крачковский 1928 : 191].

5. В плане более конкретных, хотя и достаточно осторожных прогнозов можно разделить мнение Ч.Фергюсона, считающего, что перспектива развития диглоссной АЯ в арабоязычном ареале в пределах ближайших двух столетий заключается в постепенном формировании нескольких стандартных языков, "каждый из которых основан на разновидности L со значительной примесью лексики разновидности H. Намечается выделение трех из них: магрибинского (основанного на

норме Рабата или Туниса?) *, египетского (основанного на норме Каира), восточного (основанного на норме Багдада?); вследствие неожиданного хода политико-экономического развития могут добавиться сирийский (основанный на норме Дамаска?), суданский (основанный на норме Омдурмана-Хартума) или другие" [Ferguson 1964 : 437].

* К выводу о возможности формирования в Северной Африке особого "смешанного" магрибинского разговорного литературно-диалектного языка приходит также Ф.Талмуди, считающий, что это позволит ликвидировать существующий разрыв между КАЯ и РАЯ. По его мнению, в направлении этого процесса действуют три фактора: классицизация, диалектизация и интердиалектизация. Под последней он подразумевает нивелировку специфических структурных и лексических свойств отдельных диалектов, их взаимную адаптацию, введение в речь наиболее престижных форм, присущих различным идиомам [Talmoudi 1984, введение].

К ИЗУЧЕНИЮ СУБСТРАТНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Исходя из имеющихся данных, мерянский язык следует отнести к мертвым языкам, не имеющим письменных памятников в виде связных текстов или хотя бы разрозненных предложений. Однако степень его бестекстности относительна. Мерянский язык передал, видимо, русскому (особенно областному) языку часть своих фразеологизмов, а значит и соответствующих минимальных текстов-предложений в виде калек, в которых отразился только во внутренней форме [Ткаченко СИФСФУЯ: 227–235]. Однако в случае реконструкции соответствующих мерянских слов в их фонетических и грамматических формах есть возможность восстановить и внешний облик соответствующих мерянских фразеологизмов, а тем самым — и небольших текстуальных фрагментов мерянского языка. Наряду с подобными оборотами есть и фразеологизмы, которые в русских говорах на бывшей мерянской территории восходят непосредственно к мерянскому языку. Как и калькированные мерянские фразеологизмы, они принадлежат, как правило, к языковым формулам (формулам речи), являющимся едва ли не наиболее стойкими из фразеологических оборотов. Реконструкция и интерпретация данных предложений-фразеологизмов, конечно, проще, чем реконструкция исходных мерянских оборотов на основе их калек, однако имеет свои специфические трудности, объясняемые как тем, что упомянутые выражения ввиду их частой употребляемости подвергаются эллиптизации, так и тем, что в силу их инородности в русской речи они подверглись определенным видоизменениям.

Восстановление любого мерянского фразеологизма, представляющее интерес прежде всего с точки зрения фразеологии и синтаксиса, требует и всестороннего фонетического, грамматического и лексико-семантического анализа, связанного с этимологическим истолкованием и синтезом полученных результатов, при котором одинаково важны и сопоставительно-типологический подход, и сравнительно-исторические данные финно-угорских языков. Поэтому вопрос о реконструкции мерянских фразеологизмов дает возможность через нее взглянуть конкретно и на общую проблему восстановления дославянских языковых субстратов.

К числу подобных фразеологизмов принадлежит русский (диалектный) приветственный оборот *Елусь поелусь*, записанный в бывшем Солигаличском уезде Костромской губернии (ныне Солигаличский р-н Костромской обл.). В "Словаре русских народных говоров" он [1972 : 349] объясняется как "хлеб да соль (приветствие во время обеда)". Выражение записано в первой половине XIX в., поскольку в XVIII в. диалектные слова и выражения почти не записывались, кроме того, данное выражение впервые фиксируется в "Опыте областного великорусского словаря" 1852 г., где предпринята и попытка его объяснения: "*Елусь* (сов. *поелусь*) повелительное наклонение, употребляется во время обеда, в виде приветственного междометия: хлеб да соль" [ООБС : 54]. Таким образом, составители словаря (а возможно, еще лиц, записавшее выражение) воспринимали и слово *елусь*, и форму *поелусь* как глагол в повелительном наклонении, причем элемент *по-* в форме *поелусь* рассматривался ими как приставка *по-*, служащая для образования совершенного вида, ср.: *ешь — поешь, пей — попей, неси — понеси* и т.п. Выражение в целом рассматривается здесь если не как полностью русско-славянское, то во всяком случае как оформленное согласно правилам русской грамматики, в частности в видовом отношении. Тем не менее именно с точки зрения славянских элементов русского языка эти слова и их форма труднообъяснимы. Правда, если считать форму производной от глагола *елузить*, то можно было бы принять как возможную форму повелительного наклонения *елусь* (с отражением фонетического оглушения), ср. такую же фонетическую форму *волтусь* (орф. волтузь) от диал. рус. *волтузить* (укр. вовтузити) "бить кого-либо (что-либо), схватив его". Глагол *елузить* не обнаружен, зато в говорах близких местностей представлены глагольная форма *наелузиться* "наестся до отвалу" (Костр. губ.—Гал) МКНО и несколько видоизмененная форма *наюлызиться* "то же" (Костр. губ.—Кин) МКНО. И по форме, и по значению оба глагола скорее всего производные от *елусь*. Таким образом, ничего не объясняя, они возвращаются к тому же выражению, создавая явный порочный круг. Тем не менее эти данные не бесполезны, поскольку они косвенно указывают на употребление выражения *елусь (поелусь)*, — по крайней мере в прошлом, до того как в Солигаличском районе (уезде) было записано это выражение, — также в бывших Галичском и Кинешемском уездах Костромской губернии (ныне в Галичском р-не Костромской и Кинешемском р-не Ивановской областей). Поскольку все три района были в прошлом местом обитания мери, вполне закономерен вопрос, не является ли рассматриваемый оборот мерянским, сохраненным частью русских говоров на русской языковой территории. При этом чрезвычайно важно сразу же подчеркнуть, что все три местности принадлежат именно к бывшей территории распространения мерянского и никакого другого финно-угорского языка и ввиду этого расположены в настоящее время на собственно русской языковой территории, вдали от каких-либо финно-угорских народов и их языков.

В пользу мерянского происхождения оборота также говорят его собственно языковые особенности. Выражение *елусь поелусь* при этимологическом анализе обнаруживает возможность его расчленения на слова, с одной стороны, несомненно финно-угорские по происхождению, с другой — присущие в своей своеобразной форме, по-видимому, из финно-угорских только мерянскому языку. Лексема *елусь* здесь отнюдь не одинока, на бывшей мерянской территории есть и другие, явно связанные с ней слова, которые, являясь финно-угорскими по происхождению, дают основание причислить их к мерянским ввиду своего своеобразия. Ср., например, такие диалектные (и арготические) слова с той же территории, как *неёла* "нет" (букв. "не есть"), эст. *Та еі оіе õріlane** (букв. "Он не есть ученик (ом)"): (Яр. губ. — Углич) [Свешн. : 93], *неіола* "нет" (Твер. губ. — Каш) ТОЛРС XX : 166, *неёла* "неудача" (Костр. губ. — Нерех) [ООВС : 124], *ёла* "есть" (Яр. губ. — Углич) [Свешн. : 93] **ei ola* > **e jola* "не есть"; форма *ёла* "есть" образовалась, очевидно, уже на русской почве от *неёла* "нет (не есть)". Что касается явно вторичного значения "неудача" (*неёла*) и "удача" (*ёла*), то с ним, возможно, как калька частично связано рус. (диал.) *есть* "имущество, приданое" (Костр. губ.) МКНО, а также формы того же корня типа *ульшага* "умерший, покойник" [Свешн. : 92 — Углич] (по образцу *бедняга, трудяга* от *ульша* "бывший" с формантом -ша, связанным с мар. -шо (колы-шо "умерший"), ср. рус. (Яросл., Костр.) *побывшиться* (букв.) "стать бывшим, то есть умереть" ЯОСК), *ульшил* "умер" ЯОСК [Свешн. : 92 — Углич], *ульшили* "убили" ЯОСК [Свешн. : 92 — Углич] (два последних глагола образованы также от *ульша* "бывший"), *р.Ульшма* (букв.) "бывшенье, т.е. гибель, смерть" (Костр.).

Все приведенные выше слова представляют собой образования, связанные с финно-угорским глаголом **wolę* — "быть", ср.: фин. *olla* "быть", эст. *olema*, морд. (эрзя, мокша) *улемс*, мар. *улаш* "то же", коми *вöлі* "был", удм. *вал* "был", хант. (казым.) *вэл'ты* "быть, жить", манс. *õli* "был, жил", венг. *volt* "был" [ОФУЯ : 417; КЭСЯ : 65, 67, 71; MSzFUE III : 669—671; SKES II : 427—428]. Своеобразие мерянских форм языка обнаруживается в том, что часть их, связанная с глаголом *быть*, — как правило, это формы, где исходное корневое *ол-* перед гласным, — получила перед начальным *о-* вторичное *й-*, а формы, где в следующем после *ол-* слог гласный выпал, в результате последовавшего удлинения заменили первоначальное *о-* позднейшим *у-*. Этот процесс вообще характерен для мерянского языка, ср. мер. **urma* "белка" при фин. *ogava* "то же". Вследствие сказанного форму написания *елусь* следует понимать или как орфографическую передачу действительного фонетического *ёлусь* (случаи подобной неточности встречаются и при передаче мерянских по происхождению местных названий,

* Таким образом, рус. (арг.) *неёла* отражает, видимо, в качестве полукальки форму мерянского отрицательного спряжения.

ср. орфографические Векса, Челсма в Галичском р-не Костромской обл., произносимые Вёкса, Чёлсма), или как отражение действительного произношения, где согласно особенностям фонетики русского литературного языка безударное *-ё-* было заменено *-е-* (для севернорусских говоров *-ё-* характерно не только в ударной, но и безударной позиции).

Как бы то ни было, исходя из других известных форм глагола *быть* в мерянском языке, отраженных в лексике постмерянских русских говоров, первоначальной, мерянской, следует признать форму *ёлусь*.

Ввиду того, что слово *ёлусь*, несомненно, является глаголом и в то же время выступает в приветственном обороте, где самым естественным есть доброе пожелание, наиболее логично его рассматривать (в чем можно согласиться с его трактовкой в словаре) как форму повелительного наклонения. Но поскольку производные от него или связанные с ним глаголы *наелузиться*, *наюлызиться* имеют значение "наесться (досыта)", а глагол *ёлусь* — это одна из форм глагола *быть*, форму *ёлусь* нельзя связать со значением "ешь (наедайся)", а следует рассматривать только в качестве одной из форм повелительного наклонения глагола *быть*.

С формальной и семантической точки зрения логичнее всего видеть в *ёлусь* форму 3 л.ед.ч. повел.накл., поскольку с семантической точки зрения в пожелании, связанном с едой, трудно представить себе глагольную форму со значением "будь", больше напрашивающуюся при пожелании здоровья (будь здоров!). Возможность форманта *-сь* в качестве показателя 3 л.ед.ч. повел. накл. подтверждают многочисленные параллели из других финно-угорских языков с суффиксом *-s-*, как полагает Б.А.Серебренников, первоначально суффиксом притяжательности 3 л.ед.ч., ср.: морд. *кундазо* "пусть ловит" [Серебр ИММЯ : 167], мар. *luð-šo* "пусть читает"*, саам. *bottu-s* "пусть приходит", возможно, также коми (med) *munas* "пусть пойдет" и удм. (med) *munoz* "то же"***.

Следовательно, значение слова *ёлусь* (зафиксированное *елусь*) следует истолковывать как "пусть будет", букв. "пусть есть" или, прибегая к помощи языков, позволяющих передать данную форму в ее синтетическом (однословном) виде, перевести ее с помощью нем. (es) *sei* или фр. *soit*.

Поскольку форма *ёлусь* и в корневой и в суффиксально-флективной частях обнаруживает себя как чисто финно-угорская, мерянская, возникает повод для сомнения в интерпретации элемента *по-* как при-

* Другого мнения о происхождении *-š-* (<*s-) придерживается И.С.Галкин [Галкин : 140].

** Ср. у Б.А.Серебренникова [Серебр. ИМПЯ : 292], где он высказывает мнение по поводу возможной, хотя еще и не выясненной, связи данных пермских форм с формой 3 л.ед.ч. повел. накл. приведенных выше финно-угорских языков.

ставки уже потому, что в данном случае речь идет, очевидно, не о кальке или полукальке, а о сохраненном в русской народной фразеологии подлинном мерянском фразеологизме. Заимствование же морфологического форманта, тем более префикса, в мерянский язык маловероятно, поскольку он, как и все финно-угорские языки, по-видимому, не знал префиксации, которая значительно позже стала развиваться в некоторых финно-угорских языках (в частности, венгерском и эстонском). Более убедительно видеть в *по-* какой-то другой морфологический элемент или даже слово, расположенное между двукратным повтором *ёлусь* — *ёлусь* и только вторично — под влиянием сближения с грамматико-семантическими особенностями русского языка — воспринятое и истолкованное как близкая по звучанию русская глагольная приставка *по-*. Наиболее оправдано предполагать в элементе *по-* союз, расположенный между двумя словами (здесь — глаголами), или постпозитивную энклитическую частицу, связанную с первым из глаголов. В финно-угорских языках, например, хантыйском, действительно обнаруживается подтверждающее это предположение и не противоречащее общему возможному смыслу оборота слово. Это союз *па* "и, тоже, другой", напр.: *асем па аҕкем* "мой отец и моя мать"; *Муҕ школаев ван па нвыы* "Наша школа большая и светлая", *Л'ош:эк ики юх ил'пия өл'ыс па ватёмтыс* "Россомаха-старик под дерево лег и заснул" [Русская: 80, 111, 190, 198, 231]. Таким образом, звуковой комплекс *по-* необходимо рассматривать как отдельное слово со значением "и". Следует заметить, что в данном случае, как и в хантыйском языке, речь идет, по-видимому, не о звукосочетании *по*, а о слове с формой *па*, где замена фонетического *па* орфографическим *по* была вызвана отождествлением рассматриваемого слова с префиксом *по-* и тем, что звук *-а-* в слове был воспринят как вызванный аканьем.

Таким образом, оборот в своей наиболее точной исходной форме должен иметь вид *ёлусь па ёлусь* и переводиться "пусть будет и пусть будет", букв. "пусть есть и пусть есть". Однако в таком виде он представляет собой явно эллиптизированную форму более полного приветственного выражения-пожелания, сокращение оборота в результате его частого употребления; полностью приветствие-пожелание произошло только в наиболее важных случаях. Можно предполагать, что поскольку это пожелание, речь в нем должна идти о том, чтобы у того (тех), к кому оно относилось, всегда была пища (еда-питье, хлеб-соль или подобные синонимы). В начале формулы дважды повторялся глагол, указывая на постоянство обозначаемого им состояния, так что становилось излишним употребление наречия со значением "всегда (постоянно, вечно)". Если учесть эти особенности, то формула пожелания могла иметь в передаче на русском языке следующий вид: "Пусть будет и будет (букв. "пусть есть и пусть есть") у тебя пища (еда-питье...)"

При всей фрагментарности данных о мерянском языке попытка

гипотетической реконструкции отсутствующей части фразеологизма представляется все же возможной.

С чисто семантической точки зрения следует исходить из того, что в финно-угорских языках чрезвычайно распространенным является парное сложное слово с буквальным значением "еда-питье", обозначающее пищу в целом. В ряде языков оно имеет идентичную в этимологическом отношении корневую часть обоих компонентов. В тех финно-угорских языках, где произошла частичная или полная замена компонентов парного слова, принцип семантического построения композита не изменен: имея в целом значение "пища; питание", иногда "пир", оно состоит из двух слов, обозначающих в отдельности "еду-питье". В тех финно-угорских языках, где не сохранились или не обнаруживаются существительные с подобным значением, выступают соответствующие парные слова-глаголы. Это дает основание считать, что и в них парное существительное "еда-питье", даже если теперь оно отсутствует, должно было употребляться в прошлом, об этом говорит, например, легкость образования в них отглагольных существительных, нередко частично совпадающих с формами инфинитива. Ср. соответствующие данные: коми *сёян-юан* "пища, продовольствие, довольствие", букв. "еда-питье", *сёйны-юны* "есть-пить, питаться, столоваться; пьянствовать, кутить; (неодобр.) излишествовать"; удм. *сион-юон* "пища, еда, продукты питания", букв. "еда-питье", *сиыны-юыны* "угощаться (есть-пить)"; манс. *тэнут-айнут* (конд. *тенэхә° р-айнэхә° р*) "пища (еда-питье)"; венг. *eszem-iszom* "обильное угощение, пир", букв. "еда-питье", *eszik-iszik* "откушает, потчует", букв. "ест-пьет"; фин. *syödä jouda* "есть-пить"; карел. *syöväh juuvah* "едят-пьют"; вод. *sõ·ti jo·ti* "ели-пили"; эст. *süüa juua* "есть-пить"; морд. (эрзя) *ярсамо-симема* "пир, угощение", букв. "еда-питье", *ярсамс-симемс* "есть-пить, угощаться, пировать", мар. *кочкыш-йўыш* "пища и питье, провизия (еда-питье)", *кóчкаш-йўáш* "есть-яить, питаться" [Pulkinen : 209; КРусСл: 619, 621; УдмРусСл: 271, 272; Бал.-Вахр.:127; MOSz т. 1: 639–640; ЭрзРусСл: 267; МарРусСл: 226].

Учитывая сказанное, не представляется слишком смелым предположение, что парное слово с буквальным значением "еда-питье" существовало еще в финно-угорском праязыке и отсюда было унаследовано (первоначально в идентичном виде или с идентичными по происхождению корнями обоих компонентов) всеми финно-угорскими праязыковыми диалектами, развившимися впоследствии в отдельные финно-угорские языки. Большинство из них сохранило связь с этими праязыковыми финно-угорскими корнями [MSzFUE I: 164–165, II : 329–330].

Данные, имеющиеся в настоящее время, не дают возможности с точностью ответить на вопрос, к каким из финно-угорских языков относился мерянский: к тем, которые унаследовали финно-угорское парное слово с неизменными (точнее, незамененными) корнями обоих

компонентов, или к тем, где парное слово претерпело значительные изменения. Ввиду того что мерянский язык, по крайней мере в начале своего развития, должен был унаследовать парное слово с исходными праязыковыми компонентами, данный член фразеологизма может быть в настоящее время реконструирован только в виде сочетания обоих корней в их прафинно-угорской реконструированной форме. Сведения о праязыковой форме суффиксальной и флективной частей слов отсутствуют, поэтому они обозначаются соответствующими прочерками. Поскольку для многих мерянских существительных отглагольного происхождения, видимо, характерна суффиксально-флективная часть *-м-а* (ср. Костро-м-а, Ульш-м-а и т.п.), можно предполагать ту же конечную часть и для рассматриваемого парного существительного мерянского языка. Однако, ввиду того что конкретные компоненты данного слова в точности неизвестны и нет уверенности, что в праязыковой период здесь были те же суффиксы, более обоснованным будет опущение данных формантов. Исходя из реконструкций обоих компонентов слова, оно может быть восстановлено в следующем виде: \lfloor^{**} [seye (— —)juye (— —)] \rfloor , где \lfloor^{**} указывают на вынужденную особую условность реконструкции, \lfloor [\rfloor] отделяют реконструированную форму от материально засвидетельствованных мерянских слов, а заключенные в круглые скобки два прочерка соответствуют возможным суффиксальной (в том числе и нулевой) и флективной частям слова. Квадратные скобки и заключенные в них слова указывают на явно временный характер предложенного финно-угорского (мерянского) решения данной лингвистической задачи. Впоследствии при обнаружении новых фактов или при более надежной реконструкции они могут быть полностью сняты и две звездочки (астериска) заменены одной, указывающей на большую вероятность предложенного решения.

Столь же (или почти столь же) условно может быть, к сожалению, реконструирован и другой неизвестный член фразеологизма, местоимение *у тебя (у вас)*, которое в данном случае берется в первой из возможных форм — в форме единственного числа. При поисках конкретной падежной формы следует, по-видимому, искать наиболее вероятный вариант, сообразуясь с данными как финно-угорских языков, окружавших мерянский, так и русского языка, на который в какой-то степени могла влиять и система мерянского языка. Форма *у тебя* явно связана с понятием принадлежности, в том числе и в такой характерной для русского языка синтаксической конструкции, как *у меня (у тебя, у него...)* *есть...* Характерно, что для всех западно- и южнославянских языков в отличие от русского подобный оборот совершенно не характерен. Вместо него здесь засвидетельствована посессивная конструкция типа *я имею...* (ср.п. Mat książkę "(Я) имею книгу"). Украинскому и белорусскому языкам хотя и не чужд оборот типа рус. *у меня есть*, однако он принадлежит к значительно менее употребительным, что особенно относится к западной части украинской и белорус-

ской языковой территории. Вследствие этого, а также в связи с тем, что финно-угорским языкам, у которых, кроме обско-угорских, нет глагола со значением "иметь", а известен только глагол *есть*, также чрезвычайно свойственны обороты типа рус. *у меня есть*, можно предположить, что своей распространенностью эта конструкция в русском языке в значительной степени обязана финно-угорскому, в том числе и мерянскому влиянию.

Правда, в финно-угорских языках, хотя в них всюду выступает глагол *есть*, в данной конструкции далеко не одинаковы падежи, обозначающие лицо, которому принадлежит предмет. Так, в прибалтийско-финских языках здесь выступает адессив, который в данном случае переводится на русский язык предложной конструкцией *у тебя (у меня...)*, однако с большей точностью должен был бы переводиться с предлогом *на*, ср. фин. *Minulla on kirja* "У меня есть книга", точнее "На мне есть книга". В венгерском языке тот же оборот требует дательного падежа владельца: *Nekem van könyvem* букв. "Мне есть книга (моя)". Только в финно-угорских языках, находившихся в наиболее тесных контактах с русским языком и в то же время территориально наиболее связанных с мерянским, встречаем другой падеж, родительный, с окончанием *-н*, современным или историческим [Серебр. ИМПЯ: 185—186], представляющим собой, возможно, первоначальный локатив, отвечающий на вопрос "где?" и соответствующий конструкции с предлогом *у* [Бубрих: 12—14]. Следовательно, употребляемая, например, в мордовском-эрзя языке форма родительного падежа при обозначении принадлежности сохраняет свое прежнее локативное значение и совершенно точно переводится предложной конструкцией с предлогом *у*, ср. морд. (эрзя) *Монь ули книгам* "У меня есть книга (моя)"; *Тонь ули книгат* "У тебя есть книга (твоя)" и т.п. То же относится и к марийскому языку с его родительным падежом, имеющим формант *-(ы)н*, бывший показатель локатива, ср. мар. *Пӧлемын кок окнаже уло* "Комната имеет два окна", букв. "У комнаты есть два окна (ее)". Поскольку мерянскому языку, видимо, также был свойствен родительный падеж (< бывший локатив) на *-н*, ср. (р.) *Яхре-н* (от *яхре* **jähra* "озеро") "озера, озерная (< у озера)", *Неро-н* "название Галичского озера в галичском аргю", букв. "болота", род. пад. от "болото", "болотное (у болота)", — озеро отличается заболоченными берегами, — а соседним с мерянским финно-угорским языкам (мордовским и марийскому) бывшие локативные формы на *-н* с поссессивной функцией в высшей степени свойственны, — следует считать, что и в мерянском в качестве показателя принадлежности выступал родительный (бывший локативный) падеж с окончанием *-н*. Поскольку ни одна форма местоимения *ты* в мерянском языке не известна, форма его родительного падежа (<локатива) ед. числа на *-н* (-*н*) может быть реконструирована лишь гипотетично на основе финно-угорской праязыковой формы с добавлением окончания *-н*, т.е. как ****tenän***. Две

звездочки в данном случае относятся не к прафинно-угорской реконструкции, где выступает одна звездочка, а к данной форме как отражению конкретного мерянского слова, так как она отражает ту финно-угорскую праформу, которую еще предстоит конкретизировать, исходя из фонетико-морфологических особенностей мерянского языка. В конечном счете, переводя для единообразия все в латинскую графику, мерянский фразеологизм на данной стадии реконструкции можно представить в следующем виде: *Joluš pa joluš [** (tenän seye (te) — juye (te))] "Пусть будет и будет (букв. "пусть есть и пусть есть") у тебя еда (твоя) - питье (твое) ""*.

С формальной точки зрения в данном обороте глагольное образование joluš, видимо, не является наиболее архаичной из известных форм. На то, что могла существовать и более древняя форма *joloze, сохранившая в несокращенном виде окончание 3 л. е. д. повел. накл., сокращение которого вызвало удлинение -o- с переходом в -u- (-y-), указывают существование фиксированных у В. Даля диалектных пермских выражений, явно связанных с рассматриваемым оборотом и сохранивших в нем -o- в соответствии с костромским -y- (-u-), ср. рус. (перм.) *наелозиться* "накушаться, насытиться". Благодарствуем, наелозились, — отвечают гости на приглашение: поелозить еще! (Даль II : 413); перм. *елозить* "есть, хлебать, кушать (то есть елозить ложкою)". Елозьте, поелозьте, гости мои! [ООВС : 54] привет застольникам: елбзь! (Слов. акад. *елушь*) "здорово хлебать!" сходится с пожеланием: Ёлось бы, желаю здорово поесть (Даль I : 518).

Вне всякого сомнения, объяснение, предложенное В. Далем, — его сближение с "елозить ложкою, есть (елось)", — так же, как и упомянутые ниже сближения А.А.Потебни и А.Преображенского, являются плодом народно-научной этимологии, и совершенно прав М.Фасмер, замечаящий по этому поводу в своем словаре: "*елозить, ёлзять* "есть". (Приведенные здесь формы неправильны, так как у В. Даля, судя по его примерам, с этим значением связано лишь образование *елозить* — О.Т.). Совершенно ошибочно связывается Потебней [РФВ 1 : 76] и Преображенским [1 : 464] с *ложка*. Ср. *ёлзять II*" [М.Фасмер ЭСРЯ II : 17] и далее: "*ёлзять II, елозить* "хлебать, черпать ложкой, есть". Темное слово. По мнению Потебни [ФЗ 1876, вып. 2 : 97], заимств. из тюрк. (без указания источника). Ср. *елозить, елосить*" [там же : 15].

Возникает вопрос о происхождении пермского слова и выражения (ср. *Елозьте, поелозьте*, по-видимому, представляющее собой отражение исходного *Елозь, поелозь* < *Joloza pa joloza), аналогичного

* Возможна также форма **tinän [ОФУЯ : 399].

** Не исключено также, что предполагаемое парное слово **seye (— —)—juye (— —) имело притяжательный суффикс -te, т.е. выступало в форме **seye (— —)te—juye (— —)te "еда (твоя) - питье (твое); ср. венг. Noked van könyved "у тебя есть книга (твоя)".

костромскому. Поскольку убедительного объяснения ему на основе славянских элементов русского диалектного языка найдено быть не может, а мерянскими (финно-угорскими) фактами оно объясняется вполне логично, и поскольку пермское выражение почти полностью совпадает с костромским, единственно вероятным объяснением может быть следующее. Пермское выражение представляет собой результат переселения носителей части костромских говоров, которое шло в восточном направлении через Вятскую землю на Урал. Так как переселение происходило в тот момент, когда мерянский язык находился на более древней ступени развития, переселенцы унесли с собой на восток более архаичную форму рассматриваемого фразеологизма. Там вследствие руссификации этой части населения, — возможно, первоначально носителей мерянского языка, — она как бы инкрустировалась в русском языке, застыла в своем развитии, что и вызвало в ней сохранение *-о-* даже в условиях нового закрытого слога (ср. *елозь (те)*, хотя в мерянском в этих условиях *-о-*, как правило, переходило в *-у-*).

Другой интересной формой, отражающей отчасти аналогичное ноообразование, является форма того же слова *юлысь*, представленная в уже приводимом выше кинешемском слове *наюлызиться*. Начальное *ю-* своим образованием, видимо, обязано части форм глагола *быть* в мерянском языке (напр., **ульша* "бывший"), которая имела начальное *у-*; сближение их с формами на *й-* (**ёлусь*, **ёлозе* и т.п.) должно было привести к распространению начального *й-* и на них. Вследствие стремления к еще большему единообразию в части мерянских говоров во всех формах глагола *быть* распространилось начальное *ю-*. Что касается перехода *-з-* в интервокальной позиции (*-с(ь)* в конечной), то она также не противоречит фонетике мерянского языка, насколько ее можно проследивать в местном русском языке на словах как русского, так и мерянского происхождения (ср., например, среди первых *сабог* вместо *сапог* (яросл.), *кадюка* вместо *гадюка* (там же) и обычное для русского литературного языка оглушение в конечной позиции звонких согласных).

Особый интерес представляет также вопрос об ударении в глагольных формах рассматриваемого фразеологизма. Несмотря на то что во всех известных формах — *елу́сь*, *ело́зьте*, *(на)ело́зиться*, *(на)юлы́зиться* — ударение падает на второй слог от начала корня, есть основание усомниться в его первичности, поскольку, судя по географическим названиям бывшей мерянской территории, в мерянском языке абсолютно преобладало, если не было единственно возможным, инициальное, начальное ударение (ср. *Я́хрома*, *Чу́хлома*, (диал.) *Кострома*, *Не́ро*, *Ки́нешма*, *Ко́стома* и т.д.). По-видимому, и в данном фразеологизме первоначально ударение падало на первый слог слова. Только впоследствии, в связи с ассимиляцией мери, когда сохранившиеся слова и обороты стали видоизменяться под влиянием фонетико-грамматической и семантической систем русского языка, и в данном обо-

роте произошло передвижение ударения. Видимо, это было связано с тем, что сдвинутым к концу слова было наиболее естественное ударение в форме 2 л.ед.ч. (и мн. ч.) повел. накл., в качестве какой-то стала восприниматься форма *елусь* или *елозь*. В случае формы *елозь* могла действовать и аналогия со стороны русского глагола *елозить*. Следовательно, первоначально и в глагольных формах *ёлусь* (**ёлоз* (е), **юлысь*), как и во всех других словах оборота, должно было употребляться начальное (инициальное) ударение*.

Рассматриваемый оборот, помимо того интереса, который он представлял с сугубо лингвистической точки зрения как отражение мерянской фразеологии и языка в целом, чрезвычайно интересен и как отражение древнего мировоззрения, не чуждого, судя по близким финно-угорским и славянским оборотам, остальным финно-уграм и славянам в наиболее древний период их истории.

Если современный языковой этикет, выработавшийся у европейских народов, стал предписывать желать едящим людям приятного аппетита, — обычай, несомненно, связанный с господствующими и преуспевающими слоями общества, которых больше заботил их аппетит, чем проблема добывания еды, — то человеку древнего периода прежде всего важно было иметь в достатке еды, не испытывать голода. Поэтому самым важным для него было пожелание постоянного достаточного запаса пищи, в связи с чем вполне естественным было обращение с пожеланием, как у мерян, "Пусть будет и будет (т.е. не выводится) у тебя еда-питье!".

Вполне соответствует этому пожеланию и эстонское аналогичное: *Jätku leiba!* букв. "В достаче (вам) хлеба!", на которое следует ответ: *Jätku tarvis* "Достача нужна".

Очевидно, подобный характер имеет и русское пожелание *Хлеб-соль!*, возникшее, вероятно, в результате сокращения из более полного "Пусть будет (или: Да будет) (у вас всегда) хлеб-соль!"

В связи с этим *наелузиться* (*наелозиться*, *наюлызиться*) приобрело значение "наестся (вследствие того, что осуществилось пожелание и стол ломился от еды)". Не исключено, что глагольная форма *ёлусь* (или ее варианты) могла еще в мерянском языке повести к образованию глагола *joluzims*** "*ёлузить* (произносить пожелание *Ёлусь на ёлусь*)", т.е. желать изобилия еды и питья, большого количества пищи, вследствие чего так естественно образовался соответствующий русский диалектный глагол.

* Как свидетельствуют данные финно-угорских языков (напр., эстонского и финского), где при инициальном ударении возможны случаи его смещения [Ariste : 39—43], сдвиг ударения мог произойти также еще в мерянском языке.

** Форма инфинитива на -s (по происхождению иллативная) для мерянского языка, как и для мордовских, наиболее правдоподобна в связи с тем, что здесь номинативная форма (с суффиксом *-та и нулевой флексией) употребляется широко в функциях отглагольных существительных, в частности в местных названиях.

Другой мерянский фразеологический оборот, предполагаемый возможный зачин мерянской сказки, можно восстановить на основании отразившего его русского сказочного зачина *Жил-был...* и параллельных явлений ряда финно-угорских языков (ср. кар. *Elettih-oldih ukko da akku* "жили-были муж и жена", коми *Олісны-вылісны кык вок* "Жили-были два брата", удм. *Улэм-вылэм одӱг эксей* "Жил-был (оказывается) один царь" и под.) [Ткаченко СИФСФУЯ : 216–235].

Если при восстановлении оборота **Jolus pa jolus'* [**[*tenän seye (te) – juje (te)*]] недостающую его часть приходится временно приводить к "немерянизированной" гипотетической общефинно-угорской праязыковой форме, то в тех случаях, когда новый материал позволяет конкретизировать подобные общие формулы реконструкции, появляется возможность дать их в большем приближении к конкретно доказуемым фактам мерянского языка. Так, восстановленную в прошлом в наиболее гипотетичном виде формулу сказочного зачина мерянской сказки [**[*Eliwolj*]] *игма* "Жила-была белка" [Ткаченко СИФСФУЯ : 228] в связи с более точными знаниями формы глагольной парадигмы мерянского языка и особенностей его фонетики появилась возможность представить в менее гипотетическом и не обобщенно финно-угорском, а мерянском виде, хотя и реконструированном. Так, исходя из того, что в 3 л.ед.ч. наст.вр. глагол *быть* имеет смягченное конечное *-ń* вместо обычно твердого других финно-угорских языков (ср. рус. (диал. < мер.) *сиень* "есть" (*Si joiń* "это есть"), фин., эст. (*se (e) on* " (это) есть" и венг. *van* "есть"), можно предположить, что это смягчение возникло под влиянием формы глаголов 3 л.ед.ч. прош. вр., где в результате отпадения конечного *-i (-u)* произошло смягчение предшествующего согласного. Вместо форм, подобных фин. *eli* "жил (-а)", *oli* "был(-а)", в мерянском языке произошла первоначально их замена формами типа **eł'* и **ol'*. Однако в связи с тем, что в новых закрытых слогах *e (э)* переходило в *i (у)*, а *o* в *u (y)*, ср. **ul'sa* "бывший" при *jolus'* "пусть будет (есть)" или (р.) *Ильдомка** "без жизни, безжизненная" при (названии деревни) *Элино* (бывш. Кологривского уезда Костромской губернии) от **Эля* "живой", для мерянского языка сказочный оборот следует принять в следующей форме: [**li' – ul'*] *игма* "Жила-была белка", где часть, заключенная в скобки и снабженная звездочкой, обозначает фрагмент сказочного зачина, устанавливаемый путем реконструкции, а слово *игма*, расположенное вне скобок, связано с конкретным

* Форма инфинитива на *-э* (по происхождению иллативная) для мерянского языка, как и для мордовских, наиболее правдоподобна в связи с тем, что здесь номинативная форма (с суффиксом **-та* и нулевой флексией) употребляется широко в функции отглагольных существительных, в частности в местных названиях.

** От **il' Doma* "безжизненный, неживой, нежилой" абессивной формы прилагательного от *el'* а "живой" (ср. морд. (эрья) *вал-томо* "без слова", мар. *илыдыме* "нежилой") [ОФУЯ т. 1, с. 233].

диалектным русским словом, восходящим непосредственно к поздне-новомерянскому лексеме*.

Менее ясен ввиду своего, видимо, стяженного, синкопированного характера третий предполагаемый мерянский фразеологизм, приветственная форма *Cöi- әnDa! (< *Cöiǣ, anDǣ (βa)!/*Cöi anDa-(-)!), реконструируемая из рус. (диал.) Цолонда! ("Цолонда — в доме: здравствуй, хозяин (?)", — Яр. губ. — Пош (с.Давшино, 1849 г.) [КЯОС : 212]). Здесь можно предполагать сохранными два слившихся слова — субстратное индоевропейское (фатьяновское, возможно, протославянское) включение в мерянский cöiǣ "здоровый; (?) здоровье" (и.е. koilo-/lu-, отраженное в псл.* сѣть "целый, невредимый, здоровый", полаб. sói! "за (твое/ваше) здоровье; (будь) здоров!", гот. hails "здоровый" (hails! "(будь) здоров!"), прус. kails "здоровый" (kails! "(будь) здоров!") [ЭССЯ III : 179—180; SEJDrzP I : 86; Kluge Mitzka : 298; Топоров (I—K) : 136—142]) и мерянское финно-угорское anD- "давать" в одной из возможных в данном случае форм. Общий смысл оборота ввиду его синкопированного характера, что характерно для приветственных формул в целом, и вызванной этим затемненности грамматического оформления второго из слов можно пока определить только приблизительно. Наиболее оправданным, поскольку речь идет о приветствии, обращенном к хозяину в его доме со стороны гостя, является истолкование формулы как первоначального (затем эллиптизированного) предложения *Cöiǣ, anDǣ (βa)! "Здоров (здоров будь), кормилец (букв. кормящий)!". Однако в принципе возможно также истолкование формулы как мольбы-пожелания: "Здоровье пусть даст (тебе, бог)! (дай) ему, боже!" Подобная интерпретация представляется менее вероятной. Хотя при заимствовании первоначального прилагательного *cöiǣ в заимствуемом языке оно могло приобрести также значение существительного, все же, поскольку речь идет, по-видимому, о длительных контактах двух языков, сопровождаемых двуязычием ассимилируемых индоевропейцев и частично мери, подобная трансформация, особенно во фразеологизме, менее вероятна, чем сохранение слова в значении прилагательного. Та мольба-пожелание, которая должна была бы реконструироваться в случае предполагаемого второго варианта ее истолкования, более естественна в качестве формулы изъявления благодарности, чем формулы приветствия. Кроме того, ее употребление и возникновение кажется более связанным с периодом после введения христианства, чем с языческой эпохой, во время которой она должна была возникнуть. Мерянское (постиндоевропейское) прилагательное *cöiǣ может отражать развитие протославянского слова *köiǫ / (-ъ) "здоровый, целый", однако в той его стадии, которая, по-видимому, была отделена значительным промежутком времени даже от

* Более подробно о данном мерянском фразеологизме см. [Ткаченко СИФСФУЯ, Ткаченко СИФСФУЯ].

позднепраславянского периода, тем более от выделения восточнославянских диалектов, отделенного также несколькими веками от принятия христианства восточными славянами. Следовательно, менее вероятно связывать возникновение рассматриваемого оборота, возникшего в первых веках нашей эры или на рубеже двух эр, с принятием и распространением христианства, проникшего в Волго-Окское междуречье только после I тыс. нашей эры. При всей обоснованности приведенных аргументов, имеющих в настоящее время данных, недостаточно для того, чтобы решить однозначно вопрос о первоначальном значении рассмотренного фразеологического оборота.

Анализ и проведенная на конкретных примерах реконструкция мерянских фразеологизмов говорит о перспективности дальнейшей работы по реконструкции мерянского языка, и в частности о возможности, по крайней мере частичного, восстановления мерянской фразеологии. Тем самым будут проясняться не только темные места финно-угристики, но и целый ряд неясных слов и выражений русского, в особенности диалектного, языка.

Из трех рассмотренных предполагаемых фразеологизмов мерянского языка только третий не поддается пока точному истолкованию, два же других восстанавливаются и объясняются достаточно убедительно. Сказочный зачин [*Il'-ul'] угма "Жила-была белка", имеет широкие финно-угорские связи, восходя, по-видимому, к прафинно-угорскому периоду [Ткаченко СИФСФУЯ : 220]. Два других фразеологических оборота, напротив, не имеют соответствий в других известных науке финно-угорских языках. Поскольку все они относятся к числу так называемых языковых формул, наиболее стойких из фразеологизмов и наименее подвергнутых иноязычным влияниям, это свидетельствует об особом месте мерянского среди финно-угорских языков, о его относительно большой изолированности от них, позволившей ему даже в области языковых формул развить ряд оригинальных оборотов. Подобное положение можно рассматривать как серьезный аргумент в пользу того, что мерянский не входил ни в одну из известных групп финно-угорских языков, образуя среди них отдельную группу (подобно, например, венгерскому, который также представляет собой отдельную группу в угорской ветви финно-угорских языков, состоящую из одного языка).

На основании трех, к тому же далеко не полностью объясненных, фразеологизмов еще рано говорить об особенностях мерянской фразеологии в целом. Однако на основании сделанного для их реконструкции уже теперь можно высказать предположение об основном направлении в работе по воссозданию мерянской фразеологии.

Поскольку даже в случае обнаружения связных мерянских текстов речь может идти главным образом о евангельских, т.е. переводных текстах, интересных преимущественно с фонетической, грамматической и лексической, но никак не с фразеологической точки зрения, думает-

ся, что роль их в реконструкции мерянской фразеологии может быть не главной, а лишь вспомогательной. Основная масса восстановимой мерянской фразеологии скорее всего сохранена в русских (постмерянских) говорах на бывшей мерянской территории в калькированном, "переведенном" на русский язык виде. Выделить их из собственно славянской по происхождению русской фразеологии могли бы только тщательные сопоставительно-типологические и ареальные исследования, которые помогли бы отсеять все явно финно-угорское (мерянское) по внутренней форме и происхождению. С помощью имеющихся сведений по мерянской фонетике, грамматике и лексике можно было бы осуществить "обратный перевод" данных фразеологизмов с русского на мерянский, тем самым реконструировав их как семантически, так и формально.

В настоящее время можно говорить только о начале подобной работы, первые образцы которой представлены здесь и в предшествующей книге автора, посвященной специально принципам исследования и реконструкции древнейшего слоя фразеологизмов, главным образом субстратного происхождения.

- Бал-Вахр. — Баландин А.Н., Вахрушева М.П. Мансийско-русский словарь с лексическими параллелями из южномансийского / кондинского диалекта. — Л. : Учпедгиз, 1958. — 228 с.
- Даль — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — М. : ГИС, 1955. Т. 1—4.
- КРусСл — Коми-русский словарь. М. : ГИС, 1961. — 923 с.
- КЭСКЯ — Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. — М. : Наука, 1970. — 386 с.
- КЯОС — Мельниченко Г.Г. Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820—1956 г.). — Ярославль : Б.и., 1961. — Т. 1. — 224 с.
- Мар.Рус.Сл. — Марийско-русский словарь. — М. : ГИС, 1956. — 863 с.
- МКНО — Материалы Костромского научного общества (Архив Костромского историко-архитектурного музея-заповедника, быв. Ипатьевского монастыря).
- ООВС — Опыт областного великорусского словаря. — Слб : Тип. Акад. наук, 1852. — 275 с.
- РФВ — Русский филологический вестник, 1879—1917 гг.
- Свешн. — Слова торговцев г.Углича, доставленные Н.Свешниковым. — Яросл. историч. музей, ф. 37, ед. хр. 322, л. 80—94.
- СРНГ УШ — Словарь русских народных говоров, вып. 8. — М. : Наука, 1972. — 369 с.
- Удм.Рус.Сл. — Удмуртско-русский словарь. — М. : ГИС, 1948. — 447 с.
- Фасмер ЭСРЯ — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перев. с нем. и дополнения О.Н.Трубачева, т. 1—4. — М. : Прогресс, 1964—1973.
- ФЗ — Филологические записки, 1882—1917 гг.
- Эрз.Рус.Сл. — Эрзянско-русский словарь. — М. : ГИС, 1949. — 292 с.
- ЭССЯ III — Этимологический словарь славянских языков: Православянский лексический фонд. — Вып. 3. — М. : Наука, 1976. — 199 с.
- ЯОСК — Ярославский областной словарь (картотека) (хранится на кафедре русского языка Ярославского пед. ин-та им. К.Д.Ушинского).
- Ariste — Ariste P. Einige Bemerkungen über die dynamische Betonung der Wörter im estnischen Satz. — In: Études finno-ougriennes. — Т. XV. — Budapest — Paris: Akad. kiadó — Librairie Klincksieck, 1982. — S. 39—43.
- Kluge—Mitzka — Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 20 Aufl./ Bearb. W.Mitzka. — Berlin : Gruyter, 1967. — 915 S.

- MOSz — Hadrovics L., Gáldi L. Magyar—orosz szótár. — K. 1—2. — Budapest : Akad. kiadó, 1972.
- MSzFUE — A magyar szókészlet finnugor elemei : Etimológiai szótár. — Budapest : Akad. kiadó, 1967—1978. — 727 l.
- Pulkkinen — Pulkkinen P. Asyndeettinen rinnastus suomen kielessä. — Helsinki : Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1966. — 343 s.
- SEJDrzPl — Lehr—Sprawieński T., Polański K. Słownik etymologiczny języka Drzewian połabskich. — Z. 1. — Wrocław — Warszawa — Kraków : PAN / Zakł. narod. inr Ossolińskich. 1962. — 126 s.
- SKES II Toivonen Y.H., Itkonen E., Joki A.J. Suomen kielen etymologinen sanakirja. — II. — Helsinki : Suomalais—ugrilainen seura, 1979. — S. 205—480.

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОГО ЗАИМСТВОВАНИЯ

1.0. Проблема заимствований в лингвистике. Потребность в научном изучении заимствований впервые возникает в связи с решением методологических задач сравнительно-исторического языкознания, представляющих собой по существу боковую ветвь исследований, касающихся определения закономерностей исторического развития языка, один из перспективных путей решения которых усматривался в изучении развития родственных языков от наиболее древнего их состояния (праязыка) до современности. Для реконструкции праязыка требовалось определение состава родственных между собой языков и выработка методики определения степени родства. Теоретически важным положением, легшим в основу сравнительно-исторического метода, было признание условности связи (отсутствие природной связи) значения и звукового комплекса. Именно вследствие условного характера этой связи материальное сходство должно было рассматриваться либо как исконное, не подвергшееся (или мало подвергшееся) изменениям в течение длительного исторического развития языков, либо как приобретенное в результате контактов языковых коллективов. Таким образом, в сравнительно-историческом языкознании была поставлена остающаяся и на сегодня актуальной задача разграничения исконных и заимствованных элементов.

Непреходящий интерес к заимствованиям — и не только со стороны специалистов-языковедов — определяется тем местом, действительным или мнимым, которое им приписывается в системе языка. Можно указать ряд аспектов заимствований, обусловивших глубокую в них заинтересованность. Прежде всего следует выделить не имеющий непосредственно прямого отношения к проблематике языкознания вопрос о значении заимствований при исследовании историко-культурных проблем вследствие его общегуманитарной ценности. Заимствования для историка представляют собой исключительно ценный материал, который далеко не всегда можно обнаружить другим путем и который позволяет значительно полнее и глубже осветить отдельные стороны истории того или иного народа, его культуры, экономики в прошлом, определить при этом и характер его взаимоотношения с другими наро-

дами. Заимствованиям отводится едва ли не первостепенная роль и тогда, когда на первый план выдвигается социальная функция языка как средства общения. Так, проблема заимствований нередко бок о бок исследуется с проблемой демократизации языка как ее антагонист. Не так редки и попытки связать с проблемой заимствований жизнеспособность того или иного языка и тем самым придать ей идеологический характер. "В условиях борьбы за упрочение политической, экономической и культурной независимости, которую в той или иной форме ведут практически все развивающиеся страны, язык становится своего рода знаменем" [Арутюнов 1986 : 156]. Однако и здесь осознается необходимость использования интернационализмов при создании терминологии. Отсутствие понимания этой истины, как и преследование далеко отстоящих от науки целей, приводит к тому, что нередко заимствования становятся предметом спекуляции реакционных, шовинистически настроенных кругов. Неблаговидные попытки использовать языковые проблемы заимствований с целью посеять национальную рознь можно отметить у апологетов антисоветизма, выступающих с нападениями на практику внедрения заимствований в национальные языки СССР, причем это касается не только собственно русских слов, закрепившихся в этих языках, но и интернационализмов, получивших широкое распространение в языках мира. Еще с большей нетерпимостью оценивают они случаи калькирования слов, обозначающих понятия и реалии, характерные для идеологии, культуры и быта советского народа [Современная идеологическая борьба... 1984 : 177—178]. Что касается оценки заимствования языковедами-специалистами, то, как отметил В.Леман, "в настоящее время мы уже не считаем предосудительным тот факт, что в том или ином языке могут быть заимствования из других языков. Напротив, критические нападки, наподобие тех, что были предприняты против З.Файста, который признавал возможность заимствований из языков коренных народов, теперь расцениваются как ненаучные и неуместные в научных публикациях" [Леман 1987 : 21].

Наряду с этими аспектами интереса, которые условно можно обозначить как культурологические, существует и собственно языковедческий аспект, в котором проблема заимствований представляется актуальной прежде всего в силу того, что заимствования рассматриваются как один из важнейших рычагов усовершенствования языка путем обогащения его словарного состава, как один из факторов дальнейшего развития структуры языка*. И традиционно проблема заимствований занимает важное место в ряду проблем культуры речи, нормы языка, а также соотношения функционирования языков в условиях тесного их контактирования.

* Теперь твердо установлено, что базовые структуры языка, их фонологические, морфологические и синтаксические компоненты, обиходный словарь постепенно изменяются в ходе языковых контактов с другими языками [Леман 1987 : 22].

Обманчивость впечатления простоты понятия заимствований опровергается пестротой понимания его отдельными исследователями. Хотя создана и продолжает создаваться обширнейшая литература по заимствованиям конкретных языков, рассматриваемых в ней преимущественно как объект исторических студий, в современном языкознании все больше ощущается потребность в теоретической разработке проблемы заимствований. Становится все более очевидным, что богатство конкретного языкового материала, представленного в этих исследованиях, не может компенсировать недостаток теоретического осмысления полученных фактов.

Можно выделить, вслед за А.М.Маковским [1971], несколько направлений в изучении заимствований. Первое из них характеризуется тем, что отмечается факт заимствования, однако не указывается, как проходил этот процесс, не эксплицируются критерии определения заимствований. К этому направлению примыкает большинство исследований по заимствованиям, рассматривающих их на материале преимущественно какого-либо одного языка. Отличительной чертой таких работ является то, что в них наблюдается стремление представить исчерпывающе полные списки лексем, заимствуемых в исследуемый период, с необходимой справкой об исторических, экономических, культурных факторах, обусловивших их появление. Близки к ним работы, ставящие задачу определить причины заимствования языком отдельных лексем или целых их разрядов. Чаще всего авторы апеллируют к причинам внешнелингвистическим, социальным, прагматическим*, и основную свою задачу усматривают в как можно более полном определении источников, участвовавших в пополнении лексики того или другого языка. Вторая задача в этого рода работах состоит в объяснении причин заимствования и решается преимущественно, исходя из внелингвистических критериев, важность которых трудно оспаривать, поскольку при таком подходе учитывается социальная природа языка как конкретно-исторического явления. Выполнение этой задачи предполагает анализ конкретных фактов воспринимающего языка, определение соотношения в нем исконных и заимствованных элементов, изменения и сдвиги в системе, обусловленные иноязычным влиянием. Наконец, исследователь может указывать на то, как происходит заимствование, не объясняя его причин, ограничив свою задачу определением психолингвистического механизма взаимодействия языков либо процесса приспособления заимствования единиц к системе языка-реципиента.

* Это относится не только к заимствованиям, но и ко всему тому, что было связано с изучением языковых контактов. Э.Хауген отмечает, что большая часть собранной лингвистами информации по контактам касалась условий изучения каждого из языков, использования их, более общих социальных обстоятельств, которые привели к их использованию и изучению, отношения к этому использованию, способности билингвов избегать или поддаваться интерференции, динамических тенденций, приводящих к подмене одного из языков, преимуществ или недостатков билингвизма и связанных с этим политических и образовательных задач [Haugen 1958 772—773].

Третье направление — теоретическое — представлено довольно скудно. И, несмотря на молчаливо разделяемую многими исследователями неудовлетворенность таким положением, видимых изменений ситуации пока не предвидится. Это хорошо показывают материалы международного коллоквиума по проблемам заимствования, состоявшегося в 1978 г. во Франции [L'emprunt linguistique 1980]. Большинство работ, представленных на нем для обсуждения, решало задачи заимствований с точки зрения этимологии, значительно меньше рассматривались общие проблемы. Потеря вкуса к теоретической разработке проблемы заимствования была, возможно, следствием отрицательного опыта предыдущих лет: вышедшая в 1956 г. книга Л.Деруа "Языковое заимствование" [Deroü 1956] была встречена довольно критически многими видными лингвистами, в частности Э.Бенвенистом, Ж.Муненом, Э.Хаугеном [Deroü 1980 : 7—18]. Автору вменялось в вину отсутствие структурального подхода к языку, собственной концепции языка и собственного языкового материала. За 20 лет, истекших после выхода в свет книги Л.Деруа, новые исследования монографического характера, посвященные специально разработке вопросов теории, не появлялись, что, помимо упомянутых субъективных причин, объясняется еще и переориентацией интереса лингвистов в сторону более общих проблем взаимодействия языков, билингвизма и тесно связанных с ними практических проблем языковой интерференции. Это направление лингвистических исследований содержит едва ли не самый богатый и надежный материал для решения многих вопросов, связанных с заимствованиями.

1.1. П о н я т и е з а и м с т в о в а н и я. Термин *заимствование*, перенесенный из сферы общеупотребительного языка в терминосистему языкознания, как и многие термины аналогичного происхождения, имеет несомненные преимущества, благодаря прозрачности семантической мотивировки, но и не меньшие неудобства как выражение метафорическое. Очевидно, что на отношения языков, пользующихся материалом других языков — акустической формой или значением — едва ли может быть полностью распространено значение общеупотребительного слова *заимствование*. Как остроумно заметил Л.Деруа, скорее следовало бы говорить не о заимствовании, а о воровстве, поскольку заимствованные элементы не возвращаются. Естественно, что как термин слово *заимствование* не может быть идентичным слову *заимствование* общелитературного языка. Однако и в самой терминосистеме языкознания оно оказывается неоднозначным. В понятие *заимствование* вкладывается два смысла на разграничение которых очень четко указал Ж.Марузо: "Этот французский термин (l'emprunt "заимствование". — Т.Л.) обозначает одновременно и акт, в результате которого один язык усваивает элемент другого языка, и сам заимствованный элемент" [104]. Сходное толкование термина *заимствование* представлено Ю.А.Жлуктенко, подчеркнувшим при этом необходимость отмеже-

вания его от термина *взаимодействие языков* : "Им (термином *заимствование* — Т.Л.) может обозначаться процесс восприятия единиц одного языка другим языком, то есть определенный конкретный вид лингвистических изменений, вызываемых взаимодействием языков в ситуации их контакта. Термин "заимствование" также может обозначать сами перенесенные в другой язык элементы, то есть следствия взаимодействия языков, которые могут существовать в этом языке и после того, как взаимодействие прекратилось. Таким образом, в обоих своих значениях термин "заимствование" обозначает не то же самое, что термин "взаимодействие" [1966 : 16]. Подобные трудности в размежевании указанных двух значений, с которыми сталкиваются носители русского и французского языков, вполне устранимы в немецком и английском, в которых наряду со словами, обозначающими процесс (прежде всего) и результат процесса заимствования, передаваемых соответственно англ. *borrowing*, нем. *Entlehnung*, есть и слова, обозначающие только результат заимствования — англ. *loan* (*loan-word*), нем. *Lehnwort*. В более поздней своей работе, отметив неправомерность встречающегося отождествления понятий *заимствование* и *взаимодействие языков*, Ю.А.Жлуктенко подчеркивает специфику отношения заимствований и языкового взаимодействия, в котором заимствование представляет собой лишь один из многих видов языкового взаимодействия [1974 : 25]. Само взаимодействие при этом определяется как комплекс явлений, развивающихся после установления языковых контактов [там же : 17].

При понимании заимствований как элементов, перенесенных из одного языка в другой, выделяют, в первую очередь, лексические заимствования, реже говорят о заимствованиях в области грамматики, считая их вторичным явлением, возникшим на основе лексического заимствования¹. Например, Э.Хауген пишет, что "все заимствования являются лексическими, то есть переносом лексем по аналогии из одного языка в другой, тогда как фонетические, акцентные и морфемные элементы выводятся на основании анализа привнесенных (импортированных) лексем" [Haugen 1957 : 589].

В составе заимствованных лексических единиц, как правило, выделяют две наиболее общие группировки — ассимилированные и неассимилированные слова. По отношению к первым чаще всего используется термин *заимствование*, тогда как неассимилированные лексемы получили наименование иностранных слов (англ. *foreign word*, нем. *Fremdwort*). О том, что такое членение не является абсолютным, свидетельствуют трудности формирования словарей иностранных

¹ Ср. также возможность однозначного понимания термина *заимствование*: "Заимствования в языке — слова, а также стдельные элементы их (корни, приставки, суффиксы) и отдельные выражения в данном языке, перенятые, усвоенные из другого языка в результате общения между народами" [Нечаев 1976 : 52].

слов В разряд иностранных (неассимилированных) слов и выражений могут войти и частично усвоенные, и полностью (фонетически и грамматически) усвоенные слова и выражения, и те из них, которые по фонетическому и морфемному составу, а также по семантике, связанной с реалиями, не встречаемыми носителями данного языка, остаются совершенно чуждыми, — так называемые варваризмы и экзотизмы. В основу деления слов на заимствованные и иностранные положен, как это следует из практики составления словарей иностранных слов, помимо генетического также принцип понятности слова для носителей данного языка, что, в свою очередь, связано с распространенностью, употребительностью слова. Действительно, трудно себе представить, чтобы кто-то начинал поиски в таком словаре слов, подобных рус. *стул, лампа, тарелка, макароны*, укр. *папір, кишеня, клямка, музика, дах* для определения их значения.

Неассимилированное слово отличает от ассимилированного ощущаемая говорящими чужеродность, психологически обоснованная недостаточной распространенностью слова, специфичностью, узостью его семантики*. Как показали проведенные специально тесты, слова воспринимаются как заимствованные независимо от их истинного происхождения [Die deutsche Sprache 1969 : 516]. Определяющим здесь оказался показатель употребительности слова: слово *трактор* воспринималось как менее иностранное слово, чем слово *диктатор* [там же : 510]. Основные признаки, на которые ориентируется говорящий при определении того или иного слова как иностранного, относятся к области фонетики (малораспространенные комбинации звуков, малораспространенные звуки, что создает впечатление чуждости, необычные акцентуационные модели). В некоторых языках они особенно ощутимы: "В языках типа венгерского и иврита, где звуковая оболочка слов гораздо более кодифицирована, чем в английском или французском языках, заимствованное слово поневоле будет выделяться на фоне слов родного языка, если его звуковая оболочка не подвергнется радикальным изменениям" [Вайнрайх 1972 : 46].

Помимо фонетических важную роль играют особенности грамматического оформления слов. Безусловно как иностранные воспринимаются в русском языке слова *какаду, пони, манто, метро, пальто*, не имеющие в литературном языке системы падежных показателей. Впрочем, войдя в язык, они составили группу со специфическим нулевым (отрицательным) показателем изменения по падежам, которое последовательно проводится в словарном составе русского языка, облегчив тем самым условия вхождения других единиц с подобными показателями. В ходе исторического развития многие слова, когда-то

* Это отражено в толковании термина: "Иностранное слово — слово из другого языка, редко и лишь в определенной ситуации употребляемое в данном языке" [Нечаев 1976 : 60].

заимствованные в язык, претерпели такие большие изменения, что определение их заимствованного характера потребовало выработки специальной методики, успешно используемой в сравнительно-исторических исследованиях.

Среди собственно заимствований выделяют три основных типа: заимствованные слова, семантические заимствования, кальки [Хауген 1972 : 352]. Заимствованные слова представляют собой фонетические комплексы, соотносимые семантически и фонетически со словами языка-источника. Кальки, впервые детально изученные на материале латинских заимствований в немецком языке В.Бетцем и названные им заимствованиями-штампами (*Lehnprägungen*), в отличие от заимствований, связанных с переносом материальной формы, представляют собой передачу значения слова языка-источника при помощи средств заимствующего языка. В основу разграничения заимствованных слов и калек положен характер воспринимаемых или уже воспринятых в языке реципиенте сторон языкового знака. В том случае, когда язык-посредник использует элемент, материально сходный с элементом языка-источника (семантическое соответствие при этом может быть частичным), говорят о материальном, или формальном, заимствовании, или просто заимствовании. В случае, когда какой-либо значимый элемент воспринимающего языка строится по аналогии с функционально соотносимым элементом языка-источника, говорят о кальках. Возможности калек и материальных заимствований поэтому всецело связаны со спецификой знаков различных уровней, а именно: на фонетическом уровне можно говорить о возможности только материальных заимствований, словообразовательный и лексический уровни допускают как кальки, так и материальные заимствования. Что касается синтаксического уровня, то обычно здесь говорят о калькировании, перенесении моделей.

Кальки, в свою очередь, могут быть разделены на заимствованные образования (*Lehnbildungen*), представляющие собой поморфемную передачу (перевод) значений языка-источника средствами воспринимающего языка (типа рус. *совесть*, нем. *Gewissen*, построенных на аналогии с лат. *consciencia*), и заимствованные значения (*Lehnbedeutungen*), т.е. значения, полученные словами в воспринимающем языке под влиянием функционально соотносимых слов языка-источника. Среди заимствованных образований можно выделить заимствованные новообразования (*Lehnschöpfungen*) и заимствованные формы (*Lehnformungen*). Последние в свою очередь членятся на заимствования-переводы (*Lehnübersetzungen*) и заимствования-переносы (*Lehnübertragungen*). Взаимоотношения различных видов заимствования хорошо передает поданная ниже схема, которую воспроизводим из [Die Deutsche Sprache 1969 : 514]. Поскольку проблема калькирования представляет собой отдельную проблему, то затрагивать ее будем в дальнейшем только эпизодически.

Займствованиа

При исследовании проблемы займствований предметом теоретических споров чаще всего предстают понятия займствованиа и интерференции. Ряд авторов настаивает на целесообразности разграничения этих понятий как отражающих результаты несходных процессов. Например, Ю.Н.Караулов пишет: "Источники языковых изменений в общем виде принято делить на три группы — лингвистические, частично-лингвистические и экстралингвистические. Займствованиа, в отличие от чисто лингвистического продукта языковых контактов — интерференции, занимают в этом ряду промежуточное место, относясь по средствам воздействия на язык к лингвистическим, а по причинам — к экстралингвистическим явлениям" [1979 : с. 552]. В прямую зависимость от характера билингвизма ставил природу результатов актов перенесения единиц одного языка в другой, не называя это, правда, интерференцией, Л.В.Щерба, выделявший "займствованиа в собственном смысле слова, сделанные данным языком из иностранных языков" и "изменения в том или ином языке, которым он обязан влиянию иностранного языка", а также "факты, являющиеся результатом недостаточного усвоения какого-либо языка" [1974 : 60–61]. Нередко, особенно в работах по культуре речи, а также по методике преподавания языков, где также затрагиваются вопросы культуры речи, термином *интерференция* именуются нежелательные изменения в структуре какого-либо языка (родного или второго, изучаемого) под влиянием другого, нарушающие норму и особенно проявляющиеся в условиях активного двуязычия. Ср., например, следующее утверждение: "Интерференция по своей сущности является следствием отрицательного переноса навыков родного языка на изучаемый русский язык" [Бабов 1973 : 78]. И в теоретических работах по проблемам языковых контактов отзвуки такой оценки также есть. Подобный взгляд на интерференцию как на что-то не вполне желательное, рекомендуемое, проскальзывает, например, в определении интерференции У.Вайнрайха: "Те случаи отклонения от норм (подчеркнуто нами. — Т.Л.) любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, то есть вследствие языкового контакта, мы будем назы-

вать явлениями интерференции" [1979, 22]. Таким же негативным образом оно оценивалось на Международном семинаре по проблемам описания и измерения билингвизма, проходившем в 1967 г. [Şurdućki, 1978 : 6]. В отличие от интерференции заимствования рассматриваются как вполне закрепленные, нейтральные в отношении нормы элементы языка. Статус инноваций, возникающих в ситуации билингвизма, определяется, таким образом, как статус чуждых структуре языка явлений.

Значительное место было уделено вопросу о разграничении заимствований и интерференции в исследованиях по проблемам взаимодействия языков. Здесь необходимо специально подчеркнуть теснейшую связь между заимствованиями как результатом перенесения и заимствованиями как актом такого перенесения. Подобно другим явлениям взаимодействия языков, заимствование не наблюдается как акт перенесения. Ср.: "сам процесс лингвистического изменения (при интерференции. — Т.Л.) в его течении, конечно, не наблюдается, исследователь имеет дело с его результатами" [Жлуктенко 1974 : 74]. Впрочем, высказывалась мысль и о том, что, изучая процесс взаимодействия языков, можно полностью абстрагироваться от последствий такого взаимодействия. Так, В.Ю.Розенцвейг, полагая, что задача лингвиста состоит не в инвентаризации иноязычных единиц и установлении баланса влияний с определением актива и пассива, а в описании контактов как процесса, значительно отличающегося на разных этапах, утверждает, что "если интересоваться только следствиями влияния одного языка на другой, то можно обнаружить только заимствование звуков, слов, словообразовательных суффиксов, синтагм, семантических единиц и больше ничего" [1963 : 60]. Такая оценка представляется все же слишком категоричной. Достаточно напомнить высказанное в свое время Л.В.Щербой мнение о том, что "быть может, представляет некоторый интерес оставить в стороне носителей языка и рассмотреть только историю всех элементов какого-либо языка... В этом нет большого преимущества в том случае, когда язык явно представляет собой нечто единое; но если он испытал глубокое влияние других языков, то от выявления роли всех этих элементов общая картина много выиграла бы" [1974 : 64—65]. Выяснить роль факторов, влияющих на закрепление заимствований в языке, можно, обратившись к результатам заимствования, сопоставив их с аналогичными результатами, представленными в других языках. Кроме того, анализ заимствований как результатов может быть использован для моделирования условий билингвизма.

В противоположность предыдущему взгляду на нетождественность понятий интерференции и заимствования существует и другая традиция неразграничения их. Э.Хауген в докладе на VIII Международном съезде лингвистов подчеркнул, что большинство исследователей предпочитают разграничивать заимствования (loan-words) и другие виды перенесения (borrowings), но считал, что подобное разграничение несущест-

венно, поскольку оба эти разряда представляют инновацию в языке и по происхождению являются разновидностью интерференции [Haugen 1958 : 783]. Эту точку зрения поддерживает и Ю.А.Жлуктенко, основываясь помимо названного Э.Хаугеном также на том, что "использование термина "интерференция" для обозначения всех типов лингвистического воздействия при межязыковой связи уже имеет достаточно прочные традиции" [1974 : 58]. Впрочем, Ю.А.Жлуктенко выделяет интерференцию и отдельно, рассматривая ее как первый этап вхождения единицы в язык, когда "явление воспринимается говорящими как инновация, как отклонение от нормы, системы или узуса (подчеркнуто нами. — Т.Л.). В дальнейшем оно само может стать частью нормы, то есть войти в число тех элементов, которые признаются обязательными в употреблении" [там же : 62]. Показателем этого является эпизодичность и окказиональность употребления слова.

Вероятно, стремлением отмежевать значительно легче обнаруживаемые результаты материального перенесения единиц одного языка в другой от иных видов воздействия объясняется то, что ряд исследователей предпочитают различать заимствование и интерференцию. Например, С.В.Семчинский предлагает использовать термин *заимствование* для всех элементов иноязычного происхождения независимо от их структурной иерархии, "лишь бы они были следствием процесса взаимодействия языков" [1974 : 19], а термин *интерференция* закрепить за различными тенденциями, возникающими в языке вследствие воздействия на него других языков [там же : 76]. Необходимость в разграничении этих терминов Л.И.Баранникова мотивирует тем, что заимствования представляют собой процесс, при котором единицы одной системы подвергаются различного рода ассимиляциям, а при интерференции изменениям подвергается сама система вследствие появления в ней новых единиц и новых типов отношений [1972 : 88—90]. Тем самым делается заключение о возможности заимствований только на уровне лексики, тогда как на уровне грамматики и фонетики возможна только интерференция. Мысль заслуживает внимания прежде всего в плане уточнения и терминологического различения действительно неравноценных результатов переноса материальных единиц из одного языка в другой и результатов самостоятельного выделения материальных единиц, коррелирующих с единицами языка-источника. Значение этих элементов не равнозначно для системы языка. Это подчеркивал и У.Вайнрайх, рассматривающий заимствования как простое дополнение к языковому инвентарю, а интерференцию — как "переустройство моделей, являющееся результатом введения иноязычных единиц в те области языка, которые отличаются более высокой структурной организацией, например, ядро системы фонем, большая часть морфологии и синтаксиса, некоторые области слова (обозначения родства, цвета, погоды и др.)" [1979 : 22].

Что касается последнего пункта, упомянутого У.Вайнрайхом, то в плане уточнения хотелось бы напомнить мнение В.В.Мартынова о

возможности проникновения иноязычных элементов именно в эти области и предлагавшего поэтому различать между заимствованием и инфильтрацией: "плохой учет фактов межъязыковой конвергенции объясняется неразличением лексических проникновений (инфильтраций) и заимствований. До сих пор приходится слышать о том, что существуют якобы такие разряды лексики, которые принципиально не инфильтруются из языка в язык*. И это несмотря на обилие исследований, практически демонстрирующих обратное. П р о н и к н о в е н и е предполагает в качестве необходимого и достаточного условия территориальную смежность и пограничное двуязычие. З а и м с т в о в а н и е предполагает в качестве необходимого условия культурное влияние и экспорт-импорт реалий (новые орудия и средства производства, новые понятия общественной жизни). Такое разграничение имеет важные последствия двоякого рода. Во-первых, лексическое проникновение и территориальная смежность взаимообусловлены, во-вторых, лексическое проникновение в силу того, что оно не связано с экспортом-импортом реалий, позволяет исследователю шире применять методы внутренней (структурной) лингвистики" [1982 : 7]. Разграничение, предложенное В.В.Мартыновым, поддерживается не всеми исследователями. Например, Ю.А.Жлуктенко считает его несущественным, поскольку "в самой лингвистической сущности между "заимствованиями" и "проникновениями" нет никаких различий" [1974 : 132]. Если рассматривать заимствования только с точки зрения их инновационного характера по отношению к языку-реципиенту, то, действительно, оснований для выделения инфильтраций и заимствований нет. Однако, как представляется, такое противопоставление позволяет учитывать характер контакта, последствия которого далеко не безразличны для структурных особенностей языка: в одном случае это какие-то случайные единицы, в другом — инновации охватывают значительные области языка.

1.2. Роль и соотношение структурных и внеструктурных факторов в заимствовании. Общепринятой среди языковедов является точка зрения о важной роли как структурных, так и внеструктурных факторов, влияющих на процесс и результаты заимствования. Прежде чем обратиться к рассмотрению этого соотношения, остановимся вкратце на месте заимствований в системе языка. Во-первых, следует отбросить как несостоятельную высказанную в свое время Л.Теньером точку зрения на заимствования как на совершенно чуждое языкам явление, приводящее к их порче и наруша-

* Многие этимологические решения основываются на недопущении возможности заимствований в определенных тематических группах. Ср., например: "многие слова с незакономерным *k*, *g* относятся к таким предметным группам, где заимствование или проникновение исключается, ср., например, слова для обозначения камня (балто-слав. *aktōn), дыры или сужения (лит. angr̃, слав. qzekъ) [Чекман 1974 : 132–133].

ющее их органическое состояние. Несоответствие этого мнения подлинному состоянию дел было четко осознано авторами, тесно занимавшимися проблемой взаимодействия языков. Г.Шухардт подчеркивал отсутствие принципиальной разницы между "естественным" процессом развития языка и тем, который вызван взаимодействием языков: "процессы, вызванные смешением в прямом смысле этого слова, по существу идентичны с многочисленными и чрезвычайно важными процессами, протекающими в языке независимо от смешения" [1950 : 177]. Г.Пауль видел в заимствованиях инновации, мало чем отличающиеся от неологизмов, созданных при помощи средств собственного языка. "С заимствованными словами, — писал он, — дело обстоит примерно так же, как со вновь созданными" и далее отмечал, что индивид "лишь удовлетворяет возникшую у него в данный момент потребность понятнее выразить свою мысль" [1960 : 462]. Этим же стремлением в максимальной степени удовлетворить коммуникативные потребности объясняет появление заимствований и Л.В.Щерба: "когда мы хотим передать свою мысль самым точным образом, мы часто бываем очень довольны, что можем употребить иностранное слово, которое точно соответствует тому, что мы хотим сказать, как, например, Ursprache немцев во французском языке" [1974 : 170].

С точки зрения теории номинации, выбор звукового комплекса есть чисто лингвотехнический прием, который в познании избранного нами предмета не приносит ничего нового, так как свойства предмета, по крайней мере его наиболее существенные свойства, нами уже познаны в результате жизненного опыта [Языковая номинация 1977 : 151]. Таким чисто лингвистическим приемом наряду с другими является заимствование. Методологически важным в связи с этим представляется утверждение, что "техника номинации не дает возможности судить о степени развитости мышления того или иного народа" [там же], чем подчеркивается полная равноправность, а отнюдь не ущербность заимствований по сравнению с такими средствами номинации, как использование звукового символизма, образования производных, словосложения, образования составных наименований, идиоматических выражений. Едва ли случайным является то, что в списке средств, используемых современными литературными языками для образования абстрактных выражений, в особенности¹ служащих различению оттенков, в которых неспециализированная речь не нуждается, на первом месте Б.Гавранек поставил заимствования: "средства для этого язык находит, с одной стороны, в создании новых слов (путем заимствования иностранных слов (подчеркнуто нами. — Т.Л.), их перевода или образования новых слов), с другой стороны, в приспособлении смыслового содержания уже известных слов" [Havránek 1963 : 86].

Продуктивность отдельных технических приемов номинации, одинаковых для всех (или большинства) языков мира, все же может отличаться в различных языках, что связывают с воздействием самой системы: "Сложившаяся в языке лексическая система сама начинает

накладывать известные ограничения на творческую деятельность людей, создающих новые слова. Номинация становится зависимой от сложившейся лексической системы" [Языковая номинация 1977 : 156]. Из этого можно сделать вывод, что склонность того или иного языка к заимствованиям во многом зависит от сложившейся традиции. Различие в подходах к использованию заимствований как техники номинации отмечено многими исследователями, пытавшимися за ними обнаружить причины структурные, языкового порядка, позволяющие уточнить классификации языков. И если в заимствованиях видеть не простое (аддитивное) включение чужеродных единиц в состав лексики заимствующего языка, если в заимствованиях усматривать "не только удовлетворение его нужды в недостающих средствах выражения (ведь этот недостаток может быть восполнен различными путями), а отражение внутренних закономерностей развития данного языка (подчеркнуто нами. — Т.Л.)" [Сорокин 1964 : 174], то с полным правом можно считать возможным использование роли и места заимствований в системе языка в типологических исследованиях. Не случайно И.Леков причисляет заимствования к одному из критериев типологии лексики. "А что касается лексики, — пишет он, — то установление степени проницаемости чужого влияния помогло бы типологически обособить эти языки" [1958 : 13]. На значение заимствований как черты, определяющей во многом лицо словаря, указывал А.Мейе: "Характерная черта славянского языка древней эпохи — это относительно небольшое число заимствований, сделанных притом из тех индоевропейских языков, которые были ближе к славянским" [1951 : 395]. Не исключено, что с этим связано и некогда распространенное мнение о слабой склонности славянских языков к заимствованиям. Необходимость включения заимствований в типологические исследования подчеркнута и другими авторами. Например, О.Б.Ткаченко отмечает: "Помимо многочисленных семантических схождений, в лексике славянских и смежных неславянских языков не менее многочисленны также случаи материальных общностей, вызванных заимствованием соответствующих материальных элементов. Обычно их не принято относить к типологическим чертам тех или иных языков. Однако, видимо, в этом имеется определенная непоследовательность. Если говорить о типе языка, то, по-видимому, нельзя обойти не только ни одной из его наиболее характерных семантических (модельных), но и типичных для него материальных черт... Материальное своеобразие в лексической типологии создается в значительной степени взаимоотношением основных исходных (праязыковых) и позднейших (субстратных, заимствованных, в том числе калькированных, и сознательно созданных) элементов" [Ткаченко 1984 : 53—54].

Заимствования представляются важными для типологии еще и потому, что, несмотря на их как бы исключительно генетический характер* (что для типологии определенно решающего значения не имеет,

* Многие авторы относят заимствования исключительно к области диахронии

а нередко и вообще ставится под сомнение), они являются каналом, по которому осуществляется проникновение (вхождение) новых элементов в фонетическую и морфологическую системы языка, что способствует выработке новых системно-структурных особенностей. В результате языки, принадлежащие к одной и той же генетической группе, приобретают особенности, по которым они либо сближаются с другими генетически отдельными группами, либо в пределах своей генетической группы образуют новые более тесные группировки по определенным типологическим признакам, подобно тому как это наблюдается, например, в славянских языках с совершенно четко выделяемой по типологическим признакам подгруппой южнославянских языков [Историческая типология 1983]. Таким образом, хотя у близкородственных языков и сохраняется генетическая близость, их типологические сходства не параллельны их генетической близости. В связи с этим целесообразно вспомнить слова Ф. Соссюра о том, что "ни одна языковая семья не принадлежит раз и навсегда к определенному лингвистическому типу" и что "если кто-нибудь станет предполагать наличие в языке каких-то постоянных признаков, над которыми не властно ни пространство, ни время, тот посягнет непосредственно на основные принципы эволюционной лингвистики" [1977 : 266].

Типологическая значимость заимствований очевидна и при рассмотрении их как особой лингвистической техники: заимствования являются только одной из ее разновидностей, находящейся в тесном и определенном соотношении с другими разновидностями. Нарушение этого соотношения, выражающееся в бурном, а не постепенном вхождении иноязычных слов, воспринимается говорящими чаще всего отрицательно как нечто нарушающее установившуюся традицию и в сознательной языковой деятельности сопровождается проявлением пуризма. Ведь при естественном для языка пополнении словаря путем в большей степени использования словообразования и в меньшей степени заимствования из других языков "обеспечивается дальнейшее усиление внутреннего единства языковой системы, взаимосвязи и взаимодействия ее компонентов и уровней" [Мельничук 1981 : 33]. Естественно возникает вопрос, почему предпочтение отдается заимствованию, а не другим способам номинации, в особенности, когда это делается совершенно сознательно, как при создании нового термина. Одна из причин, побуждающих говорящего обратиться к иноязычному материалу, лежит в необходимости устранить или не допустить формальный конфликт между содержанием термина и формальной мотивацией, возникающей при использовании исконных элементов, поскольку при наименовании берется какой-то один частный признак, который не всегда выступает главным для данного понятия, т.е. семантическая мотивация и смысл слова

[Акуленко 1972 : 3; Маслов 1975 : 256]. Такой взгляд отражает точку зрения на язык как продукт, систему знаков, но не как деятельность, что предполагает включение в систему не только единиц, но и правил их построения.

не совпадают. Возникающий конфликт между содержанием и формой выражения можно устранить, изолировав эти слова — то ли формально, то ли, по смыслу. В языке наблюдаем постоянное стремление к подобной изоляции слов, доказательством чему служит то, что значительная часть слов может быть определена как мотивированная только путем этимологического анализа. Заимствования по сравнению с исконными словами имеют в этом плане неоценимое преимущество, поскольку они входят в язык без неизбежно сопутствующих им в языке-источнике семантических ассоциаций, они воспринимаются как нейтральные знаки, в высшей степени обладающие качеством "прозрачности" для значения. Этот аспект — устранение конфликта между содержанием слова и формой выражения — необходимо учитывать при оценке неологизмов, воспринятых из других языков, особенно в плане культуры речи. Для этого, очевидно, потребуется разработка вопроса, насколько сильно проявляется в тех или иных языках тенденция к устранению конфликта между содержанием и формой, допускается ли группировка языков по этому признаку и какую роль в связи с этим должны сыграть заимствования, воспринятые из родственных и через родственные языки. Приводимые Э.Сепиром примеры как будто дают основание думать, что заимствования легче и органичнее входят в те языки, слова которых слабо этимологизируются, со слабо выделенными составными элементами [1934 : 150—151], поэтому единицы заимствованные, выступающие как целостные фонетические комплексы, не выделяются на фоне исконных своей немотивированностью. Как правило, в языках такого типа незначительно развиты способы словообразования. Примеры подобного типа могли бы послужить аргументом влияния структурных факторов на включение заимствований. Что касается роли их в восприятии заимствований, то среди многих лингвистов продолжает сохраняться убежденность в приоритете структурных факторов. Так, В.И.Перебийнос пишет: "Проблема интеграции или дифференциации языков, имеющая большое значение для их развития, также приобретает большой вес в период научно-технического прогресса как проявление тех внутренних законов языка, которые позволяют одним языкам вступать в контакт, сближать свои системы (подчеркнуто нами. — Т.Л.), а другим — отходить друг от друга" [Перебийнис 1977 : 6].

Отдельные авторы идут дальше утверждений о значительной роли структурных факторов, приписывая языкам склонность к заимствованиям. Например, О.Вочадло выделял в зависимости от склонности тех или иных языков к заимствованиям, гомогенные, амальгамные и гетерогенные языки [цит. по: Хауген 1972 : 375]. Одним из основных недостатков этого подхода считают то, что здесь не учитываются заимствования из родственных языков, что в корне могло бы изменить классификацию. Пересмотреть эту классификацию следовало бы и в том случае, если бы во внимание принимались не только материальные, но и семантические заимствования.

Например, отрицательная реакция на заимствования является только кажущейся, видимой, в действительности славянские языки нередко и охотно пользуются материалами других славянских языков. Значительная близость морфемного состава и фонетического облика слов славянских языков позволяет им с особенной легкостью внедряться в состав другого славянского языка, что нередко затрудняет определение генезиса того или иного слова. Помимо материальных заимствований из одного славянского языка в другой имеется большое число калек. Такая попытка установить приоритет внутривидовых факторов в отношении заимствований без особого сочувствия была встречена другими исследователями. Так, П.Кипарский в связи с докладом О.Вочадло отмечал, что склонность того или иного языка к заимствованиям определяется ничем иным, как социально-политическими условиями: "Восприимчивость так называемых "гомогенных" языков к заимствованиям зависит не от внутренней структуры языка, а от социально-политической установки говорящего" [цит. по: Haugen 1950 : 225]. Если исходить из анализа языковых фактов, то на вопрос о существовании структурно определяемой склонности языков к заимствованиям следует ответить отрицательно. Ведь если допускать наличие такой склонности как изначально заложенной в языке, имманентной, то, например, совершенно необъяснимым представляется отношение к заимствованиям таких близкородственных языков, как славянские и прежде всего чешский и словацкий, структурная близость которых едва ли может быть поставлена под сомнение. В этом случае представляется необходимым напомнить слова Ф.де Соссюра об отсутствии постоянных черт, если подходить к языку как конкретно-историческому явлению. Что же касается различий в отношении к заимствованиям в чешском и словацком языках, то возможное объяснение такого разного подхода следует искать в самом структурном сходстве: усиление сходства вело бы к тому, что различия между этими языками как отдельными идиомами совершенно стирались и они воспринимались как один и тот же идиом в его разновидностях. Заимствования в данном случае служат как бы отталкивающим, разводящим фактором, позволяющим сохранить и усилить самостоятельность каждого из этих языков как отдельных образований.

О том, что не структурно заложенные черты определяют способность к большему или меньшему числу заимствований того или другого языка, говорит пример, приведенный Г.Хамфризом. Анализируя отношение современного газльского языка к заимствованиям, он указывает, что газльский язык относительно редко прибегает к заимствованиям в случае необходимости новых номинаций благодаря богатству своей словообразовательной системы и способности легко образовывать сложные слова. Однако при этом наблюдаются различия между разговорным и литературным языками, объясняемые им как различия социокультурного порядка. В устную речь вначале проникает английский

неологизм, а затем он может замещаться вариантом с использованием исконных элементов, выработанным в письменном литературном языке. Сложные слова играют особенно большую роль в письменном языке, возможно, потому, что они всегда занимали важное место в поэзии, требующей четкости выражения при достаточной свободе стихосложения [Humphreys 1980 : 214]. Касаясь вопроса о соотношении различных факторов, влияющих на возможность заимствований, У.Вайнрайх отмечал: "У нас нет пока достаточно данных, чтобы провести успешный анализ составляющих этого сопротивления – чисто структурно обусловленных (несовместимость новых форм с уже существующими), психологических (например, несклонность к использованию в повседневном обиходе речевого материала, перенесенного в аффективном контексте), социокультурных (положительные или отрицательные престижные коннотации перенесенных или воспроизведенных форм) [1979 : 79].

Вопрос о том, можно ли считать, что определенные структурные особенности языков способствуют проникновению заимствований, решал положительно Бодуэн де Куртенэ. Так, он писал о том, что аналитические языки более подвержены внешним влияниям, чем синтетические, особенно в области фонетики. Обстоятельством, которое способствует более быстрым изменениям, является этимологическая прозрачность слова, распространяющаяся на целые классы, а не только отдельные слова. Он отмечал: "Гораздо более быстрые изменения и фонетическая "порча" в языках аналитических, нежели в синтетических. Прозрачность языков синтетических, слова которых чувствуются не только единично, но и в своем морфологическом составе. Напротив того, слова языков аналитических не защищены от изменений живым чутьем своего состава и подвержены действию одних только звуковых законов... Одинаковые изменения звуков в языках аналитических по отношению к языкам синтетическим, из которых они произошли" [1963 : 106].

Это утверждение, однако, не имеет абсолютного характера, о чем свидетельствуют данные языков, принадлежащих к одному и тому же строю. Например, эстонский и финский языки (синтетические) допускают разную степень заимствований, которая ставится в зависимость от конкретных, выработанных именно данным языком фонетических закономерностей: в эстонском языке больше заимствований, нежели в финском, так как эстонский язык допускает скопление согласных в начале слова, а финский – нет. Упрощение групп согласных неизбежно приводило бы к появлению громадного числа форм, омонимичных уже существующим в языке. Поэтому нежелательность увеличения омонимичности для языка, сформировавшегося как литературный, служит своего рода барьером к вхождению заимствований и требует поиска других способов номинации. Однако в этом случае нельзя говорить о влиянии исключительно структурных факторов. Замена ино-

язычных терминов словами, принадлежащими к исконному фонду, происходит вполне сознательно, при участии специалистов, создающих новые единицы, т.е. мы имеем дело не со стихийным развитием языка, а с развитием, имеющим элементы планирования. И ссылки лингвистов на то, что отдельные слова не могут заимствоваться, учитывая нераспространенность определенных сочетаний звуков, ограничения позиционного характера на отдельные звуки, в конечном итоге не могут быть приняты как доказывающие безусловно влияние структурных факторов. Очень красноречивы в этом плане данные, приводимые Г.Хоком [Носк 1986 : 412–420]. Например, в китайском языке наблюдается общая тенденция к использованию односложных слов, имеются строгие ограничения на сочетания согласных и употребление согласных в финалях слова. Этими факторами как будто объясняются причины, по которым в китайский язык мало входит интернационализмов. Однако близкий по некоторым из этих характеристик японский язык их заимствует. Правда, достаточно вспомнить и другой факт — отказ от англицизмов-интернационализмов в японском языке во время волны национализма, взамен которых использовались китайские кальки. Во время принятия буддизма в китайский язык вошли многие слова из санскрита, заимствования адаптировались, приобретая внешние черты китайского слова, в том числе и тоны. Таким образом, никаких затруднений, о которых говорят, не существовало. Точно так же в исландский язык, известный своим сдержанным отношением к заимствованиям, в годы реформации в XVI в. вместе с принятием реформизма были приняты и многочисленные заимствования из датского и немецкого. Любопытно, что в непринужденной неофициальной речи они употреблялись значительно чаще, чем в официальной, о чем свидетельствуют письменные материалы тех времен. Если в личной переписке их пропорция по отношению к исконным словам в тексте составила 1:10, то в официальной колебалась от 1:30 до 1:90. Другой показательный пример — немецкий язык, тоже известный традициями ориентации на исконные элементы. По данным исследователей языка немецких иммигрантов в Америке в него в настоящее время проникло большое число заимствований. Таким образом, связывание возможности появления заимствований со структурными склонностями или особенностями явно грешит односторонностью и неполнотой и является следствием воззрения на язык как на организм, обладающий своими собственными, ни от чего другого не зависящими особенностями. Предрасположенность языков к заимствованиям в такой же степени имеет мало общего с реальными причинами заимствований, как и другая метафорика, употребляющаяся по отношению к языку, буквальное восприятие которой может только привести к гипостазированию языка. Уже стоящие у истоков сравнительно-исторического языкознания исследователи хорошо видели, что таких структурных ограничений на заимствования не существует. Р.Раск писал: “При общении народов невероятно большое число слов

переходит из одного языка в другой независимо от характера происхождения и типа этих языков (подчеркнуто нами. — Т.Л.). Так, например, значительное число датских слов попало в гренландский, а множество португальских и испанских слов — в малайский и тагалогский языки [1964 : 41].

Если по отношению к так называемой склонности языков к заимствованиям можно с полной определенностью заключить, что это один из мифов, достаточно долго поддерживавшийся в литературе и нередко связывавшийся с пониманием языка как духа народа, то проблема взаимодействия языков в зависимости от их генетической близости требует, вероятно, специального рассмотрения. Бодуэн де Куртенэ предлагал различать влияния близкородственных и разноструктурных языков, считая, что результаты такого взаимодействия не равноценны, и предлагал рассматривать "фонетическое влияние одного языка на другой: 1) между языками, родственными генетически; 2) между языками различных морфологических типов (влияние гораздо более основательное, пронизывающее весь фонетический строй данного языка)" [1963 : 106]. Признак генетической близости языков учитывает классификация, предложенная В.В.Горнунгом, выделяющим взаимодействие неродственных (разноструктурных) языков, родственных, но далеко разошедшихся по грамматическому строю и составу лексики, а также близкородственных языков, сохранивших сходную структуру и большое количество общих корневых слов с незначительными отклонениями в звуковой форме [1952 : 4]. Во многих конкретно-исторических исследованиях подчеркивается важность фактора генетической близости языков: в связи с близостью морфологической, фонетической структуры слов процесс освоения значительно упрощается (ср., напр., [Будовичова 1983 : 265]). Особенности процесса взаимодействия близкородственных языков таковы, что они могут проходить незамеченными, и в отношении уже существующих элементов достаточно трудно с полной уверенностью говорить об источнике заимствования. Поэтому исследователи истории языка нередко сетуют на невозможность отделить заимствованные элементы от общих, ср.: "Еще недостаточно полно разработана методика, на основе которой можно было бы провести четкую грань между заимствованиями из родственных языков и словами общего происхождения" [Ишбердин 1986 : 8]. Впрочем, положение с методикой становится понятным, если учесть, что Г.Пауль к заимствованиям относил прежде всего заимствования из неблизкородственных или далеко разошедшихся языков. Точно так же современные исследователи контактов языков могут не включать в понятие контакта взаимодействия близкородственных языков: "Иногда говорят о двуязычии в пределах одного и того же языка, но я не буду заниматься таким двуязычием, так же как и мнимым двуязычием на пограничье двух близкородственных языков" [Гавранек 1972 : 97] (подчеркнуто нами. — Т.Л.). В какой-то степени подобное отношение было оправдано в рамках теории сравнительно-исторического языкознания, ставившего

себе основной задачу установления родства языков и установление праформ. Однако для синхронического языкознания эта проблема становится актуальной, особенно в связи с необходимостью изучения реально происходящих процессов при взаимодействии родственных языков и влиянии, которое они могут оказывать друг на друга. Можно сказать, что сегодня не существует общепринятого взгляда на особенности взаимодействия близкородственных языков. Например, С.В.Семчинский утверждает, что между процессами взаимодействия близкородственных языков и неродственных языков принципиальной разницы нет, а есть только отличия в интенсивности и количественных показателях [Семчинский 1974 : 15—16]. Однако сам он выделяет типы взаимодействия, исходя из принципа генетической или типологической близости, указывая на взаимодействие близкородственных языков, родственных, но типологически отдаленных, неродственных, но типологически близких, и неродственных и типологически отдаленных [там же : 247—248]. В.М.Солнцев разделяет мнение о том, что взаимодействие родственных и неродственных языков оказываются неодинаковыми: "Рамки ареальных отношений охватывают как слабые взаимодействия, влекущие за собой те или иные лексические взаимодействия, так и сильные взаимодействия, ведущие к массовым заимствованиям не только лексики, но и строевых элементов. Обычно ареальные отношения складываются иначе у родственных и типологически сходных языков, чем у неродственных и типологически несходных" [1983а : 5]. Однако в чем проявляется эта "иначесть", все же остается не до конца проясненным. С одной стороны, находятся безусловные доказательства того, что заимствования легко проникают из одного родственного языка в другой благодаря наличию сходных элементов. С другой стороны, приводятся, как будто, не менее убедительные данные о том, что генетически близкая связь вовсе не гарантирует того, что заимствования будут происходить из этого родственного языка, а не из другого, если и состоящего в родстве, то весьма отдаленном. Так, М.А.Бородин приводит данные о большем количестве заимствований из неродственного языка по сравнению с родственными. Возможное объяснение этого факта она видит в том, что "близкородственные языки легче усваиваются и понимаются (иногда и без специального изучения), в то время как язык другой системы, обычно трудно воспринимаемый, благодаря введению заимствований, становится более понятным. Кроме того, заимствования из французского и итальянского (особенно фонетические и грамматические) могут показаться ошибкой — это обычно близкие формы с незначительной вариативностью, в то время как заимствования из немецкого, далекого по строю, никак не могут быть восприняты как таковые" [1969 : 99]. Аргументы, приводимые здесь, основаны полностью на психологическом восприятии. Введение заимствований не объясняется потребностями номинации в родном языке говорящего, а направлено на изучение другой системы. Что касается незначительной вариативности лексем или форм, то она наблюдает-

ся во многих диалектах, что не дает основания считать эти варианты ошибкой. Наверное, следует согласиться с В.А.Аврориным, отметившим, что "зависимость языкового воздействия от степени генетической близости сильно преувеличена и схематизирована. Решающие факторы здесь совсем иные. Первое место среди них занимают территориальные, хозяйственные, политические и культурные связи между говорящими на этих языках народов" [1975 : 155]. Немаловажная роль отводится таким показателям, как условия, в которых происходит контакт (непосредственный контакт, появляющийся в результате проживания на смежных территориях, существование "островных говоров"), что приводит к появлению ситуации массового билингвизма, и опосредованный контакт, характеризующийся индивидуальным билингвизмом. При последнем контакте имеет спорадический характер, ограничиваясь устной деятельностью билингвов во время путешествий и т.д., либо более постоянный, связанный с литературными контактами. Важным фактором является количество говорящих на данном языке, степень развития билингвизма (активный, пассивный, массовый, индивидуальный). Хауген отмечал, что форма, которую билингвы используют при заимствованиях, во многом зависит и от их отношения к языку [Haugen 1958 : 784]. Это отношение может быть положительным, и говорящие могут ориентироваться на язык-источник как на норму. В таком случае еще говорят о престижности языка, выделяя престижную иерархию языков [Gutschmidt 1973]. Престижность языка не обязательно связана с престижностью языкового коллектива-носителя в социально-экономическом или политическом плане. Ю.А.Жлуктенко отмечает, что древнегреческий язык оказал значительное влияние на латинский уже после того, как Греция была завоевана римлянами, а в Чили индейские языки оказали большое влияние на официальный испанский язык [1970 : 52].

Как правило, отмечают, что взаимодействие языков зависит от форм, в которых существуют языки (письменная или устная), но зависимость от этого фактора не абсолютна, о чем свидетельствует приведенный выше пример: греческий язык существовал и в письменной форме, тогда как индейские языки знали только устную. Далеко не последнюю роль играет и отношение говорящих к собственному языку, то, что Ж.Вандриес называл чувством родного языка: независимо от степени функциональной распространенности родного языка, получает он или нет официальное признание, используя, например, в официальных учреждениях, он продолжает употребляться его носителями [1937 : 261—262].

Многие авторы подчеркивают безусловную и доминирующую роль внеструктурных факторов по отношению к структурным. "Данные об истории международных и межэтнических связей..., как показывает история изучения языковых контактов, последствия интерференции при одних и тех же внутрилингвистических предпосылках могут про-

явиться в очень различной степени в зависимости от социально-исторических факторов” [Оглоблин 1983 : 116]. Именно благодаря главенствующей роли этих факторов “структурно-культурные данные могут иногда служить аргументом... в пользу признания или непризнания некоторого явления заимствованием” [там же]. Примером того, что отношение к иноязычной лексике не в последнюю очередь определяется языковой ситуацией, могут служить болгарский и белорусский языки. Генетическая близость русского и польского языков сыграла важную роль в становлении лексики белорусского языка как литературного: многие слова из этих языков прочно вошли в состав лексического фонда белорусского языка. В болгарском языке, на который раньше оказывали значительное влияние турецкий и греческий, с восстановлением роли литературного языка турецкие элементы стали постепенно вытесняться. В дальнейшем на болгарский язык оказал большое влияние структурно и генетически близкий русский язык. Белорусский и болгарский языки отличаются своим отношением к заимствованиям — в болгарском языке легко воспринимаются прямые заимствования, в белорусском языке преобладает калькирование. Здесь уместно было бы вспомнить о различной роли церковнославянских элементов в славянских языках. Если в русском доля их весьма значительна, что имело последствия для синонимической системы, то в белорусском удельный вес их низок, что связано с конкретно-историческими условиями формирования белорусского языка как литературного, прежде всего с тем, что письменный язык, обслуживавший в основном религиозную литературу, шел на сближение с живым разговорным языком, постепенно освобождаясь от форм и элементов церковнославянского языка [Журавский 1962 : 70].

Взаимодействие языков зависит от целого ряда факторов, оказывающих влияние на языковую ситуацию, среди которых: степень генетической близости языков, характер распространения в пространстве, наличие или отсутствие письменных, литературных форм, оценочное отношение со стороны собственного и других языковых коллективов, автохтонный характер или импортированность, органичность или неорганичность языков, находящихся в контакте, а также такие внешние параметры, как политико-административные, социально-экономические, культурные и другие условия [Жлуктенко 1987 : 14–15]. В качестве одного из примеров такого рода факторов можно было бы указать на взаимодействие некоторых языков Австралии, в которых имена умерших, соотносимые с названиями предметов самого различного рода, принято заменять другими, заимствованными из других языков. В результате такого заимствования слов соседние языки нередко имеют довольно большой процент общей для них лексики — 40–60 % [Moravcsik 1978 : 119]. Подобное использование заимствованных слов известно и в других языках и связывается оно с фактором, который трудно обозначить как внешний по отношению к языку, а именно:

особой, сакральной функцией языка. Эти моменты очень хорошо знакомы этимологам, которые учитывают возможность квалификации определенных единиц как заимствований, исходя из принятых в данном обществе ограничений, связанных с сакральной функцией языка. Ср.: "Множественность обозначений козы, как полагают, объясняется древней культовой ролью этого животного и неизбежными при этом запретами языка. Это создало исключительно благоприятные условия для обновления терминологии, для местных преобразований, и, вероятно, для заимствований" (подчеркнуто нами, — Т.Л.) [Трубачев 1958 : 85].

2.0. Инновации на различных языковых уровнях как результат взаимодействия языков

2.1. Заимствования на лексическом уровне. Исследование заимствованного материала в языках мира бесспорно свидетельствуют о том, что больше всего неавтохтонных элементов можно обнаружить на уровне лексики. Разницу в представленности элементов различных уровней обычно связывают с различной степенью проницаемости разных уровней языка, обусловленной особенностями функционирования языка. Е.Д.Поливанов писал по поводу отличий в стабильности различных уровней языка: "Язык (система устной речи) есть стихия, гораздо более консервативная и в основных своих функциях, кроме словаря (т.е. в фонетике, морфологии и синтаксисе), почти не поддающаяся... воздействию организованного управления..." И далее он пишет, что если бы даже были изданы специальные декреты об изменениях в языке, "ни один из них не имел бы буквально никакого результата, никто не стал бы менять звуки в произносимых словах, никто бы не отказался от грамматического рода — это совершенно несомненно, и именно потому, что родной язык выучивается (в основных своих элементах) в том возрасте, для которого не существует декретов и циркуляров. Словарь (запас слов языка) — другое дело, ибо данное конкретное языковое мышление накапливается постепенно, по мере обогащения данного индивидуума запасом новых понятий. Поэтому формулировка словаря — более чем какой-либо другой элемент языковой системы — принадлежит также и взрослому возрасту: поэтому словарь наиболее может отражать общественно-культурные сдвиги, сопровождающиеся привнесением в коллективное мышление ряда новых понятий, для которых нужны новые слова" [1968 : 189].

Почему появляются заимствования? В качестве объяснения выдвигают потребность называния новых реалий, понятий и т.д., возникающих при контактах разных народов. Во многих случаях это соответствует действительности. В разряд наиболее часто заимствуемых попадают географические названия и имена собственные, названия различных продуктов, растений, животных и т.д., всего того, что характеризует культуру в широком смысле носителей языка-источника. Отме-

чается, что вероятность заимствования неодинакова для разных слов, в качестве стабильных приводятся обозначения частей тела, названия родства, т.е. слова, которые традиционно называются словами основного словарного фонда.

Более детальный анализ лексических заимствований с точки зрения их семантики показывает, что выделить какую-то четко определенную закономерность весьма трудно. Например, трудно объяснить с точки зрения обычного обозначения потребность в заимствовании японским языком слова *сакудзино* для обозначения "вчера" при наличии собственного слова с этим же значением. Точно так же есть заимствования со значениями "сегодня", "завтра", т.е. все те, без которых трудно представить себе развитой язык [Неверов 1982 : 82]. Иногда в качестве объяснения причины заимствования указывают на отсутствие однословного названия, но это опровергается приводимыми здесь примерами. К тому же наличие в языках ряда составных наименований, как и то, что составные наименования могут вытеснять существующие в языке однословные (ср., например, все увеличивающийся аналитизм в названиях предприятий в восточнославянских языках, приводящий к вытеснению синтетических (однословных) наименований, как распространение укр. *цегельний завод* вместо *цегельня*) по образцу, существующему в контактирующем языке, подтверждает отсутствие естественной необходимости заимствования синтетического наименования. Ссылка на то, что заимствованное слово может быть более специализированным или более абстрактным по сравнению с исконным, также не убеждает: ср. ставший хрестоматийным пример абсолютных синонимов *языкознание* — *лингвистика*. Даже при наличии синонимов заимствования могут включаться в язык, дальше расширяя уже существующие синонимические ряды. Например, в лезгинском языке есть трехчленный синонимический ряд, составленный из исконных слов, со значением "продукт языкового творчества" — *тесниф* — *эсер* — *чал*. К этому ряду в последнее время примкнули также заимствованные из русского языка *произведений* и калька рус. *вещь* — *шей* [Гюльмагомедов 1985 : 47]. В персидский язык из английского было заимствовано слово *suithart* (англ. *sweethart*) при наличии в нем ряда *māhbuḅ, māhlube, māshuq, mā'shughe* [Еремина 1980 : 41]. Что касается того, почему делаются заимствования, если есть собственные названия, можно напомнить довольно меткое замечание Э.Хаугена, что в любом языке, если это только не Basic English, для наименования одной и той же реалии в языке может существовать ряд названий.

По поводу трудно проницаемых для заимствования семантических сфер можно отметить, что даже объявленные фактически непроницаемыми группы могут принимать заимствования. Примеры этого представлены в современном немецком литературном языке, в котором исконные слова-наименования дяди и тети были вытеснены заимствованиями из французского, т.е. вместо *Oheim* стал употребляться *Onkel*, а вместо *Muhme* — *Tante* [Die deutsche Sprache 1969 : 512]. Эта же

группа родства приняла заимствования в эвенкийском языке из якутского, причем заимствованные термины родства по свойству представлены шире, чем кровнородственные. "Это можно объяснить тем, что новые члены из чужого иноязычного племени приносили с собой и собственные термины родства" [Романова, Мыреева, Барашков 1975 : 102]. Заимствования могут затронуть и названия частей тела. Например, в юкагирский из селькупского вошли слова, обозначающие волосы, руку, пятку, подмышки [Поляков 1987 : 90]*. Ср. также в разговорном украинском некодифицированное *волоси* по аналогии с рус. *волосы*, *дьосна* по аналогии с *десна*, жаргонное рус. *шнобель* "нос" из немецкого. Из этого можно сделать вывод, что заимствоваться могут **любые** лексические единицы. Возможно, что в поисках эффективности заимствований следовало бы исследовать зависимость от типа значения заимствуемого слова. Например, не вызывает сомнения, что способность чрезвычайно легко заимствоваться у собственных имен связана с характером их значения. Следовало бы проанализировать также, в какой мере заимствуются имена артефактов и имена естественных классов. Трудно вполне определенно указать, существует ли какая-то закономерность в использовании заимствований для называния абстрактных, конкретных предметов, насколько они распространены по различным языкам и от чего это зависит. В качестве частного примера анализа заимствований с этой точки зрения представляет интерес схема Мориоки Кэндзи в японском языке, в которой он делит всю лексику японского языка по типу выражаемых понятий на три уровня. Нижний, представленный видовыми понятиями, дает довольно пеструю картину сочетания всех трех пластов лексики японского языка с преобладанием слов китайского и европейского происхождения, особенно в сфере конкретных наименований. Средний уровень, представленный родовыми понятиями, прочно занят исконными японскими словами. А на третьем, высшем, — преобладают слова с китайскими корнями, передающие самые различные понятия, в том числе и абстрактные, а также новые научные и технические термины и т.п. [Невров 1982 : 19].

Что касается самого процесса словарного заимствования, то многие исследователи "не предполагают обязательного владения языком, из которого заимствуются отдельные элементы" [Росетти 1972 : 113]. Именно поэтому такое обилие заимствований в лексике. Но если лексические заимствования не предполагают массового билингвизма, то индивидуальный должен быть представлен в период включения иноязычного слова. Следует подчеркнуть, что заимствуется прежде всего фонетически связанный комплекс. Чем он является в языке-источ-

* "Причина обилия якутских заимствований в разговорной речи эвенков (при наименовании частей тела. — Т.Л.) объясняется тем, что все они двуязычны, с детьми разговаривают по-якутски" [Романова, Мыреева, Барашков 1975 : 117].

нике, носитель языка-реципиента может не знать. Поэтому нередко заимствуются и целые предложения, воспринимаемые как одно слово. Ср. схв. *vadigonadu* (из англ. *what are you going to do*) "что ты собираешься делать?", *ravurikal* (из англ. *what do you call them*) [Surdučki 1978 : 252]. Нередко говорят о заимствовании сложных слов. Такими они являются в языке-источнике, но не обязательно в языке-реципиенте. И поэтому сложное слово может восприниматься как единый фонетический комплекс, независимо от того, что отдельные части этого комплекса уже могут быть включены в язык-реципиент. Ср., например, рус. *плацкарта* из немецкого сложного слова (композиата) *Platzkarte*, оцениваемое носителями русского языка как простое слово, несмотря на то, что корни, входящие в него, оба представлены в русском языке (*плац* "место для проведения военных учений" и *карта*).

2.2. Заимствования различных частей речи. Вопрос заимствования различных частей речи уже неоднократно затрагивался в отечественной и зарубежной литературе. Л.А.Булаховский отмечал, что чаще всего заимствуются имена существительные, прилагательные, могут быть заимствованы слова-восклицания, очень редко — наречия, местоимения, числительные, глаголы [1954 : 119]. Несколько отличные данные были получены Э.Хаугеном, выделившим в качестве наиболее часто заимствуемого разряда слов существительные и дальше в порядке убывания — глагол, прилагательное, наречие и междометие [1972 : 373]. Числительные Э.Хауген не называет. Изучение заимствований в современном персидском языке также подтверждает, что наиболее часто заимствуемой частью речи является существительное, в меньшей степени прилагательное, редко встречаются числительные, обозначающие большие порядки чисел типа р. *биллион*, междометия, глаголы не заимствуются вообще [Еремина 1980 : 32]. В отдельных языках, например, тюркских, заимствования ограничиваются только именами [Баскаков 1966 : 35]. Это же характерно для японского языка: в современном японском языке, имеющим длительный контакт с китайским, произошли изменения, не просто охватившие ряд лексем или даже структурных уровней, а образовавшие целую подсистему (так называемое канго), существующую в японском языке более 1000 лет, но и в этой системе глаголы отсутствуют. Отсутствие их компенсируется тем, что используется регулярный способ образования синтаксем глагольного характера — сочетание лексем с исконной граммемой, омонимичной глаголу со значением "делать" (словарная форма *суру*). В результате образуются словосочетания, не отличающиеся от обычных в японском языке глагольных синтаксем. Так, например, *кандзуру* "чувствовать" уже не отличается от обычных глаголов, что проявляется в фонетических изменениях и в том, что вербализованная граммема не исчезает, т.е. *суру* является уже деривативным элементом [Алпатов 1983 : 112]. Несмотря на теснейшие языковые контакты арабского и курдского языков, среди заимствований в курд-

ском также нет глаголов, а другие части речи распределяются в следующем порядке: существительное, прилагательное, наречие, междометие-восклицание, служебные слова (союзы) [Бакаев 1977 : 31–34]. Подобным образом представлены в нем заимствования из турецкого языка, с которым также имеются длительные и тесные контакты [там же : 51]. Заимствования из армянского языка в курдском обнаруживают форму, формально соотносимую с инфинитивом армянского языка, однако самостоятельно не употребляющуюся. Эти глаголы сами по себе, вне комбинации со вспомогательными (служебными) глаголами курдского языка, ничего не значат, а выступают только в качестве именно-го компонента для образования сложных глаголов при помощи курдских глаголов *кърьн* "делать", *бун* "быть" и других, из которых *кърьн* закреплен за образованием переходных, а *бун* — непереходных глаголов [там же : 84–85]. Подобные явления наблюдаются в целом ряде других языков. Заимствуется только именная форма глагола (отглагольное существительное, причастие, инфинитив), к которым в заимствующем языке присоединяется глагол широкой семантики со значением "делать", что превращает эти глагольные комплексы в эквиваленты глагола типа рус. *содействовать* — *оказывать содействие*. В ранний среднеанглийский период многие латинские отглагольные прилагательные или причастия при помощи глагола широкого значения "делать" были превращены в эквивалент глагола:

лат. глагол	лат. отглагольное прилаг.	ср.-англ. форма
<i>imitāre</i> "иммитировать"	<i>imitatum</i>	<i>do imitate</i>
<i>speculāre</i> "думать"	<i>speculātum</i>	<i>do speculate</i>
<i>corrīgere</i> "исправлять"	<i>correctum</i>	<i>do correct</i>

(Примеры заимствованы из книги [Носк 1986 : 386]).

Существование экспрессивных форм типа англ. *he goes* — *he does go* способствовало тому, что формы с *do* и латинским отглагольным именем были восприняты как глаголы [там же].

Аналогичные примеры засвидетельствованы в заимствованиях хинди из санскрита:

санскритский глагол	санскритское отглагольное сущ.	хинди
<i>pratiṣṭhāti</i> "отъезжать"	<i>prasthāna-</i>	<i>prasthān karnā</i>
<i>arabhaṭe</i> "начинать"	<i>ārambha-</i>	<i>arambh karnā</i>
<i>rakṣati</i> "защищать"	<i>rakṣaṇa-</i>	<i>rakṣan karnā</i>

В формах хинди также использован глагол широкого значения "делать" [там же]. Вероятно, такую форму внедрения глаголов следует считать одной из универсалий.

В славянских языках можно обнаружить значительное число заимствований с глагольным значением, однако следует иметь в виду, что преимущественно они соотносятся с именными основами, заимствованными одновременно или до них. На это обстоятельство обращали внимание многие исследователи. Так, в отношении русского языка было

отмечено, что "к концу XVIII в. мы видим определенный укрепившийся пласт заимствованных глаголов, зачастую имевших однокоренные заимствованные имена" [Авилова 1967 : 13]. Э.Моравчик среди ограничений на заимствования структурного характера называет заимствования глагольной сферы. Положение, которое она приводит, гласит, что лексическая единица с глагольным значением не может заимствоваться [Moravcsik 1978 : 111]. При этом возможны два варианта: либо глагольная форма не заимствуется вообще, либо заимствуется фонетический комплекс, лексема, которая однако не может считаться глаголом, поскольку она обязательно сопровождается теми исконными глаголами, как, например, в языке энга, которые употребляются только с именными дополнениями. Выше приводились примеры, подтверждающие высказанное положение. Вместе с тем, можно обнаружить и заимствования глагольных основ, которые не обязательно сопровождаются именными основами. Например, среди целого ряда глаголов, приводимых в работе Ю.А.Жлуктенко [1964], заимствованных из английского языка в украинский язык иммигрантов, наряду с глаголами по всей вероятности именного происхождения типа *фулувати*, *інвестигувати* можно обнаружить и глаголы, заимствованные непосредственно из английского, а не при посредничестве именных основ, оформившихся в виде глагольных уже на почве украинского языка. К таким, без сомнения, принадлежат глаголы *гарпувати* (англ. hurry up) "спешить" [Жлуктенко 1964 : 121], *бітувати* (англ. beat) "бить" [там же : 117], *руновати* (англ. run) "управлять" [там же : 142]. В отношении заимствования глагольных основ представляет большой интерес замечание Ю.А.Жлуктенко о том, что в большинстве случаев основа английского глагола заимствуется (воспроизводится) очень точно и только в начале иммиграции были возможны случаи присоединения других морфем. Например, слово *адвертайзмувати* (ср. англ. advertize) содержит звук *т*. Это может свидетельствовать о том, что глагольная основа заимствовалась опосредованно — через существительное advertisement [там же : 82].

Тезис о возможности заимствования именных основ и формирования в дальнейшем на их основе глаголов в языке-реципиенте уточняется при учете вида контакта и характера взаимодействующих языков. Например, генетически нетождественные якутский и эвенкийский языки, носители которых давно находятся в контакте, имеют заимствования именно глагольных основ, что подтверждается еще тем, что отыменные якутские глаголы, образованные при помощи суффикса, сохраняют этот суффикс: ср. эвенк. *д'уктерге* — якут. *дьиктиргээ* "удивляться" при *дьикти* "удивительный", эвенк. *сэхэргэ* — якут. *сэхэргээ* "рассказать" при *сэхэн* "рассказ". [Романова, Мыреева, Барашков 1975 : 93]. И то, что в эвенкийском языке "в составе заимствований преобладают глаголы, образованные при помощи якутских словообразовательных аффиксов" [там же : 92], следует, вероятно, рас-

сма­три­вать как пря­мые заим­ст­во­ва­ния целост­ных еди­ниц. По мнени­ю ис­сле­до­ва­те­лей, "лег­кость заим­ст­во­ва­ний объ­яс­ня­ет­ся тем, что в эвен­кий­ском язы­ке сред­не­воз­врат­ные гла­го­лы обра­зо­ва­ны по­сред­ством аф­фик­са *-рга* : *дэллэргэ* "трес­нуть, рас­ко­лоть­ся" / *дэллэ* — "трес­нуть" [там же : 93]. Од­на­ко мож­ет ли аф­фик­с, име­ю­щий от­лич­ное зна­че­ние, спо­соб­ст­во­вать закре­п­ле­нию омонимич­но­го по су­щес­т­ву с ним аф­фик­са? Впро­чем, о заим­ст­во­ва­нии это­го аф­фик­са *-ргаа* нель­зя и гово­рить, по­сколь­ку он не обра­зу­ет новых гла­го­лов на поч­ве эвен­кий­ско­го язы­ка.

Фак­ты заим­ст­во­ва­ния гла­го­ль­ных ос­нов мож­но на­блю­дать и у носи­те­лей близ­ко­род­ст­вен­ных язы­ков. Ср., на­при­мер, рус. *малевать* из укр. *малювати*, рус. *замордованный* из укр. *замордований*, в раз­го­вор­ной речи ино­гда встре­ча­ет­ся гла­гол *тикать* от укр. *тікати* "убе­гать" (как пра­ви­ло, от какой-то опас­но­сти). В не­ли­те­ратур­ной укра­ин­ской речи неред­ко мож­но услы­шать гла­го­лы из рус­ско­го язы­ка, как в "він опаздує" (рус. опаз­ды­ва­ет) вме­сто ли­те­ратур­но­го *запізнюється*.

Усло­вия, при ко­то­рых про­ис­хо­дит заим­ст­во­ва­ние гла­го­лов, неодина­ковы для раз­ных спо­со­бов их вхо­жде­ния. Пря­мое вклю­че­ние гла­го­лов без опос­редо­ва­ния пред­варитель­ным или од­но­вре­мен­ным вхо­жде­нием имен­ных форм воз­мож­но в усло­виях мас­со­во­го актив­но­го би­лин­гвиз­ма, тогда как для при­внесения гла­го­ла в язы­к-реци­пиент при под­дер­жке или на основе имен­ных форм, это не обя­затель­но. По­мимо этих спо­со­бов заим­ст­во­ва­ния гла­го­лов — через имен­ную основу или не­по­сред­ст­венно — мож­но на­звать еще один, ко­то­рый услов­но обо­зна­чим, как модель­ный. Он состо­ит в том, что гла­гол вхо­дит в язы­к на основе уже ус­та­но­вив­ших­ся соот­но­ше­ний между гла­го­лами язы­к-реци­пиента и язы­к-исто­чника, что воз­мож­но при нали­чии боль­шо­го класса соот­но­ситель­ных гла­го­лов обо­их язы­ков. На­при­мер, для вхо­жде­ния в ан­глий­ский язы­к гла­го­ла *animate* от латин­ско­го *animāre* уже не тре­бо­ва­лось ис­поль­зо­ва­ние форм причас­тий: эта форма была вос­при­нята по ана­ло­гии с су­щес­т­вую­щими формами ан­глий­ских и латин­ских гла­го­лов, как: *imitāre* — *imitate*, *speculāre* — *speculate*. Точно так же в славян­ских язы­ках мно­гие заим­ст­во­ва­ния гла­го­лов про­хо­дят таким пу­тем: в рус­ском язы­ке к заим­ст­во­ван­ным гла­го­лам-основам при­ба­в­ля­ет­ся суф­фикс *-ировать*. Что же ка­са­ет­ся заим­ст­во­ва­ний из близ­ко­род­ст­вен­ных язы­ков, то, как было по­ка­за­но выше, про­цесс этот зна­чи­тельно об­лег­чен бла­го­даря общим мор­фо­ло­гическим по­ка­за­те­лям.

Заим­ст­во­ва­ния из дру­гих частей речи, по­мимо су­щес­т­ви­тель­но­го, при­ла­гатель­но­го и гла­го­ла, ма­ло­чис­лен­ны, но имен­но бла­го­даря их функ­ци­о­наль­ной на­груз­ке они мо­гут быть со­по­ставимы с заим­ст­во­ва­ни­ями в такие лек­сико-грам­ма­ти­ческие раз­ряды, как су­щес­т­ви­тель­ное и при­ла­гатель­ное. Не­ко­то­рые из этих частей речи тра­ди­ци­онно изби­ра­ются в срав­ни­тель­но-ис­то­ри­ческих штудиях как объ­ек­ты со­по­став­ле­ния язы­ков для по­ис­ков их род­ства. На­при­мер, утвер­жда­ет­ся, что "чис­литель­ные и местоимения да­ют (нужно: имеют. — Т.Л.) для класси­фи­

кации языков едва ли меньшее значение, чем словоизменительные морфемы" [Яхонтов 1983 : 25]. Однако этот показатель не является безупречным. Достаточно сослаться на следующие факты. Известно, что в селькупском языке (при общности для всех самодийских языков названий чисел от 1 до 7) название числительного "один" является новообразованием [Терещенко 1966 : 371]. Фонетическая форма тайских числительных имеет явно выраженные следы сравнительно недавнего заимствования из китайского языка [Яхонтов 1971]. Финно-угорские названия со значением "семь", "десять" и "сто" восходят к индоевропейским. "Наиболее важными древними, т.е. наследуемыми еще из финно-угорского языка-основы, индоевропейскими заимствованиями в финском языке являются -deksan, -deksän в числительных kakdeksan "восемь" (первоначально "с двумя — десять") и yhdeksän "девять" (первоначально "с одним — десять")" [Хакулинен 1955 : 37]. "Числительное das в пермских языках считается заимствованием из иранских языков, ср. др.-инд. dasam "десять", лат. decem, др.-греч. δέκα, рус. *десять* и т.д. Венгерское tíz "десять" также заимствовано из иранских языков. Из какого конкретно иранского языка заимствовано числительное пермских языков, сказать трудно. По форме оно очень напоминает осетинское дигорское des, däs. Очевидно, язык-источник принадлежал к иранским языкам алано-сарматской группы" [Серебренников 1963 : 223]. Особенно подвижным оказывается состав числительных свыше десяти. Например, в современном коми-пермяцком счет далее десяти осуществляется с помощью русских числительных. Русские порядковые числительные в какой-то мере вытеснили или потеснили исконные: для обозначения "первый" используется *первоӧй* при исконном *медодза*. Порядковые числительные после первого десятка только русского происхождения: *одинадцатӧй*, *двенадцатӧй* и т.д. [Коми-перм. слов. : 604]. В суахили в пределах первого десятка незаимствованных числительных шесть: moja (mosi) "один", mbili (mpili) "два", tatu "три", nne "четыре", tano "пять", nane "восемь". Из арабского языка заимствованы sita "шесть", saba "семь", tisa (или kenda) "девять", а также числительные, обозначающие десятки: ishirini "двадцать", thelathini "тридцать", abobaini "сорок", hamsini "пятьдесят", sabani "шестьдесят", mia "сто", elfu "тысяча". При этом заимствованные числительные имеют очень четкий показатель их заимствованного характера, отличающий их автохтонных числительных: они не оформляются показателями класса, ср. visu vitatu "три ножа", но visu saba "семь ножей" [Мячина 1960 : 25–26].

Факт заимствования числительных в неиндоевропейские языки отмечался индоевропейцами, в частности Э.Бенвенистом, но при этом считалось, что числительные в индоевропейских языках сохраняют свою устойчивость. Это положение также не вполне точно, изменения в системе числительных могут затрагивать и индоевропейские языки. Большой материал, подтверждающий это, приведен В.М.Бескровным

[1974]. Анализируя систему числительных в цыганском языке, автор обосновывает сравнительно легкую проницаемость именно данного лексического слоя — числительных и сопровождающих их счетных слов: названий мер, денежных единиц, — опираясь на ряд экстралингвистических факторов, в первую очередь — широкий торговый обмен при массовом контакте. М.Сурдучки отмечает заимствования числительных в сербохорватском языке иммигрантов в словосочетаниях при наименованиях, обозначающих цены, меры: "Za fòrinajn sènti na selu" [Surdučki 1978 : 337]. Весьма любопытно, что в языке украинских иммигрантов заимствования числительных за исключением *білiон*, не были обнаружены [Жлуктенко 1964 : 51].

Очевидно, что различные разряды числительных обладают различной степенью устойчивости. Например, обозначения очень больших чисел являются заимствованиями в большинстве языков — это названия *миллион*, *биллион*. Числительные, следующие после первого десятка, более подвержены изменениям, чем обозначающие первый десяток. Г.Хамфриз, исследовавший влияние английского языка на гаэльский, отмечает, что после "двенадцати" гаэльский язык использует преимущественно английские названия [Humphreys 1980 : 212]. Порядковые числительные также обладают меньшей устойчивостью по сравнению с количественными. Например, в марийском языке, даже в диалектах, где сильно влияние русского языка, количественные числительные сохранились с финно-угорскими основами. Что же касается порядковых числительных, то "в зонах, где наблюдается сильное русское влияние, марийские числительные *икымше* "первый", *кокымшо* "второй" заменились русскими порядковыми: в значении "первый" употребляются слова *пре*, *первей*, в значении "второй" — *торой* (р. *второй*) и марийское слово *вес (ы)*" [Коведяева 1987 : 109]. Ср. также приведенные выше примеры. Ясно одно: заимствование числительных может свидетельствовать об очень сильном и продолжительном контакте носителей разных языков. Порядковые числительные даже без иноязычного влияния представляют менее стабильный пласт лексики. В некоторых языках понятия "первый", "второй" получают по два и более словесных обозначений, "в других языках порядковые числительные, не образованные от соответствующих количественных числительных, постепенно вытесняются теми, которые являются производными от последних" [Панфилов 1982 : 298]. Подвижность состава (по сравнению с количественными числительными) порядковых числительных, возможно, следует объяснять особенностями их более абстрактной семантики, они обозначают не дискретные конкретные множества, а пространственную или временную последовательность реальных или абстрактных предметов. Кроме того, следовало бы обратиться и к сравнению текстообразующей роли тех и других числительных. Наконец, как представляется, особенность заимствования порядковых числительных по сравнению с количественными обусловлена и тем, что они функционально тождественны прилагательным, а заимствования в этой части речи происхо-

дят достаточно легко. Отметим, что генетически многие порядковые числительные восходят к прилагательным, как в ряде индоевропейских и финно-угорских языков, где значение, например, слова "второй" связано со значением прилагательного "другой" [Панфилов 1982 : 295].

Из других частей речи можно указать на междометия, которые, в основном, заимствуются в условиях активного билингвизма. Эта категория слов, как отмечает Ю.А.Жлуктенко, очень тесно связана с речевой ситуацией и поэтому трудно поддается переводу, вследствие чего, например, в язык украинских иммигрантов вошла определенная часть новых междометий, заимствованных из английского [1964 : 89]. Легкость, с которой заимствуются междометия, объясняется природой их значения, служащих только знаком определенных эмоций, сигналом волевых побуждений, а также их синтаксической обособленностью, их функцией "суррогатов" предложения [Маслов 1975 : 205], что легко выделяет их из речевого потока. Несвязанность значения междометий со значением других слов, как это наблюдается в отношении знаменательных частей речи, привязанность к ситуации делает вхождение их в язык достаточно несложным, и для этого не только не требуется активный билингвизм, но и пассивный может относиться только к начальным стадиям. В количественном отношении заимствования в области междометий не поражают своей величиной, особенно при сравнении с существительными, но разница в абсолютных величинах совершенно не показательна, ведь в языке-реципиенте междометия составляют обозримый класс слов по сравнению с существительными. Показательно, что даже в тех языках, где заимствований вообще мало, как в африкаанс, в котором на долю слов нидерландского происхождения приходится 99,75 %, есть заимствованное междометие *eina* "ой, ох" [Миронов 1969 : 38]. Интересны приводимые М.Сурдучки данные относительно заимствований междометий в литературном сербохорватском языке и языке иммигрантов: в литературном они составляют 26 единиц, в языке иммигрантов — 32. Для сравнения можно указать на наречия, где заимствований соответственно 15 и 119 [Surdučki 1978 : 336]. Заимствованные междометия часто в отличие от исконных стилистически и функционально-ситуативно ограничены: на стадионе никому не придет в голову кричать *bravo!*

Что касается других частей речи, то анализ их как лексических единиц является скорее данью традиции, игнорирующей специфику семантики так называемых незначательных частей речи. Среди заимствований служебных частей речи первыми практически не подлежащими заимствованию называются местоимения. Использование материала другого языка в функции местоимений чрезвычайно редко и обязательно связывается с массовым длительным активным билингвизмом.

Примеры заимствования местоимений довольно скудны. Наиболее известным является заимствование местоимений третьего лица в ан-

глийском языке they, them, their, воспринятых из скандинавского как результат интенсивного массового билингвизма. В испанский язык было импортировано неопределенное местоимение *fuiano* из арабского языка [Deroy 1956 : 71]. М.Сурдучки приводит примеры заимствования английских местоимений в языке иммигрантов-сербохорватов — *bot* (англ. both "оба"), *majself* (англ. myself "сам"), *samting* (англ. something "что-то") [Surdučki 1978 : 337]. То, что местоимения редко становятся предметом заимствований, объясняется общей тенденцией к сохранению их в языке. "Словечки местоименного характера, — писал Л.В.Щерба, — немногочисленны, но играют значительную роль в структуре языка, и всякие пережитки сохраняются здесь чаще всего, успешно сопротивляясь логическим унификационным стремлениям коллективного языкового творчества" [1974 : 84]. С другой стороны, личные местоимения обладают, по определению Л.В.Щербы, крайне размытым и очень неопределенным содержанием. По сути, во многих случаях употребления личных местоимений мы имеем дело скорее с морфемным их использованием как показателей лица глагола: раздельность написания их еще ничего не значит, являясь результатом "техники написания". Отсутствие фразового ударения у личных местоимений, как и невозможность их распространения другими частями речи, явно указывает на их морфемный характер. Дети, мало искушенные в письме, нередко пишут местоимение *я* вместе с глаголом. Выше указывались трудности заимствования глагола. Если же считать, что местоимение выполняет роль личной морфемы при глаголе, то совершенно ясно, что заимствоваться оно может лишь в исключительных условиях. Интересно, что, входя в состав заимствованных речений-реплик, местоимение не выделяются отдельно: ср. *beliv mi бойс* (англ. believe me boys), *ю бет* (англ. you bet) в языке иммигрантов-украинцев (примеры взяты из [Жлуктенко 1964 : 89]). Принятая раздельность написания — тоже дань традиции, но уже с вторичной ориентацией на английский оригинал.

Другие традиционно выделяемые части речи — союзы и частицы — по выполняемым ими функциям безусловно следовало бы рассматривать в синтаксисе, как явления синтаксического порядка. Они выполняют сугубо грамматические функции, отражая связи между членами предложения. "Система служебно-лексических средств оформления синтаксических связей является значительно менее пассивной и консервативной по отношению к историческим изменениям, чем система средств словоизменения" [Вступ... 1966 : 338]. В синтаксисе отбор средств обуславливается "прежде всего характером осознаваемых на соответствующем этапе развития языка оттенков синтаксических и обще-смысловых значений тех средств, среди которых проводится выбор при построении синтаксических конструкций" [там же : 339]. А поскольку набор таких средств довольно ограничен по всем языкам, то соотносительные функции этих средств оказываются почти одина-

ковыми, что упрощает их отождествление. Большое число заимствованных союзов представлено в тюркских языках.

Следствием их взаимодействия с персидским явилась общность сочинительных союзов *балки* "но", *га...га* "то...то", *гей...гей* "либо...либо", *хем...хем* "и...и", а также подчинительных союзов — *зира* "потому что", *куа* "будто, словно", *та* с временным значением, *чу*, *чу* с временным, причинным и сравнительным значениями, *чун* с временным, причинным и условным значениями [Гаджиева, Серебренников 1986, 230]. В результате тюрко-арабского взаимодействия в тюркских языках, формирование которых как литературных было обозначено сильным арабским влиянием (тюркоязычные народы входили в свое время в состав Халифата), появились также сочинительные союзы, как *амма*, *эмма* с противительно-уступительным значением, *баъзан...баъзан* "то...то", *бирок* "но", *ва* "и, а", *вели* "а, но", *лекин* "а, но", *тыпкы* "словно", *факат* "а, но". Целый ряд союзов принимает тюркские усилительно-выделительные частицы: *аман да* "а, но", *амма ки* "то же", *мадад ки* "поскольку", *хем...хем де* "и...и" [там же : 231]. Часть арабо-персидских союзов получает значение усилительных частиц: Это следует связывать с тем, что в тюркских языках значительное число союзов возникло на базе усилительно-выделительных частиц [там же : 227, 228]. В настоящее время многие из арабских союзов постепенно теряют активность.

В результате взаимодействия тюркских языков с русским, особенно в ареалах интенсивного контакта, в них появились такие союзы, как *а* в татарском языке, *атту* — в чувашском, *да* — в гагаузском и карачаево-балкарском, *но* — в татарском и чувашском, *так что* — в татарском, *такки* — в чувашском [там же : 232].

В языке курдов заимствования из турецкого языка представлены союзом *чунки* (*чъмкѳ, чункѳ*) в значении "так как, потому что" [Бакаев 1977 : 51], из арабского в него заимствованы союзы *йане* (*йани*) "то есть", *ама* (*эма*) "но, а, однако", *вә* "и, а также" [там же : 34].

"Исследователь ительменского (камчадалского) языка С.Н.Стебницкий констатирует, что наличествующие в этом языке вставные частицы в значении "тогда, теперь, совместно" и т.д. не являются союзами в строгом смысле, те же союзы, которые отвечают по их функциональному значению русской речи, оказываются заимствованными из русского языка, как то: "и, только, дотопера (в значении "до сих пор") потом". Оказывается, таким образом, что в тех случаях, когда языковая структура стала нуждаться в связующих слова союзах, они не нашлись в составе родной речи, и их пришлось заимствовать из другого языка. Так, значительная часть союзов в юитском (эскимосском) языке оказалась заимствованной из луораветланского (чукотского) и т.д. В одульском (юкагирском) языке союзов вовсе нет. То, что выражается нашими союзами, там передается косвенным падежом местоимения, глагольной формой и наречием. Например: "tabunget" (тво-

рительный падеж в значении исходного от местоимения "tabun"— что) замещает заключительный союз "следовательно","поэтому"... Ясно, что союзы появляются в языках в зависимости от их синтаксических потребностей, от строя предложения. Обогащение словаря в порядке требований лексической семантики тут не при чем" [Мещанинов 1940 : 52—53]. Можно вполне согласиться с тем, что обогащение лексической семантики — абсолютно посторонний предмет для заимствования союзов. Однако и в тех случаях, когда имеется достаточно средств для выражения союзной связи, они могут заимствоваться. Например, в сербохорватском языке иммигрантов появились такие сочинительные союзы, как *end* (англ. *and*) "и" и *bät* (англ. *but*) "но" [Surdučki 1978, 338]. Выше приводились примеры из тюркских языков, свидетельствующие о значительном притоке иноязычных союзов. В литературных разновидностях славянских языков заимствований союзов нет. По поводу отличия между тюркскими и славянскими языками можно высказать несколько предположений. Подчинительная связь в тюркских языках не стала ведущей (точнее, она имеет периферийный характер) вследствие конкуренции, которую составляют для нее бессоюзные способы. Об этой периферийности свидетельствует и большая вариативность источников, за счет которых идет пополнение союзных слов в тюркских языках — наречия, частицы, глагольные формы. В славянских языках подчинительный способ связи также развивается позже сочинительного. Однако источники его пополнения однородны — союзы в славянских языках представляют собой результаты видоизменения синтаксического употребления древних местоименных основ [Вступ. 1966 : 341—346]. Подчинительный способ в славянских языках, как и в других индоевропейских, превратился в один из наиболее важных способов синтаксической связи, необходимых для обеспечения передачи самых тонких отношений предметов мысли. Способ выражения подчинительной связи при помощи соотносительных с местоимениями союзных слов, выработанный в славянских языках, согласуется с аналогичным способом других индоевропейских языков. Система подчинительных союзов славянских языков поэтому оказалась неза тронутой материальными заимствованиями.

Рассматривая возможности проникновения материальных заимствований в разные части речи, исследователи связывают их с факторами семантики, структурными и экстралингвистическими. Например, наличие большинства заимствований среди существительных объясняют чаще всего необходимостью наименования новых реалий, реже понятий, еще меньше потребностью называния качеств, а также различными свойствами частей речи в системе структуры языка. У.Вайнрайх говорил о том, что все элементы языка, которые могли бы заимствоваться, можно было бы выстроить в виде пирамиды, вершину которой составляли бы флексии как наиболее интегрированные в структурном и семантическом отношениях, ниже располагаются лексико-граммати-

ческие разряды служебных слов — предлоги, артикли, вспомогательные глаголы, а основу — существительные, наречия и междометия. Предполагалось, что чем более интегрирован элемент в систему, тем меньшая вероятность его замены заимствованием (перенесением). Э.Хауген предлагал назвать ее шкалой приемлемости [Вайнрайх 1979 : 68].

Причины неодинакового количества заимствований из разных частей речи Л.Деруа усматривает в различной автономности отдельных лексико-грамматических разрядов: у существительных автономность выше, чем, например, у прилагательных. Как представляется, разницу в количестве заимствований по отдельным частям речи следует искать по нескольким направлениям. Во-первых, это связано с общим соотношением частей речи в системе языка. Э.Хауген писал, что "обилие заимствований — существительных и глаголов и немногочисленность предлогов, междометий и союзов естественно согласуется с тем, что в языке много первых и мало последних" [1972 : 374]. Очевидно, что во всех языках мира лексико-грамматический разряд существительных является самым обширным, и поэтому количество заимствований в нем преобладает по сравнению с другими классами. Во-вторых, следует учитывать общую специфику распределения соотношения частей речи внутри каждого отдельно взятого языка. Например, приводимые выше утверждения, что прилагательное наряду с существительным является одним из наиболее заимствуемых классов, недействительно для суахили, в котором этот класс представлен очень слабо, а заимствованные прилагательные явно выделяются на общем фоне как не принимающие классовых показателей [Ср. Жуков 1983, Ružička 1968]. Утверждение Э.Хаугена, что глагол принадлежит к одному из наиболее заимствуемых классов, как это следует из приведенного ранее материала, несправедливо по отношению к тюркским языкам* (да и по отношению к индоевропейским его следует принять с оговоркой, учитывая возможность формирования глаголов при помощи именных основ). В-третьих, во внимание должна приниматься семантика отдельных частей речи. Очевидно, именно семантическими особенностями глагола объясняется определенная скудость непосредственных глагольных заимствований. Поэтому поиски объяснения данного явления должны вестись как в плане изучения особенностей глагольной семантики, более абстрактной и усложненной по сравнению с семантикой именных частей речи и в отношении лексического и грамматического значения, изучения особенностей образования глагола (словообразовательных связей с другими

* Это служит основой при проведении этимологических исследований и установления генезиса слов: "Обращение к глагольным параллелям для выяснения природы тюркско-монгольских языковых связей предопределено тем, что их намного меньше, чем именных, и что совпадение глагольных основ в родственных языках — естественная вещь, в неродственных же — не совсем обычное явление" [Щербак 1986 : 50].

частями речи, что потребовало бы исследования соотношения глаголов, производных от разных лексико-грамматических разрядов), так и в связи с особенностями его функционирования в составе предложения: у глагола такие связи являются более осложненными по сравнению с другими частями речи. Вследствие огромной нагрузки глагола в предложении и связанного с этим наличия специальных грамматических показателей, "фонетические позиции в составе глагольных корней дифференцированы слабее, чем в именных... Отличаясь большей сложностью в плане содержания, особенно в области грамматических значений, глагол превосходит имя и по числу альтернативных рядов, и по их длине, и по количеству альтернативных парадигм. В результате в глаголах чаще, чем в именах, функция выражения грамматических значений ложится не только на флексию, но и на основу. Отсюда не столь четкое, как в имени, функциональное и формальное разграничение знаменательных и служебных морфем в глагольном слове" [Зубкова 1986 : 60]. Именно поэтому можно полагать, что фонетическое выделение глагола слушающим очень затруднено и требует по крайней мере достаточно развитого пассивного билингвизма. Само же включение глагольного слова, принадлежащего другому языку, возможно при условии активного билингвизма.

В рассмотренных выше случаях заимствования лексики, принадлежащей к разным лексико-грамматическим разрядам, речь шла о заимствовании слов таких разрядов, которые в заимствующем языке существуют (впрочем, если быть точным, то речь должна идти не о словах, а об основах слов — ведь заимствованные слова приобретают в языке-реципиенте новые категории, способы их выражения в соответствии с закономерностями этого языка). Интересен вопрос, могут ли заимствоваться слова как представители категории, которая в данном языке не существует. Примеры, когда лексемы языка-источника, принадлежащие к разряду, отсутствующему в языке-реципиенте, переносятся в другой язык, можно обнаружить в работах по языковым контактам. Так, в курдском языке есть заимствованные слова, соответствующие арабским масдарам [Бакаев 1977 : 31–32]. Возможное развитие определенных категорий (но не перенос материальных показателей-представителей этих категорий) следует отнести к калькированию, и случаи его, пусть и немногочисленные, существуют. Например, в гагаузском языке, а также в караимском в результате длительного влияния славянских языков выработалась категория неизменяемого инфинитива, пришедшая на смену имени действия [Покровская 1976 : 17].

И еще один небольшой комментарий по поводу заимствований различных частей речи, поддерживающий, как нам кажется, точку зрения на то, что заимствуются все же основные морфемы, а не части речи. Л.В.Щерба писал: "если в языковой системе какая-либо категория нашла себе полное выражение, то уже один смысл заставляет нас подводить то или другое слово под данную категорию: если мы знаем, что

какаду — название птицы, мы не ищем формальных признаков для того, чтобы узнать в этом слове существительное” [1974 : 80—81]. Аналогично и в целом ряде случаев поступает говорящий (слушающий), по семантике слова определяя, к какому разряду лексико-грамматических слов следует отнести ту или иную основу. В отдельных случаях употребление слова не создает настолько однозначный контекст, особенно при отсутствии билингвизма, чтобы морфему (слово) можно было бы абсолютно уверенно отнести к определенному разряду. Поэтому и бывают случаи, когда слово, принадлежащее к одной части речи, в язык-реципиент входит как член другого лексико-грамматического класса. Так, например, русский глагол *мыться* в языке башкир был воспринят как существительное, обозначающее баню, в форме *мунса* [Ишбердин 1986 : 108]. С другой стороны, даже одна и та же форма может восприниматься не как одна единица: так, заимствованные в язык украинских иммигрантов формы *стал* (англ. stop) “стой”, *гелп* (англ. help) “помогите” не входят в парадигмы заимствованных *стапувати* і *гелпувати* [Жлуктенко 1964 : 84].

2.3. И н н о в а ц и и н а ф о н е т и ч е с к о м у р о в н е*. Фонетический состав любого языка является количественно ограниченным по сравнению с другими уровнями, поэтому даже незначительные изменения в составе фонем могут вызвать резонанс в характере их соотношения. Общеизвестным является то, что фонетический уровень — самый стабильный, менее всего подверженный изменениям в силу значимости своих единиц как строевых элементов материальной формы существования языка. Поэтому чаще всего изменения в фонетическом составе рассматриваются как результаты влияния других языков. Так, например, появление ряда согласных в славянских языках, в частности *dž* и *dz*, оценивается как результат усвоения их в составе заимствованных лексических единиц из других языков; переход праславянского *г'* в *ǰ* в западнославянских языках объясняется воздействием субстрата [Историческая типология 1983 : 40]. Воздействием кавказского субстрата объясняют наличие в целом не свойственных иранским языкам смычногортанных согласных в осетинском языке. Влиянию субстрата приписывают также появление придыхательных согласных в курдском языке, ретрофлексивных согласных в афганском и ряде памирских языков [Расторгуева 1966 : 201, 202]. В результате появления новых фонем возникают типологические различия между генетически близкими языками. Заслуживает внимания факт, что из 15 типологических противопоставлений между славянскими языками четыре (т.е. больше 25 %) были вызваны влиянием субстрата [Историческая типология 1983 : 45].

Примечательным остается то, что в большинстве случаев привнесенные в результате взаимодействия языков фонемы являются по сущест-

* Проблема заимствований в области фонетики широко разработана в литературе (библиографию см. в [Жлуктенко 1974, Вайнрайх 1977]), поэтому здесь коснемся только отдельных вопросов.

ву периферийными, входящими в состав только заимствованных слов. Например, межзубные θ , δ в суахили встречаются в словах арабского происхождения, как и заднешелевой звук γ . В виде самостоятельной фонемы звук g встречается только в заимствованных словах в суахили [Мячина 1960 : 12–13]. Э.А.Макаев отмечает, что “дифтонги $a\gamma, o\gamma, a\delta$ в немецком языке являются составной частью фонологической системы данного языка, в то время как в шведском языке дифтонги eu, au встречаются лишь в маргинальных фонологических системах (в иностранных и заимствованных словах)” [1964 : 4]. В других случаях включение иноязычных фонем в систему может привести к более радикальным изменениям — приобретению некоторыми звуками фонематической значимости, как это произошло с r, b, m в некоторых тюркских языках [Баскаков 1966 : 25].

Обращает на себя внимание, что изменения в фонетической системе не равноценны в консонантизме и в вокализме. Они, “как и всегда в случаях языкового взаимодействия, наиболее заметны в области консонантизма, более тонкими, менее уловимыми являются изменения гласных” [Ткаченко 1985 : 16]. Можно предположить, что эта особенность находится в определенной связи с характеристикой слова общего плана, относящейся к его звуковой оболочке, что основным носителем лексического значения является консонантная структура слова, тогда как роль гласных во многих случаях “сводится лишь к созданию некоего базового фона для развертывания семантически нагруженных консонантных различий, с одной стороны, и цементирующих слово просодических различий — с другой” [Зубкова 1986 : 62]. Как показывают исследования, даже при активном билингвизме изменения в вокалической структуре незначительны и ограничиваются позиционными модификациями.

Стабильностью исконных и маргинальным характером заимствованных фонем обосновывается обращение к фонетическому критерию как ведущему при сравнительно-историческом изучении явлений языка, установлении их генезиса. Редкость употребления фонемы может служить признаком заимствованного слова. В чешском языке, например, такой является фонема g , выступающая в исконных словах только как комбинаторный вариант k (gde, gdy), в заимствованных же словах она служит различению форм разных слов. Точно так же редкая употребительность звука ϕ в славянских языках свидетельствует о заимствованном характере слов, содержащих его.

Не менее важным являются синтагматические особенности фонем. Как правило, сочетаемость фонем специфична в разных языковых системах. Она более, чем даже парадигматика фонем, может свидетельствовать о заимствованном или исконном характере языковых единиц. Это позволяет выделить заимствованные слова и на уровне синхронии. Например, в чешском языке звук f не встречается в инициальной позиции с последующим сонантом в собственно литературных словах с абстрактной семантикой. Таким же непривычным для автохтонной

лексики является сочетание двух гласных внутри слова [Mathesius 1947 : 97]. Слова, начинающиеся на *e* в славянских языках, являются заимствованиями.

Арабский исследователь VIII в. аль-Халиль установил, что четырех- и пятикоренные слова арабского языка содержат как минимум одну из таких согласных, как *g, l, n, f, b, m*, и сделал заключение, что слова, не попадающие под это правило, являются заимствованиями [Kopf 1961]. Конечно, в заимствованных словах эти особенности не всегда улавливаются вследствие аккомодации. Хотя наличие активного билингвизма значительно упрощает вхождение непривычных звукосочетаний, не менее важную роль играет и письменная речь. Совершенно ясно, что возможности выговорить *Мкртчян* для носителя славянского языка открываются только тогда, когда есть первоначальная опора на письмо.

Влияние письменности на орфоэпию — хорошо известный факт, особенно в условиях, когда письменная речь занимает все большее место в общей речевой деятельности человека. Под ее влиянием изменяются давно установившиеся способы произношения слов, даже часто употребительных. Например, в современном русском разговорном литературном языке в слове *булочная* вместо *шн* произносится *чн* в соответствии с написанием. Ср. также в шуточном употреблении *до того* или *после того*, где в местоимениях вместо закономерного *в* произносится *з* в соответствии с написанием. Если письменная речь способна оказать влияние на произношение достаточно частотных слов, то последствия восприятия заимствованных слов, а через них и звуков, практически всецело определяются письменностью. Гипноз печатного, написанного слова, подкрепленный билингвизмом, становится ведущим фактором для выделения из состава заимствованных слов новых звуков. "Принятое в башкирской орфографии правило, по которому заимствованные из русского или через русский слова пишутся в русской орфографии, привело к сближению в произношении этих слов орфоэпических правил русского и башкирского языков (*стакан* вместо *ыстакан*, *перчатка* вместо *бирсеткэ*, *бригада* вместо *быригат*) ... Вследствие этих явлений в современном башкирском языке наблюдается тенденция к освоению не присущих языку звуков *ж, з, ф, ц, ч, щ*" [Ишбердин 1986 : 103]. Начинают вводиться и акустически близкие звуки: звук *з* — в башкирском фрикативный и сохраняется в собственных словах, в заимствованиях же появляется взрывной *з*, как в слове *герой*. Примечательно, что изменения затрагивают не только согласные в соответствии с высказанным ранее положением, но и гласные: "Если в башкирском языке в *корос* "сталь" *о* произносится как гласный среднего ряда, то в заимствовании... *борщ* — как заднего ряда" [там же]. Влияние письменной речи особенно ощутимо, если в основу письменности положен фонетический признак. Так, в башкирском языке существуют два билабиальных звука — *б* и *ў* (с вариантом *ў*). Передаваемый на письме при помощи буквы *б* замещается смычным звуком *б*. Звук

ў на письме обозначается в начале слова буквой *v*, под влиянием орфографии произносится как зубно-зубной фрикативный [там же : 104] (ср. также с данными, приводимыми в статье А.Н.Гаркавца, помещенной в настоящей книге).

В результате заимствований могут появляться новые сочетания звуков, в непривычных для данного языка позициях. Так, в датском языке стали употребляться *skl*, в норвежском *ps* в начале слова. В английский в свое время была перенесена последовательность согласных *sk*, со временем настолько закрепившаяся, что стала встречаться и в собственных новообразованиях типа *scream*, *scatter*, а не только в составе заимствований из скандинавских языков, как *skin*, *sky*. Комбинаторика фонем — один из важных критериев определения генезиса слов. Вопрос об удобстве произношения, нередко всплывающий на поверхность, лишь только речь заходит о необходимости введения неологизмов из другого языка, вероятно, упирается в психологическую трудность восприятия новых комбинаторных вариантов. Можно допустить, что существуют определенные пороги количества комбинаторных вариаций звуков, выход за которые требует определенной перестройки психолингвистического механизма. Ответ на этот вопрос потребует дополнительного изучения сочетаний звуков по разным языкам и определения их типологии, что, возможно, прояснит и вопрос о так называемой склонности к заимствованиям, ограничиваемой фонетическими факторами.

Если рассматривать сам процесс заимствования, то совершенно легко обнаруживается, что говорящий пользуется материалом своего собственного языка, выбирая для этого наиболее близкие акустические звуки, т.е. наблюдается субституция, относительно безвредная для понимания. В условиях индивидуального контакта она вообще не имеет значения и, судя по некоторым данным социологов языка, может даже восприниматься положительно, что объясняется теорией внутригрупповой принадлежности, иными словами — фонетическая форма произносимых говорящим слов служит средством его идентификации как члена своего или чужого языкового коллектива. Поэтому субституция в устах иностранца может встретить даже более положительную реакцию, чем произношение, соответствующее нормам языка [Janicki 1982 : 55—57]. Правда, что касается выбора наиболее близких акустически звуков, то проблема требует дополнительной проработки. Ведь чем, например, можно объяснить передачу английских щелевых *θ*, *ð* как *t*, *d* в русском языке, а не *s*, *z*, как во французском и немецком? Связано ли это с нагрузкой этих звуков, различной в разных языках, или здесь действуют другие мотивы?

Появление звуков, по способу произношения идентичных со звуками, используемыми в языке-источнике, требует билингвизма, связано со стремлением говорящего сохранить аутентичность произношения, можно видеть здесь и влияние фактора престижности, как стремление

произносить в английском языке такие звуки, как *oe*, *o*, входящие в состав французских слов [Вайнрайх 1972 : 47], или же связано с цитированием. А вторичный результат взаимодействия различных языковых коллективов может приводить к определенным изменениям в речи монолингвов. Так, у говорящих на русском языке жителей Грузии, не владеющих грузинским языком, начинают появляться звуки, характерные для русского языка грузин, субституирующих фонетически сходные звуки. Так, "в грузинском языке звуки /п/, /т/, /к/ являются смычногортанными... Именно такого качества, как в самом грузинском, чаще всего выступают звуки /п/, /т/, /к/ у говорящих на русском литературном языке в Грузии" [Махароблидзе 1963 : 44].

В результате контактов в языках могут вырабатываться совершенно новые просодические типы. Например, в узбекском языке под влиянием русского появилась возможность ставить ударение на начальных и средних слогах, что раньше было невозможно. Однако при этом модели акцентуации собственного языка не остаются пассивными: в случае усвоения этого слова, о чем может свидетельствовать его способность выступать в словообразовательных рядах, главное ударение восстанавливается в своих правах, передвигаясь на последний слог. Передвигается оно и тогда, когда используется словоизменятельный аффикс [Баскаков 1972 : 78]. Таким образом, ударение служит показателем освоенности слова, а для говорящего отделяет исконные слова от заимствованных. Во всех финно-угорских языках ударение обычно падает на первый слог или является разноместным, а в удмуртском языке, испытавшим сильное влияние татарского, оно почти везде перешло на последний слог слова [Серебренников 1955 : 11]. Однообразность ударения в ряде славянских языков Бодуэн де Куртенэ объяснял влиянием финно-угорских языков [1963 : 369]. Б.Гавранек, отмечая стабилизацию ударения в чешском, венгерском и польском языках как общеевропейскую черту, считает, что она не могла возникнуть только на основе одностороннего влияния [1972 : 103].

В данных случаях речь шла о восприятии особенностей дистрибуции ударения. Сложнее дело обстоит с тонами, которые непосредственно участвуют в семантическом разграничении морфем. То, что система тонов не заимствуется [Яхонтов 1983], — вероятно, следствие семантической нагрузки тонов, которые как дифференциальные черты могли бы быть выделены только в случае обширнейших заимствований фонетически одинаковых, но тоново отличных морфем.

Исследования в области интонации не имеют такого обширного материала, как в фонетике, добытого трудом многих поколений языковедов, особенно языковедов-компаративистов. Это — результат того, что в основном лингвист имеет дело с письменными источниками. Между тем, работы последнего времени дают очень любопытные данные. Например, в говорах якутов северо-западных районов, имеющих тесные контакты с эвенками, перешедшими на якутский язык, "дела-

ется пауза после каждого слова и ударение падает на первый (редко на второй) слог". У якутов центральных районов, не испытывавших влияние эвенкийского языка, "пауза делается не после каждого слова, а после группы слов или слова, выделенного по смыслу, т.е. после каждой синтагмы. При этом ударение делается, как правило, на конечном слого синтагмы" [Романова, Мыреева, Барашков 1975 : 146].

Мелодика речи хотя и не имеет, казалось бы, непосредственного отношения к содержанию предложения, в смысле передачи интеллектуального содержания, вероятно, выполняет какие-то другие функции, облегчая, возможно, идентификацию говорящего как принадлежащего к какому-то определенному социально-языковому коллективу (ср., например, характеристики речи, по которым отождествляется язык обычным говорящим — не лингвистом, как распевные русские интонации). Интересно было бы выяснить общую связь мелодики языка с определенными традициями мелоса.

2.4. И н н о в а ц и и н а м о р ф о л о г и ч е с к о м у р о в н е. В разделе, посвященном лексике, уже отмечалось, что в язык-реципиент слово или словосочетание входит как один цельный звуковой комплекс. И если для появления фонетических инноваций требуется неоднократное обращение к одним и тем же словам, содержащим чуждый воспринимающему языку звук, то для морфологических, как и для грамматических, инноваций требуется нечто иное. То, что ни в один язык морфологические и грамматические элементы не заимствуются так, как заимствуются слова, было осознано исследователями еще в прошлом веке. Г.Пауль в специальном разделе, посвященном смешению языков, в своей книге "Принципы истории языка" ясно высказывался в пользу того, что "слова заимствуются всегда целиком, отдельные словообразовательные суффиксы и окончания никогда не заимствуются" [1960 : 469]. Такое понимание органично вытекает из концепции языка Г.Пауля, рассматривавшего его не как самостоятельный организм, отдельные части которого могут взаимодействовать, подобно тому, как взаимодействуют части автономных предметов, и не как законченный продукт, а как деятельность индивидов. Поэтому внимание Г.Пауля было сосредоточено на живых процессах языка, а не на продуктах, результатах речевой деятельности. Представление о том, что аффиксы могут переноситься из языка в язык, отражает механистическое понимание языка как заданной системы знаков, существующей автономно от говорящего, что требует рассматривать язык согласно известной формуле — в самом себе и для себя. Лингвисты, исследующие процессы взаимодействия языков, ближе подошли к пониманию реальных процессов, происходящих в языке при заимствовании. Выше приводилось мнение Э.Хаугена о том, что заимствование может быть только лексическим, морфологические же заимствования представляют собой результат обобщающе-анализирующей деятельности индивида.

Можно сказать, что реально выделение морфемы в заимствованных

словах аналогично выделению морфемы в автохтонных словах — оно требует большого количества единиц, содержащих одинаковый звуковой комплекс. Но, чтобы какой-то фонетический комплекс был вычленен как отдельная морфема, требуется еще и семантическое сходство между лексическими единицами, содержащими этот компонент. Известно, что в южнославянских литературных языках получили специальное оформление существительные, обозначающие деятеля, что стало возможным в результате притока большого числа турцизмов с этим значением. На другие славянские языки тюркские также оказали большое влияние, однако ни русский, ни украинский не приобрели нового показателя деятеля, в отличие от болгарского, сербохорватского и македонского языков. Дело в том, что в эти языки заимствовались отдельные изолированные лексемы, относящиеся к различным тематическим группам. Отсутствие семантически однородных элементов не позволило вычленить в их лексемах морфологические форманты. И хотя русские *казначей* и *книгочей* содержат тот аффикс, который выделен в специальный показатель в болг. *бояджия*, в русском языке для сознания говорящего он не выделяется, с одной стороны, из-за скудости лексем, его содержащих, а с другой — из-за тематической отдаленности значений этих слов. Даже такие близкие слова, как *картотека* и *библиотека*, содержащие одинаковый элемент, не дают оснований выделить отдельным элементом *-тека* из-за отсутствия вполне очевидных общих семантических компонентов в значении этих слов: значение "место, хранилище" больше выражено в слове *библиотека*, тогда как в *картотека* на первый план выступает значение "совокупность материалов". В украинском языке наряду с *картотека* и *бібліотека* можно назвать еще и *тека* "папка", но для сознания говорящего и *бібліотека*, и *картотека* остаются неразложимыми словами. Сходство семантики комплекса *тека* слабо проявляется даже в новообразованиях типа *дискотека*, *винотека*, *фильмотека*. По той же причине семантического характера они слабо соотносятся со словом *библиотека*, так как дискотека — это прежде всего место, где можно послушать записи и потанцевать, а не место хранения дисков (пластинок), тогда как библиотека — это место, где книги находятся, хранятся. Обратимся к другому примеру. Общепризнанным является выделение в качестве заимствованного префикса *анти-*. Однако с полной уверенностью можно сказать, что ни один говорящий не выделит этот формант в словах *антифриз* и *Антарктика* в силу отсутствия тех же семантических оснований: для него это номенклатура, никак не соотносимая со словами типа *антифашист*, *антивоенный*. Если для *антифриз* затруднения можно было бы объяснить отсутствием слова *фриз*, то наличие слова *Арктика* опровергает подобное объяснение для *Антарктика*. Таким образом, так называемые заимствованные аффиксы, в отличие от заимствованных слов, являются продуктом самостоятельной творческой деятельности говорящих на данном языке, они не переносятся

из одного языка в другой, а выделяются говорящими из заимствованных слов. Отсюда нетождественность значений определения *заимствованный* в словосочетаниях *заимствованное слово* и *заимствованная морфема*. По существу, о каком заимствовании перенесений может идти речь в случае, например, суффикса *-арн*, если соответствия этого суффикса не содержат звук *н*?

Какие же морфемы могут выделяться в заимствованном лексическом материале? Из сказанного выше, ими должны быть в первую очередь те, которые существуют как категория в данном языке. Поэтому в индоевропейских языках с развитой системой префиксации и суффиксации выделяются и те и другие. Легкость выделения при этом оказывается различной, что ставится в зависимость от их семантики. Суффикс, — пишет Соссюр, — то облечен конкретным смыслом, т.е. семантической значимостью, то наделен чисто грамматической функцией. Префикс также может играть и ту и другую роль, но в наших языках он редко обладает грамматической функцией... Префикс отличается от суффикса еще одним свойством, которое хотя и не абсолютно, но весьма распространено: он лучше отграничен, т.е. лучше отделяется от слова в целом. Это зависит от самой природы префикса: в большинстве случаев, откинув префикс, мы получаем законченное слово... Заметим еще, что некоторые префиксы могут выступать и как самостоятельные слова... Совершенно иначе обстоит дело с суффиксом. Откинув этот элемент, мы получим основу, которая законченным словом не является..., с другой стороны, сам суффикс не имеет самостоятельного существования" [1977 : 222—223].

Если рассмотреть ситуацию на материале славянских языков, то достаточно легко обнаруживается, что выделенные префиксы являются компонентами слов латинского или греческого происхождения, которые в свою очередь в этих языках могут быть и самостоятельными словами. Они обладают конкретным, одноплановым значением, приближающим их к значениям имен прилагательных, что отражается в ряде случаев и на правописании: в некоторых языках, например, элемент *экстра* пишется не слитно с именем существительным, как рус. *экстракласс*, а отдельно (схв. *экстра вкус*) [Историческая типология 1986 : 51]. Это такие префиксы, как *анти-*, *архи-*, *контр-*, *супер-*, *ультра-*, *суб-*, *мета-*, начало распространения которых относится к середине XX в. "как результат калькирования-заимствования соответствующих слов западноевропейских языков" [там же]. Некоторые из указанных префиксов на почве русского языка выделились в самостоятельные слова: *контра* первоначально в значении "контрреволюционер" — как сокращение соответствующего слова, *супера* — в значении "нечто выдающееся". Однако если названные префиксы входят в состав слов, характерных для определенных стилей языка — научного, публицистического, то соответствующие им звуковые комплексы, выступающие как самостоятельные слова, принадлежат к сфере некодифицированной непринужденной речи.

Префиксов из других языков в славянских нет в первую очередь потому, что языки, с которыми были наибольшие контакты, — тюркские и финно-угорские — префиксов не знали.

В связи с заимствованиями в области морфологических средств представляет интерес, что в ходе интенсивных контактов возможной является выработка префиксального способа. Например, в коми-пермяцком появился префикс *не-*: *неважнӧй* "неважный", *невежественнӧй* "невежественный", *нездоровӧй* "нездоровый". На первый взгляд — это обычные лексические заимствования из русского. Однако наряду с указанными формами существуют и слова, в которых *не-* прибавляется к автохтонному корню: *небытшӧм* при *бытшӧм* "хороший", *небау-тись* при *бау-тись* "разговорчивый" [Коми-перм.-рус. слов. 1985 : 268, 51, 148, 269]. Префикс *не-* с отрицательным значением в какой-то степени составляет конкуренцию исконному суффиксу *том* с тем же значением*. Еще более интересный случай представлен в эстонском языке, в котором префиксальный способ был выработан без предварительного внедрения слов с соответствующим элементом: "Префиксы строю эстонского языка не свойственны, тем не менее под влиянием других языков в современных литературных языках образовались элементы, которые можно рассматривать как префиксы, например, *eba* "не", "без" *ebaharilik* "необыкновенный", *ebainimlik* "бесчеловечный" и *aia* "под", "недо" (*alahindama* "недооценивать", *alajaotus* "подразделение")" [Каск 1966 : 42]. Эти факты являются принадлежностью ограниченных стилей языка и, вероятно, результатом калькирования. Обращает на себя внимание, что лексические единицы с префиксом *анти-*, распространенные во многих языках мира, заменяются собственными образованиями с суффиксами, имеющими значение этого префикса, если же они и заимствуются, то только как вариативно употребляемые. Ср., например, эст. *antidemokraatik* и *demokraatiavastane* "антидемократический", *antimarksistlik* и *marksismivastane* "антимарксистский", *antimilitaristik* и *militarismivastane* "антивоенный" [Эстонско-рус.слов. 1955 : 30].

Выше уже отмечалось, что в заимствованных словах выделяются префиксы с очень простой и ясной семантикой. Это справедливо и по отношению к суффиксам, у существительных, как правило, к суффиксам, обозначающим лиц по выполняемым действиям, роду занятий, профессии. В славянских языках таков, например, суффикс *-арь* (*-ar*, *-arʹ*), унаследованный современными славянскими языками из праславянского, в который был заимствован из латинского [Историческая типология 1983 : 53]. Он известен также целому ряду германских языков, в которых получил широкое распространение (ср. англ. *tea-*

* Примечательно, что и в других языках наиболее часто заимствуемыми являются префиксы, имеющие отрицательную семантику. Например, в башкирский из персидского были заимствованы префиксы *бу-* (*бимава* "беспокойство"), *на-* (*нахак* "клевета", т.е. "неправда") [Ишбердин 1986 : 119], что дает право рассматривать выделение префиксов с этим значением как универсалию.

cher, нем. Leser). Суффикс *-ник* с этим же значением заимствован из русского в английский и немецкий, получив там продуктивность. По свидетельству Р.Летча, слова с таким суффиксом используются в разговорном языке и в военном жаргоне. Например, в военном жаргоне ГДР замполит называется *Politnik*, деятель молодежной организации получил наименование *FDJ-nik* (от названия организации *FDJ*) [Lötzsch 1986 : 158]. Ряд слов современного английского языка содержат этот суффикс: *beatnik* "битник", *cinematik*, *filmnik* "любитель кино", *computernik* "программист". Отмечается, что "если ранее слова с суффиксом *-nik* имели несколько иронический характер, то теперь *-nik* проявляет тенденцию к нейтрализации", уравниваясь в определенной степени в семантическом плане с другими суффиксами, обозначающими деятеля, о чем свидетельствует возможность синонимической мены слов *computernik* и *computerman* [Английские неологизмы 1983 : 14].

Аналогично легко выделяется из состава заимствованных слов и приобретает в дальнейшем словообразовательную активность ряд суффиксов, используемых в словах-названиях свойств и качеств. В части славянских языков они представлены суффиксами *-лък* (*-лук*, *-лак*) (ср. болг. *фудуллук* "гордыня"). Чтобы получить более полную картину выделения суффиксов с определенной семантикой, необходимо было бы провести сопоставительный анализ соотношения слов с такой семантикой привнесенных и исконных.

В результате выделения элементов из заимствованных слов можно получать и новые морфологические средства. Например, в индонезийском языке под влиянием яванского выработалось неполное неточное начальное удвоение первого слога в сочетании с суффиксом *-an*, служащее для выражения собирательности и разнообразия (ср. *bĕbungaan* "цветы" от *bunga* "цветок", *dĕdaunan* "листва" от *daun* "лист"), ставшее достаточно продуктивным в литературном языке. Подобных морфологических заимствований обнаруживается значительно больше в нелитературном индонезийском языке [Оглоблин 1986 : 122—123].

Следует отметить, что во многих языках мира особое место занимают суффиксы книжного происхождения, широко используемые современными научными терминосистемами для образования новых терминов и номенклатуры. Заслуживает внимание, что терминосистемы ориентируются на определенные суффиксы из ряда синонимических, усвоенных языком. Например, в химии и физике для обозначения новых продуктов предпочтительно используется суффикс *-ium*, что свидетельствует о тесной связи морфологической и семантической систем языка.

2.5. И н н о в а ц и и н а г р а м м а т и ч е с к о м у р о в н е. Из всех уровней языка наименее проницаемым для иноязычных заимствований традиционно считается грамматика: это положение составило один из основных постулатов сравнительно-исторического языкозна-

ния, гласящего, что наличие материально сходных элементов, выражающих одно и то же грамматическое значение, может служить доказательством родства языков. "Грамматические соответствия являются гораздо более надежным признаком родства или общности происхождения, так как известно, что язык, который смешивается с другим, чрезвычайно редко или, вернее, никогда не перенимает форм склонения и спряжения у этого языка, но наоборот, скорее теряет свои собственные", — так оно было впервые сформулировано Р.Раском [1964 : 41]. В пользу этой точки зрения высказывались позже А.Мейе [Meillet 1921 : 82], В.М.Жирмунский [1956 : 94]. Вместе с тем существуют утверждения компромиссного характера, как высказанная Э.Сепиром мысль, что возможные грамматические влияния не затрагивают стержень структуры языка, будучи ограниченными исключительно явлениями вторичного, поверхностного характера [1934 : 161—162]. Подобную точку зрения разделяют советские языковеды [Абаев 1956 : 64], подчеркивая при этом особую устойчивость грамматической системы по сравнению с лексической. Допускали возможность флективных заимствований Г.Шухардт, Г.Пауль, рассматривавшие вопросы смешения языков, интересный пример заимствования грамматического показателя принадлежности в португальский язык в Индии приводил Вандерес [1937 : 266]. Другие языковеды (ср., например, С.Базель — ссылка по [Жлуктенко 1974 : 101]) приписывают заимствованиям неограниченные возможности внедрения в грамматическую систему. Особенно большой вклад в исследование проблемы заимствования на грамматическом уровне был сделан учеными, изучавшими процессы взаимодействия языков. Полученные ими результаты наблюдений над отклонениями в речи говорящих в определенной степени поколебали незыблемость постулата о непроницаемости грамматической системы языка, поставив тем самым задачу объяснения этих явлений. У.Вайнрайх писал о том, что утверждения типа "морфологии (не) могут смешиваться" при современном уровне знаний являются, по меньшей мере, слишком поспешными. Случаев полного перенесения из одного языка в другой всей грамматической парадигмы с ее формантами никто, по-видимому, еще не наблюдал, но перенесение отдельных морфем различных типов несомненно возможно при наличии благоприятных предпосылок структурного характера, например, сходства начальных моделей или относительной несвязанности и постоянства формы данной морфемы" [1979 : 79]. Несомненным при этом является то, что "в языке как коде содержится меньше явлений интерференции, чем в речи двуязычных лиц" [там же]. Существующие же между лингвистами разногласия по поводу возможности грамматического заимствования У.Вайнрайх связывает с неопределенностью и спорностью границ между словами и другими лингвистическими единицами, между морфологией и синтаксисом [там же : 60].

К числу наиболее часто приводимых примеров грамматических за-

имствований принадлежат показатели множественного числа, как -lar, -ler в албанском из турецкого [Siatkowski 1983 : 357]. Такими, например, Г.Хок считает формы множественного числа в английском языке, заимствованные из латинского [Нокс 1987 : 387], как они представлены в criterion — criteria, phenomenon — phenomena, medium — media, alumna — alumnae. Однако можно ли говорить о том, что форманты-показатели множественного числа -ia, -ae являют собой заимствования в современном английском языке? Вероятно, следует учитывать, что они употребляются только в отдельных словах. Круг этих слов очень невелик и является заданным, все они имеют очень ограниченную употребительность, принадлежат к так называемым ученым словам, и заимствованием здесь следует признать только лексемы. Ни один из показателей множественного числа латинизмов не присоединился к какому-либо новообразованному слову английского языка, как не переносился в слова с длительной историей существования в языке. О том, что на самом деле такие формы в английском языке остались неусвоенными, свидетельствует присоединение исконного показателя множественного числа -s к части этих латинизмов в качестве варианта.

Другим примером, на который часто ссылаются для подтверждения возможности грамматических заимствований, является показатель множественного числа -s в современном немецком языке. Как известно, Г.Пауль предполагал, что -s в немецком языке заимствовано из французского [Пауль 1960 : 470], как и голландское -s. Л.Деруа отбрасывает это предположение из теоретических соображений, исходя из того, что деκлинация и словоизменение глагола образуют столь сложную и одновременно цельную систему, что любые новшества в ней неотвратимо должны привести к кардинальным изменениям [Derooy 1956 : 85].

Не согласны с Г.Паулем и другие ученики. Иное объяснение того, что этот формант не был заимствован из старофранцузского, основывающееся на анализе исторических фактов, предлагает В.М.Жирмунский: "В словах, не имеющих обычного грамматического оформления, может употребляться новое окончание множ. -s, распространившееся из нижненемецкого. Окончание это имеет, по-видимому, своим основным источником древнесаксонскую форму им., вин. множ. мужского рода на os, сохранившуюся в средненижненемецких словах мужского рода (осн. -j-) с личным значением... в современных нижненемецких диалектах (преимущественно в мужском роде): apel "Apfel" — мн. apels, hämer "Hammer" — мн. hamers, kasten — мн. kastens, bäker "Bäcker" — мн. bäkers, kerl — мн. kerls и т.д.; так же в уменьш.: мн. kätkens "Kätzchen", kindkens "Kindchen"... и др. В литературном языке -s употребляется преимущественно в иностранных словах, где оно поддерживалось влиянием французского (Reservoirs, Korps, Sofas, Leutnants), а также в других словах, которым недостает обычного грамма-

тического оформления: die Wenss und Abers... В интимном обиходном языке, в особенности в северной Германии, эта форма употребляется также в некоторых словах с личным значением: Mädchens, Bengels, Kerls и др. Другой источник этой формы представляют множественные собирательные от фамилий и званий: die Meiers "семейство Мейеров", Müllers, Schulze (n)s и др. Они развиваются из родительного падежа, обозначающего принадлежность..." [1965 : 207]. Таким образом, из приведенного материала убедительно следует вывод об исконном, а не заимствованном характере показателя множественного числа.

Примечательно, что это была не последняя попытка трактовки -s как заимствованного элемента. В последнее время также высказывалось предположение о заимствовании его с той разницей, что предполагаемым источником заимствования был назван английский язык [Siatkowski 1983, s. 357]. Комментируя такую интерпретацию происхождения этого аффикса, Р.Лётч [IX Междунар. съезд слав. 1983 : 158] отметил, что употребление его, получившее дальнейшее распространение, наблюдается не только в немецком языке ФРГ (это послужило основанием для предположения о его связи с английским -s), но и в ГДР, причем преимущественно в словах, связанных с русским влиянием, как Politnik, Politniks. В этих случаях, правомерно говорить о влиянии других языков при наличии в них материально и функционально сходных элементов, аналогично тому, как распространение форм множественного числа на -s в среднеанглийском рассматривается лишь как влияние французского языка, имевшего материально сходный показатель множественного числа. В условиях активного билингвизма, как известно, и материально несходные элементы, соотносимые функционально, могут приобретать большее количество сходных функциональных черт. Например, в нивхском языке, в котором использовались преимущественно формы единственного числа, а множественного только в случаях, когда ставилась задача специально подчеркнуть значение множественности, либо тогда, когда значение множественности не подсказывалось контекстом, под влиянием норм русского языка участилось использование форм множественного числа [Панфилов 1982 : 305].

Основываясь на приводимых выше примерах, можно было бы, как это делал А.И.Смирницкий, поставить под сомнение вообще саму возможность заимствования грамматических аффиксов. Он исходил из того, что грамматические аффиксы, подобно словообразовательным, могли бы заимствоваться только путем выделения их из заимствованных слов. Но для такого выделения потребовалось бы заимствование слова по крайней мере в двух его грамматических формах. Оснований для подобных заимствований А.И.Смирницкий не видит и считает, что доминирующим фактором в процессе заимствования выступает потребность заимствования, продиктованная отсутствием нужного названия в связи с изменением социального строя, с развитием производства, культуры и т.д. [1956 : 236]. Как было показано ра-

нее, причины заимствований далеко не ограничиваются потребностями наименований новых реалий, понятий. Вместе с тем утверждение А.И.Смирницкого вполне справедливо для монолингвальной ситуации, а также для случаев пассивного билингвизма. При этом заимствование, т.е. процесс обобщения различных употреблений слов с последующим выделением формантов, потребовало бы от говорящего знания многих речевых произведений, на основании анализа которых он мог бы проделать соответствующую работу. Соотнесение форманта и его функции на примере немногочисленных лексем невозможно. Об этом свидетельствуют заимствования слов в формах множественного числа, которые носителями языка-реципиента воспринимались как формы единственного числа, о чем свидетельствует дополнительное оформление их собственными показателями множественности. Таковы примеры, приводимые Ю.А.Жлуктенко, в языке украинцев, проживающих в США и Канаде, — *бойзи* "мальчики" (англ. boys), *стемпси* "марки" (англ. stamps), *пинатси* "земляные орехи" (англ. pea-nuts), *тульз* "ящик с инструментом" (англ. tools), *слиперси* "тапочки" (англ. slippers) [1964 : 44]. Подобное, по свидетельству Сурдучки [Surdučki 1978], наблюдается в речи иммигрантов в эти же страны носителей сербохорватского языка. Эти примеры свидетельствуют о том, что аффикс множественного числа не выделялся. С другой стороны, возникает вопрос, почему эти слова были заимствованы именно в форме множественного числа, точнее, почему форма множественного числа была воспринята как основа слова. Для ряда слов объяснение лежит на поверхности — это слова, обозначающие парные или множественные предметы. Но для слов типа укр. *бойз*, схв. *bojz* такое объяснение звучит не убедительно. Можно предположить, что на восприятие этих форм повлияла их бóльшая встречаемость в текстах по сравнению с формами единственного числа. Для проверки этой гипотезы следовало бы обратиться к исследованию частоты их употребления в непринужденной разговорной речи, из которой они и были заимствованы. Данные частотных словарей в этом случае едва ли будут полезны, так как они базируются на данных письменных текстов, не всегда достаточно разграничивая авторскую и неавторскую речь.

Формы множественного числа, усвоенные в качестве основ, — характерный признак устного пути заимствования на начальной ступени билингвизма. Уже более продвинутый билингвизм позволяет вычленять в слове значимые части. Например, в русском языке слово *джинсы* (англ. jeans), вошедшее в разряд *pluralia tantum*, в молодежном жаргоне иногда выступает и в форме *джины*, т.е. показатель множественного числа осознается как отдельный значимый элемент, а не просто как элемент фонетического слова-основы. Такому выделению морфемы способствует и рост числа лиц-билингвов, билингвизм которых может быть как активным, так и пассивным, и, предположительно, существование письменно фиксированной формы этого слова на этикетках.

Хорошо известно, что анализ письменных текстов легче по сравнению с анализом устных форм, поскольку один и тот же показатель, как, например, в данном случае, на письме фиксируемый в одной форме, в устной речи имеет несколько вариантов. Передача этого слова в латинской графике на этикетках, "сопровождающих" сами вещи, помогает говорящему соотнести его с формами, которые используются в языках, применяющих латиницу. Однако данный пример свидетельствует об анализе слова уже с позиции английского языка, а не русского. Кроме опознания форм, нужно еще и их использование, чтобы они включились в иноязычную систему. Пассивный билингвизм таких условий не обеспечивает.

Грамматические форманты как выразители грамматических отношений, т.е. отношений между компонентами предложения, тем самым не могут заимствоваться на основе заимствованных слов. "Грамматические значения, стоящие за изменением форм слова, полностью раскрываются только при учете синтаксических функций этих форм, т.е. их функций в рамках словосочетания и предложения" [Маслов 1975 : 163]. Поэтому требуется понимание не отдельных слов, а целых предложений, что наиболее вероятно при активном билингвизме. Поскольку грамматические значения обнаруживаются через их грамматические формы только в рамках словосочетания или предложения, то ясно, что употребление иноязычных словосочетаний и предложений при коммуникативной направленности языка как одной из его важнейших функций возможно только в условиях активного и массового, а не индивидуального билингвизма. И если выделение словообразовательных формантов возможно на уровне слова, так как семантика его отдельных составляющих может быть определена путем анализа других слов, содержащих, как минимум, один из этих элементов, и это выделение, таким образом, никак не связано с построением текста, то флексии могут появиться только вследствие порождения текстов на иностранном языке, которое принимает в отдельных случаях форму цитирования. Поэтому вполне естественно, что заимствования показателей грамматического значения наблюдаются именно в этих условиях. Интересный пример включения иноязычного показателя множественного числа приводит Г.Хамфриз [Humphreys 1980]. Носители современного газельского языка являются билингвами, двуязычие их имеет активный и массовый характер, что связано с постоянным общением их с носителями английского языка. В результате, как утверждает Г.Хамфриз, в спонтанной речи при наличии традиционной весьма разнородной системы показателей множественного числа стали использоваться формы с окончаниями на *-en*, *-s*, *-ys*. И хотя грамматика литературного языка не отмечает эти формы, на их появление в качестве не просто частных явлений указывает фиксация в словарях: *nurs* "медсестра" — *nursys* (англ. nurse — nurses), *beik* "велосипед" — *beiks* (англ. bike — bikes). На первый взгляд, ситуация очень напоминает использо-

вание латинских окончаний в форме множественного числа в английском языке. Действительно, эта флексия в гаэльском языке представлена в англицизмах. Однако в отличие от английских латинизмов формальный показатель четко выделяется, присоединяясь к словам кельтороманского фонда, и, что еще более показательно, используется как формант множественного числа для слов детского языка: ср. гаэл. *lìews* "лев" вместо литературного *lìewod*, а также для агентивных существительных типа *rusgotwors* "рыбаки" вместо *rusgotwyr*. Особенно примечательно то, что аффикс *-s* становится популярным, когда обращаются к маленьким детям [Humphreys 1980 : 210—211], факт, заслуживающий внимания, учитывая, что грамматическая система языка усваивается в детстве.

В литературе приводятся другие примеры перенесения форманта множественного числа в другой язык: А.Соммерфельдт [цит. по: Вайнрайх 1979 : 65] указывает на использование показателя множественного числа *-s*, соотносимого с англ. *-s*, в валлийском языке для усиления множественности собирательных существительных. Точно так же в условиях активного билингвизма носителей эвенкийского языка, особенно тех, которые пользуются чаще якутским, встречаются словоизменительные аффиксы якутского языка вместо эвенкийского, в частности, аффикс множественного числа *-лар (-тар, -дар)*, а также лично-притяжательный аффикс единственного числа *-м* [Романова, Мыреева, Барашков 1975 : 88].

Приводимый в книге Ю.А.Жлуктенко пример использования слова *клінерс* в фразе "Купуйте собі вакуум клінерс" [Жлуктенко 1964 : 119] может быть интерпретирован двояко: либо форма в украинском тексте обозначает единственное число подобно другим словам, заимствованным в украинский язык из английского в форме множественного числа, воспринятой как основа, либо это уже обозначение множественного числа в американизме. Не исключено, что при наличии формы единственного числа этого слова в украинском языке, соотносимой с формой единственного числа английского слова, данная форма при высокой степени билингвизма украинцев, проживающих в США и Канаде, может восприниматься и как форма множественного числа. Но для такого вывода, безусловно, требуется анализ обширного материала.

Если проанализировать случаи заимствования словоизменительных морфем в языках мира, то можно обратить внимание, что чаще всего такой словоизменительной морфемой оказывается форма множественного числа существительного. Это едва ли случайно. Следует, очевидно, считаться с тем, что как и в области словообразования, выделению подлежат форманты, имеющие функциональные аналоги в языке-реципиенте, что предполагает существование материальных показателей форм множественного числа. С другой стороны, по своей семантике категория числа одна из наиболее прозрачных, ясных — она обозначает различие между единичным объектом и их множеством. Она в большей сте-

пени спроецирована на действительность, чем, например, категория падежа, которая больше связана с собственно структурными особенностями языка. В тех случаях, когда наблюдается перенос форм множественного числа, они представляют довольно четкую и простую систему, без большого количества вариантов*. Обозначения числа лучше выделяются говорящим еще и потому, что категория числа поддерживается лексико-грамматическими средствами — системой количественных числительных.

Менее распространены заимствования падежных окончаний. В качестве одного из весьма немногочисленных примеров можно назвать упомянутое А.Росетти появление вокатива в румынском языке на -о в именах женского рода, заимствованных из славянских языков [Росетти 1972 : 113]. В условиях русско-украинского билингвизма в речи украинцев можно встретить формы дательного падежа вместо предложного по аналогии с соответствующими формами русского языка. Ср. р. *по полям*, укр. *по полях*, в речи билингвов возможно — *по полям*. Однако подобные случаи оцениваются как противоречащие норме.

Саму возможность переноса У.Вайнрайх связывал с наличием аналогичных категорий в языке-источнике и языке-реципиенте, "ибо сильно связанная морфема настолько зависит от своей грамматической функции, что, если в чужой системе для нее не окажется готовой функции, эта морфема окажется там бесполезной" [Вайнрайх 1979 : 65]. При анализе инноваций на уровне словообразования было подчеркнuto, что вычленение и обобщение вычлененных элементов в заимствованном материале зависит от наличия в языке-реципиенте сходных по функции единиц. В отношении включения словоизменительных морфем с предварительным их выделением и обобщением билингву его собственный язык служит своего рода проводником. Поэтому значительно легче узнаются те категории, которые есть в родном языке, отсутствующие же могут восприниматься как второстепенные.

И все же наименьших инноваций, вызванных различного рода контактами, ожидают от глаголов. Поэтому с живейшим интересом была встречена сенсационная информация Г.А.Меновщикова [1964] о заимствовании словоизменительных форм русского глагола в медновский диалект алеутского языка. Дополнительные сведения были позже помещены в сообщении [Асиновский, Вахтин, Головки 1983]. Носители медновского диалекта — билингвы, контакт между русскими и алеутами достаточно продолжителен, охватывает более 100 лет, значительная часть населения стала одноязычной, перейдя на русский язык, алеутский язык сохранился только у представителей старшего поколения и отдельных представителей среднего поколения. В речи среднего поколения были обнаружены формы типа: *алу-ю* "я смеюсь", *алу-ишь*

* Переносы форм множественного числа в близкородственных славянских языках будут, очевидно, менее вероятны, поскольку, в отличие от агглютинативных по природе англ. -s, якут. -лар, они являются семантически сложными, передавая дополнительно значения падежа и рода.

"ты смеешься", *алу-ит* "он смеется", *алу-им* "мы смеемся", *аул-ити* "вы смеетесь", *алу-йат* "они смеются" [там же : 114].

Как видим, словоизменительные аффиксы точно повторяют аффиксы русских глаголов I спряжения в настоящем времени. В прошедшем времени все глаголы используют показатель прошедшего времени *-л-* вместе с заимствованными из русского показателями числа и лица. Еще более поразительно то, что заимствованы только словоизменительные аффиксы, алеутские же словообразовательные суффиксы начинательности *-калу-* или каузативный *-га-* остались неизменными, как и сам агглютинативный характер словоформы и жесткий порядок слов, представляющие собой наиболее характерные, базовые признаки, "стержень алеутской грамматики" [там же].

Ситуация, описанная здесь, уникальна не только потому, что были засвидетельствованы заимствования глагольных флексий, но еще и потому, что она требует обоснованной интерпретации факта, опровергающего многие наблюдения, будто ни один нелексический элемент не может заимствоваться до тех пор, пока нет заимствований лексем [Moravcsik 1978 : 110], но заимствований русских глаголов в алеутском не было. Противоречит она и постулату, что флексия не может заимствоваться до тех пор, пока не заимствуется деривационный аффикс [там же : 112]. Поэтому, очевидно, следует согласиться с мнением В.Ю.Розенцвейга [1966], что в этих случаях следует видеть заимствование в русскую речь алеутской лексики, то есть фактически субстратные явления, учитывая степень владения алеутским, практически забытым его бывшими носителями. Аналогично следует интерпретировать и другие примеры из языка командорских алеутов, среди них — аналитические формы будущего времени под влиянием русского языка с частичным заимствованием материальной формы глагола *быть*. Ср.: *йа ни бу игахта-ть* "я не получу", т.е. "Я не буду получать" [Асиновский, Вахтин, Головкин 1983 : 114], в которых усматривается не только перенос модели, но и материальные заимствования, коснувшиеся полностью структурных элементов — это вспомогательный глагол *быть* и инфинитив, который как категория в алеутском не существует. В данном случае вопрос в том, какому языку принадлежит фраза — русскому или алеутскому. Судя по всей совокупности компонентов предложения, ее следует все же признать русской, а не алеутской, из алеутского заимствован корень, то есть эти примеры следует рассматривать как использование алеутской лексики в русской речи алеутов. К выводу о том, что здесь имеем дело с переносом алеутских корней в русскую речь, а не использованием русских флексий в алеутском глаголе, можно прийти, рассматривая язык, вслед за Л.В.Щербой [1974 : 35], не как какую-то независимую от человека сущность, а как деятельность, требующую от говорящего такого же анализа языкового материала, которое требуется от исследователя. Для выделения указанных формантов у глагола необходимо было бы предварительное заимствование в систему алеутского языка русских глаголов в их

полных формах, с флексиями, обозначающими лицо, время, наклонение и т.д.*

Стабильность системы глагольных формантов может быть подтверждена другим примером. В близкородственных языках в условиях массового и активного билингвизма различные словообразовательные и словоизменительные аффиксы легко вычлениаются говорящими, и поскольку нередко наблюдается переход с языка на язык, то в спонтанной речи встречается и замена падежных формантов одного языка падежными формами другого. Однако в глаголе словоизменительные форманты таким изменениям поддаются слабо или не поддаются вообще. Рассмотрим это на примере. В современном украинском литературном языке в третьем лице ед. числа используется формант *-ить* (*він ходить, носить, водить*). Акустически близкие формы имеют семантически соответствующие глаголы в русском языке — *он ходит, носит, водит*. Казалось бы, в условиях массового активного украинско-русского билингвизма при мощной тенденции влияния литературных форм на диалекты, обеспечиваемого всеобщим школьным образованием, и в диалекте следовало бы ожидать установления этих же форм. Однако на Полтавщине продолжают говорить (и не только представители старшего, но и среднего и младшего поколений) *він ходе, носе, воде*. Это тем более показательно, что бессильным оказывается даже влияние общенародных форм, засвидетельствованных в фольклоре, издавна служивших образцом для подражания, как в строках любимой на Полтавщине песни, где используется форма на *-ить*: "А та курка-щербетуша по садочку ходить та й ходить, куряточок водить та й водить".

Влияния более возможны в сфере письменного языка, как, например, появление форм типа старобелорусского *вспомина* по аналогии с соответствующим словом польского языка [Siatkowski 1983 : 359], впрочем эти формы так и не закрепились.

При прочих равных условиях причины неизменности формальных показателей глагола, вероятно, следует связывать со сложностью семантической структуры глагольных формантов, которые обозначают одновременно и лицо, и время, и залог, и способ, и число. По сравнению с ними грамматический показатель числа, имеющий в приводимых случаях только одну функцию, выглядит поразительно просто. Скорее всего, этой однозначностью семантики следует объяснять легкость выделения слушающим и говорящим соответствующих компонентов. Анализ контекстов, необходимых для выделения отдельных семантических компонентов в глагольных флексиях, значительно сложнее.

* Что касается известных в литературе фактов, связываемых с именем Г.Шухарда, об использовании славянских глагольных флексий в немецких словах (*ich bin-i, du bist-e, mir sien-me*) [цит. по: Жлуктенко 1974 : 112], то едва ли по аналогии с языком алеутов их можно было бы признать субстратными. В какой-то мере это соотносимо со сведениями об использовании в диалектных литовских формах претерита (точнее, дублировании) славянских показателей прошедшего времени [Взаимовлияние и взаимообогащение 1987 : 177].

В приводимых выше примерах мы рассматривали восприятие грамматических категорий, имеющих ярко выраженное материальное оформление. Более сложный случай представлен в примерах, демонстрирующих перенос лексем с определенной родовой или классной принадлежностью. Сложность заключается, в первую очередь, в самом характере значения, самой природе категории рода. "Грамматический род по существу представляет собой средство морфологического согласования, — отмечает Э.Вессен. — Это проявляется прежде всего в том, что прилагательные и местоимения принимают различные формы в зависимости от рода существительного, с которым они синтаксически связаны" [1949 : 36]. "Отнесенность существительного к определенному роду имеет важные грамматические последствия, поскольку она контролирует согласование с прилагательным и глаголом", — пишет другой исследователь [Носк 1986 : 503]. Категория рода, таким образом, представляется как принадлежащая в первую очередь синтаксису, хотя ее и нельзя причислить к чисто синтаксическим категориям. Из этого следует, что заимствование (перенесение) категории рода требует обязательно активного массового билингвизма. Она более, чем какая-либо другая категория, тесно связана с фонетическими (формальными) признаками. Например, в украинском языке слово, оканчивающееся на *-а*, в подавляющем большинстве случаев принадлежит к женскому роду. Зависимость рода от собственных формальных показателей влияет на родовую отнесенность заимствованных слов. Так, в языках банту происходит переразложение слова, в результате чего его начало воспринимается как префикс — показатель класса и в зависимости от этого выделенного на почве воспринявшего языка аффикса включаются в определенный класс. В языке шона существительные с начальным звонким включаются в класс 5, а с некоторыми начальными глухими чаще всего в класс 9 [Журинский 1987]. Как правило, отмечают, что родовая отнесенность осуществляется по линии таких параметров, как формальный, общий семантический, семантическая связанность слов, т.е. в силу вступают внутренне структурные особенности языков. Ю.А.Жлуктенко объясняет появление определенных родовых показателей для заимствованных слов действием аналогии сочетаемости семантически связанных слов [Жлуктенко 1964 : 77]. Весьма любопытным является наблюдение И.Лекова о том, что заимствования в сербохорватском языке имеют тенденцию к приобретению женского рода, тогда как болгарский язык остается безразличным к этому [Леков 1973 : 157]. Дж.Гринберг замечает, что в языках банту заимствования попадают либо в класс на *mu-/ba-* (лица), либо в класс *li-/ma-* (не-лица) [Гринберг 1972 : 137].

Исходя из приводимых выше данных А.Н.Журинского, ситуация все же не так однозначна. В этих случаях существительное, попавшее в язык, начинало приобретать родовые или классные показатели в зависимости от особенностей воспринимающего языка. Что касается языков, в которых указанной категории нет, то отмечается, что в языке-

реципиенте родовые показатели, характерные для этого слова в языке-источнике, исчезают. Интересен поэтому факт, что категория рода может и появиться, но это присуще только креолизированным языкам. Так, гаитянский креольский язык, имеющий своей базой французский язык, вновь стал различать мужской и женский род, потерянный им на стадии пиджина [Носк 1986 : 526].

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ СРЕДИ АНГЛИЙСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ

Заимствование как один из способов пополнения словарного состава для английского языка особенно характерно. По одним данным, иноязычное происхождение имеет более 60 % современной лексики английского языка [Раевська 1979 : 215], по другим — эта цифра приближается к 80 % [Арнольд 1973 : 249]. Особенно большие масштабы имело заимствование лексики в XIII и XIV вв., когда в Англии одновременно функционировали три языка: английский — язык основной массы населения, французский — язык школы, государственных и законодательных органов и латинский — язык церкви и науки. В дальнейшем, вплоть до настоящего времени, заимствования были, главным образом, следствием расширения политических, экономических и культурных связей Англии, а также США с другими странами.

Особый интерес представляют заимствования и кальки, обогатившие английский язык в новейшее время — в 70-е годы XX в. Выяснение их состава и источников позволяет определить основные тенденции расширения английского словаря и наиболее активные в этом отношении языковые контакты.

Из общего числа английских неологизмов 70-х годов в 5 тыс. единиц заимствования и кальки составляют 241 единицу, т.е. 4,96 % [Barnhart — 2 1980]. Это несколько меньше, чем в 60-е годы, когда заимствования и кальки составляли 6,28 % от общего количества новообразований [Быховец 1983 : 147].

Традиционные источники — французский, испанский, итальянский, русский, немецкий, греческий, португальский и другие европейские языки дали 52 % всех английских заимствований (в 60-е годы — 64,3 %), остальные заимствования пришли из языков Азии, Африки, Океании и аборигенов Америки. Некоторые заимствования характеризуются употреблением в одном (реже двух) варианте английского языка (британском, американском, канадском, австралийском и др.), составляя их специфику. Так, заимствование из немецкого языка *patzer* ['patsɜr] "шахматист-любитель" употребляется, главным образом, в американском сленге; заимствование из французского языка Канады *touriste* [tu:'ri:st] "вид диареи" употребляется в канадском сленге; словосочетание *numero uno* ['nu:mə, rou'u:nou] "номер один"

(самый первый, лучший или наиболее важный), заимствованное из испанского языка, употребляется в американском и в канадском вариантах английского языка; существительное *duvay* [du:'vei] "пуховое одеяло" (из франц. яз.) характерно только для британского варианта английского языка.

Поскольку ряд европейских языков был в свое время экспортирован в различные страны Америки, заимствование их единиц в английский могло происходить из вариантов этих языков, используемых в Европе или в Америке. Так, существительное *caló* [ka:'lou] "разновидность мексиканского испанского языка, на котором говорит молодежь Чикано на юго-западе США" пришло из мексиканского варианта испанского языка; *santeria* [sænte'i:ri:a:] "культ, исповедуемый на Кубе, сочетающий африканский племенной и римско-католический обряд" — из кубинского варианта испанского языка, а *roto* ['routou] "обитатель трущоб в испаноязычной Латинской Америке, особенно в Чили" — из американского варианта испанского языка; *Parti Quebecois* [par'ti:keibe'kwa:] "квебекская политическая партия" — из французского Канады, а *Generalitet* [ʒenera:li'ta:t] "автономное правительство Каталонии, восстановленное в 1977 г." — из французского языка Франции.

Наибольшее количество заимствований, как и ранее, поступило в английский язык из французского (см. табл. 1), однако удельный вес их резко снизился по сравнению с 60-ми годами (с 33,5 до 18,3 %) *.

Говоря об общих тенденциях заимствования лексики в английский из других языков, отметим, что за исследуемый период: а) резко уменьшился приток заимствований из итальянского языка (с 8,0 до 4,6 %); б) несколько повысился удельный вес заимствований из русского языка (с 5,0 до 6,6 %); в) активизировался процесс заимствования из испанского (с 7,2 до 10,8 %) и португальского (с 0,8 до 2,1 %) языков; г) существенно увеличился приток заимствований из языков народов Азии, Африки, Океании и аборигенов Америки (с 36 до 48 %); д) продолжает увеличиваться удельный вес заимствований из японского языка (с 8,5 до 12,4 %); е) резко усилилось заимствование из языка африкаанс (с 0,4 до 2,5 %) и арабского (с 1,4 до 5 %).

Новыми источниками заимствований в 70-е годы стали языки пушту, малайский и бенгальский. Заимствование из вьетнамского языка в этот период не отмечено. О других источниках см. табл. 1.

Основную массу иноязычных заимствований в английском языке составляют существительные (204 ед.), реже словосочетания именного типа (24 ед.), например: *habutsu* [hə'ba:tsu:] "(в Японии) фракция или клика, особенно в политической партии" (< японск.); *aperturismo* [a:pertu:'ri:smou] "начало политического процесса в Испании после франкизма" (< испанск.); *capo di (tutti) capi* [ka:pouði:'tu:ti'ka:pi:]

* Здесь и далее в сравнении используются данные, приведенные нами в кн.: [Английские неологизмы. — Киев: Наук. думка, 1983: 146–165].

Таблица 1. Генетическая и морфологическая характеристика заимствований

Генетическая характеристика	Морфологическая характеристика								
	N	N-Phrase	Adj	V	N, Adj	N, V	Pref.	Всего	
								колич.	%
Французский	31	10	1	1	—	—	1	44	18,3
Японский	29	—	1	—	—	—	—	30	12,4
Испанский	22	3	1	—	—	—	—	26	10,8
Африканские языки	20	—	—	—	—	—	—	20	8,3
Русский	15	—	1	—	—	—	—	16	6,6
Немецкий	11	—	1	—	—	—	—	12	5,0
Итальянский	8	2	1	—	—	—	—	11	4,6
Арабский	12	—	—	—	—	—	—	12	5,0
Китайский	4	5	—	—	—	—	—	9	3,7
Идиш	6	—	1	—	—	1	—	8	3,3
Греческий	5	—	—	—	—	—	1	6	2,5
Африкаанс	5	1	—	—	—	—	—	6	2,5
Хинди	4	1	—	—	—	—	—	5	2,1
Португальский	4	1	—	—	—	—	—	5	2,1
Санскрит	4	—	—	—	—	—	—	4	1,7
Иврит	4	—	—	—	—	—	—	4	1,7
Ирландский	2	—	—	1	—	—	—	3	1,2
Малайский	2	1	—	—	—	—	—	3	1,2
Филиппинский	2	—	—	—	—	—	—	2	0,8
Корейский	2	—	—	—	—	—	—	2	0,8
Персидский	2	—	—	—	—	—	—	2	0,8
Бенгальский	2	—	—	—	—	—	—	2	0,8
Шведский	1	—	—	—	—	—	—	1	0,4
Голландский	1	—	—	—	—	—	—	1	0,4
Индонезийский	1	—	—	—	—	—	—	1	0,4
Урду	1	—	—	—	—	—	—	1	0,4

Генетическая характеристика	Морфологическая характеристика							Всего	
	N	N-Phrase	Adj	V	N, Adj	N, V	Pref.	%	
								колич.	
Гавайский	1	—	—	—	—	—	—	1	0,4
Пушту	1	—	—	—	—	—	—	1	0,4
Другие азиатские	1	—	—	—	—	—	—	1	0,4
Эскимосский	1	—	—	—	—	—	—	1	0,4
Индийские	1	—	—	—	—	—	—	1	0,4
Всего	204	24	7	2	1	1	2	241	100,0

"владыка мафии" (< итал.); swart gevaar "мнимая угроза белому населению в Южной Африке со стороны негритянского большинства" (< африкаанс) и др.

Слово *arrièregarde* [англизированное *ar'ier'gard* от франц. *ar'yer'gard*] употребляется либо как существительное в значении "арьергард (группа интеллигенции, придерживающаяся традиционных взглядов, особенно в искусстве)": For the *arrière-garde* there appears this week an agreeably readable first novel by Peter Prince called *Play Things.*, либо как прилагательное "из арьергарда или имеющий отношение к арьергарду", например: On other scores as well, this contemporary composition has certain *arrière-garde* characteristics... (B=2).

Заемствование из языка идиш *zetz* употребляется и как существительное "удар (кулаком), шлепок", и как глагол "наносить (удар)".

Прилагательных среди английских заимствований 70-х годов было обнаружено лишь семь, например: *haut* [ou] "высший, первоклассный" (<франц.); *sapraku* [sa:m'pa:ku:; англизированное *sæ'n'pa:ku:*] "характеризуемый нездоровым состоянием из-за несоблюдения диеты, в которой предпочитается сахар, фрукты и овощи мясу, яйцам и т.п." (<японск.); *gonzo* [ganzou] амер. сленг "сумасшедший; чрезвычайно эксцентричный, чудаковатый" (<итал.). Глаголов среди английских заимствований зарегистрировано лишь два: *planify* ['plæ.nə,fai] "систематично планировать" (<франц.); *banjax* ['bændʒæks] сленг "побить, побороть, победить" (<ирланд.).

В исследованном корпусе английских заимствований обнаружены две служебные морфемы: префикс *petə-* ['petə-] (<греч.), означающий "одна квадриллионная часть любой единицы

в международной системе мер" и префикс après- (< франц.), означающий "после или вслед за определенным действием"; он присоединяется к основам имен существительных, образуя прилагательные: après-fiim, après-40, après-game, après-sun, après-surgery, après-swim, après-tennis. Словообразовательная активность префикса après- проявилась в английском языке в 70-е годы, после того как из французского проникло après-ski.

Основная масса английских заимствований 70-х годов сосредоточена в восьми тематических группах.

1) Общественно-политические термины (30,6 % всех заимствований, что значительно больше, чем в предыдущем десятилетии, когда эта группа насчитывала 15,8 %). Здесь выделяются две подгруппы: а) названия социальных явлений и отношений, например: pots de vin [pou-də 'vɛ̃] "взяточничество; подкуп" (< франц.); yakuza [ˈyɑ:kʌzɑ:] "японский хулиган или гангстер"; Yamaguchigumi [ˌjɑ:mɑ:'gu:tʃi:'gu:mi:] "большая организация преступников в Японии" (оба из японского); poblador [ˌpoubla:'dɔr] (мн. ч. -dores [-'dɔ:res]) "житель трущоб в Чили" (< испан.); hei jen ['heɪ'rɛn; англизированное 'heɪ'dʒɛn] "(в Китае) молодежь, которая, сбежав с сельских фабрик и коммун, нелегально жила и работала в городах" (< кит.); chozrim [xɔ:z'ri:m] "евреи, вернувшиеся в Израиль после эмиграции" (< иврита); б) политические термины, например: concertation [kɔ̃serta'syɔ̃; англизированное ,kɔnsər'teɪʃən] "(во французской политике) сотрудничество и координация действий групп, имеющих различные интересы"; coopérant [kouɔrei'rɑ̃], англизированное cooperant [kou'apərəht] "участник французской программы помощи слаборазвитым странам" (оба из франц.); Franquista [fræŋ'kɪstə] "последователь испанского диктатора Франко" (< исп.); brigatisti [ˌbri:ga:'ti:sti:] "члены организации итальянских террористов "Красные бригады" (< итал.); (Al) Fatah [(a:1) fa:'tɑ:] "крупнейшая партизанская группа Организации освобождения Палестины" (< араб.); Verufsverbot [bɛ'ru:fsvɔt, bout] (мн. ч. -bote [-,boutɐ]) "запрет на профессии" (законодательные мероприятия Западной Германии, запрещающие принимать на государственную службу лиц, подозреваемых в принадлежности к левым политическим организациям); chimurenga [ˌtʃi:mu:'reŋgə] "освободительная война в Африке, особенно имеющая целью установление правления негритянского населения" (< банту) и др.

2) Термины культуры (9,3 %; в предыдущем десятилетии эта тематическая группа заимствований была самой представительной — 16,7 %), например: café théâtre [ka,feitei'a:trə] "кафе, где читают лекции и дают театральные представления"; policier [ˌpouli'syei] "детективный роман/фильм" (оба из франц.); hayashi [ha:'yɑ:ʃi:] "японский оркестр" (< япон.); salsa "карибская танцевальная музыка с элементами джаза и рок-музыки" (< испан.); arte rovera [ˈartei'pavə rə] "форма искусства, в которой произведение рассматривается или экспонируется не

непосредственно, а из вторых рук, с помощью фотографий, карт, рисунков либо посредством описания" (< итал.); *berimbau* [bɐ'rimbau] "бразильский струнный музыкальный инструмент, обычно однострунный" (< португ.) и др.

3) Термины финансов (7,7 %, приблизительно столько же, как и в предыдущем десятилетии — 7,4 %). В этой тематической группе заимствований преобладают наименования денежных единиц стран Африки и Азии, например: *lilangeni* [li:la:ŋ'geini:] Свазиленда (учрежденная в 1974 г.) (< банту); *ekwuele* [ɛkwwe'lei] экваториальной Гвинеи (учрежденная в 1973 г.); *pula* ['pu:lə] Ботсваны; *oug(u)iya* [wa:'gi:yə] Мавритании (учрежденная в 1973 г.); *khoum* ['ku:m] Мавритании (оба из араб.); *renminbi* ['ren'min'bi] Китайской Народной Республики (< кит.); *ringgit* ['riŋgit] Малайзии (иначе — малайзийский доллар) (< малайз.) и др.

4) Термины кулинарии (7,3 %, в 60-е годы — 11,9 %) из французского, итальянского, испанского, греческого, китайского и других языков, например: *cuisine minceur* [kwi:zi:nmɛ̃'sœr] "французская кухня, в которой сведены до минимума крахмал, сахар, масло и сливки" (букв. "стройная кухня") (< франц.); *amaretto* [ɛmɛ'rettou] "итальянский ликер, имеющий вкус миндаля", *calzone* [kɛzouni:kɛl'zoun] "высокий пирог с начинкой из сыра" (оба из итал.); *burrito* [bɛ'ri:tou] "маисовая лепешка с начинкой из говядины, сыра и поджаренных бобов" (< испан.); *gyro* ['yigou, англизированное 'dʒ aigou] "разновидность греческого бутерброда" (< греч.); *hoisin sause* ['hɔi'sin] "густой темнокрасный соус из сои, чеснока и различных приправ" (< кит.); *maotai* ['mau'tai] "крепкий китайский ликер, получаемый из проса" (< кит.) и др.

5) Научные термины (6,5 % против 4,1 % в 60-е годы). Интересно, отметить, что наибольшее количество заимствований в эту тематическую группу пришло в английский язык в этот период из русского, например: *bioplasma* "биоплазма"; *aulacogen* [ɔ:'lɛkədʒən] *геол.* "аулакоген" (слово создано советским геологом С.Шатским от греч. *aulákos* "бросовый след" + *-genes* "род"); *fuoro* [fyu:'ɔrou] *adj.* "относящийся либо входящий в любую группу недавно возникших, отдаленных переменных звезд" (слово создано советским астрономом В.Амбарцумяном) и др. Сюда вошли также *jamais vu* [ʒa:me'vu; франц. *ʒame'vY*] *психол.* "иллюзорное впечатление, будто никогда не попадал в подобную ситуацию, хотя на самом деле это обычная ситуация" (< франц.; букв. "никогда не виданный"); *Zugunruhe* ['tsu:ku:n,ru:ə; англизированное 'zu:gə n,ru: или -,ruə] "миграция животных, особенно птиц" (< нем.) и др.

6) Термины спорта (6 % против 4,7 % в 60-е годы). Здесь преобладают английские заимствования из японского языка, например: *basho* ['ba:fou] "пятнадцатиматчевый турнир по борьбе сумо"; *ialdo* [i:'ai-dou] "японская разновидность фехтования"; *sumotori* ['su:mou'tou-

ri:] "участник борьбы сумо"; yokozena [ˌyoukə 'zu:nə] "йокозуна" (основной победитель в борьбе сумо); ozeki [ou'zeiki:] "озеки" (участник соревнования по борьбе сумо, занявший следующее место после йокозуны); irron [i:'pən] "полная победа в дзю-до"; catenaccio [ˌkɑ:tə'nɑ:ttʃi:ou] "расположение игроков в футболе: пятеро в защите, трое в средней линии и трое в нападении" (< итал.); taekwondo ['tai-,kwən'dou] "корейский метод самозащиты" (< корейск.); buzkashi либо buz kashi ['bu:z'ka:ʃi:] "бузкаши" (афганский национальный вид спорта – соревнование всадников за тушу убитого козла) (<пушту) и др.

7) Термины религии (5,2 % против 0,8 % в 60-е годы), например: satsang [ˈsɑ:t'sɑ:ŋ] "индусская проповедь" (<санскр.); sasshin [ˈse-ʃin] "длительный период уединения и медитации в дзэн буддизме" (< япон.); zazen [ˈzɑ:zen] "медитация в дзэн буддизме" (< япон.); santeria [ˌsæntɪ'ri:ə] "религия или культ, исповедуемый на Кубе, сочетающий африканский племенной и римско-католический обряды" (< исп.); Ahmadiyya(h) [англизированное a:ma:'di:yə] "исламская миссионерская секта Индии и Пакистана, члены которой действуют во многих странах" (< араб.) и др.

8) Медицина (2,8 % против 0,8 %), например: shiatsu или shiatzu [ʃi:'ɑ:tsu:] "разновидность массажа", yusho [ˈyu:ʃou] "болезненное состояние, вызванное приемом полихлорированного дифенила" (оба из япон.); sulfazin/sulphazin [ˈselfəzɪn] "сульфазин" (лекарство для лечения душевнобольных) (< русск.); teh ch'i [ˈte'tʃi:] "вибрация, улавливаемая специалистом по иглокальванию, в момент попадания в точку акупунктуры" (< кит.) и др. О других тематических группах и их количественном составе см. табл. 2.

Таким образом, в 70-е годы наиболее многочисленной стала тематическая группа заимствований "Общественно-политическая лексика", удельный вес которой по сравнению с предыдущим периодом почти удвоился, в то время как удельный вес заимствований, пополнивших тематическую группу "Культура", сократился почти вдвое. Повысился удельный вес заимствований в таких тематических группах, как "Наука", "Спорт", "Религия", "Медицина", и сократился в тематических группах "Военное дело", "Кулинария" и др.

Основная масса английских заимствований исследуемого периода структурно совпадает с этимологией. Слов с частичной морфологической субституцией обнаружено шесть. Среди них заимствования из французского и русского языков, например: biogeocoenology [ˌbaɪou,dʒi:ousi:-'nælədʒi] < русск. *биогеоценология* и др.

Калек, появившихся в результате контактов английского с другими языками, было выявлено 11 (около 4,4 % суммарного иноязычного воздействия). Это несколько меньше, чем в предыдущем десятилетии, когда кальки составляли около 6 %. Среди них кальки с китайского языка (3), например: capitalist roader "китайский коммунист, обви-

Таблица 2. Семантические сферы сосредоточения заимствований

Язык	Промышленное производство	Транспорт, связь	Строительство	Общественно-политическая лексика	Отдых, развлечения	Наука, техника
Французский	1	1	—	15	—	4
Японский	—	1	—	6	—	—
Испанский	—	—	—	10	—	—
Африканские языки	—	—	—	5	—	—
Русский	—	—	—	8	—	7
Немецкий	—	—	—	4	1	3
Арабский	—	—	—	5	—	—
Итальянский	1	—	—	4	—	—
Китайский	—	—	—	3	—	1
Идиш	—	—	—	—	—	—
Греческий	—	—	—	—	—	1
Африкаанс	—	1	1	2	—	—
Хинди	—	—	—	2	—	—
Португальский	—	—	—	1	—	—
Санскрит	—	—	—	—	—	—
Иврит	—	—	—	4	—	—
Ирландский	—	—	—	—	—	—
Малайский	—	—	—	1	—	—
Филиппинский	—	—	—	1	—	—
Корейский	—	—	—	—	—	—
Персидский	—	—	—	2	—	—
Бенгальский	—	—	—	1	—	—
Шведский	—	—	—	1	—	—
Голландский	—	—	—	1	—	—
Индонезийский	—	—	—	—	—	—
Урду	—	—	—	—	—	—
Гавайский	—	—	—	—	—	—
Пушту	—	—	—	—	—	—
Другие азиатские	—	—	—	—	—	—
Эскимосский	—	—	—	—	—	—
Индийские	—	—	—	—	—	—
Всего	2	3	1	76	1	16
В процентном соотношении	0,9	1,4	0,5	30,6	0,5	6,5

Продолжение табл. 2

Язык	Военное дело	Религия	Этнонимы	Мода	Предметы одежды, названия тканей, мехов	Быт, домашний обиход
Французский	—	—	—	1	—	2
Японский	1	3	—	—	—	—
Испанский	1	2	—	—	—	—
Африканские языки	—	—	—	—	3	—

Медицина	Космос	Культура	Спорт	Географические понятия	Флора, фауна	Явления природы	Финансы
2	—	5	—	—	1	—	2
3	—	2	9	—	3	1	—
1	—	1	—	—	—	—	10
—	—	1	—	—	—	—	—
—	—	1	—	1	—	1	2
1	—	1	2	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	3	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	1	1	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	1	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—
—	1	—	—	—	—	—	—
7	1	23	15	1	4	3	18
2,80	0,5	9,3	6,0	0,5	1,6	1,4	7,7

Кулинария	Качества, состояния	Эмотивная лексика	Город, городское планирование	Трудноотносимая	Всего
3	2	—	—	5	44
3	—	—	2	2	30
—	—	—	—	1	26
—	—	—	—	—	20

Язык	Сферы					
	Военное дело	Религия	Этнонимы	Мода	Предметы одежды, названия тканей, мехов	Быт, домашний обиход
Русский	—	—	—	—	—	—
Немецкий	—	—	—	—	1	—
Арабский	—	1	—	—	—	—
Итальянский	—	—	—	—	1	—
Китайский	—	—	—	—	—	—
Идиш	—	—	—	—	—	—
Греческий	—	—	—	1	—	1
Африкаанс	—	—	1	—	—	—
Хинди	—	1	—	—	—	—
Португальский	1	—	—	—	—	—
Санскрит	—	4	—	—	—	—
Иврит	—	—	—	—	—	—
Ирландский	—	—	—	—	—	—
Малайский	—	—	—	—	—	—
Филиппинский	—	—	—	—	—	—
Корейский	—	—	—	—	—	—
Персидский	—	—	—	—	—	—
Бенгальский	—	—	—	—	—	—
Шведский	—	—	—	—	—	—
Голландский	—	—	—	—	—	—
Индонезийский	—	—	—	—	—	—
Урду	1	—	—	—	—	—
Гавайский	—	—	—	1	—	—
Пушту	—	—	—	—	—	—
Другие азиатские	—	—	—	—	—	—
Эскимосский	—	—	—	—	—	—
Индийские	—	—	—	—	—	—
Всего	4	11	1	3	5	3
В процентном соотношении	1,6	5,2	0,5	1,4	2	1,4

няемый в поддержке капиталистических методов производства"; capitalist road "курс и цели таких коммунистов"; с немецкого языка (2): Leidenfrost phenomenon "явление Лайденфроста" < Leidenfrostsche Phänomen (названо в честь немецкого физика Йогана Лайденфроста (1715—1794), который открыл изоляционное явление); из французского: dialogue of the deaf "диалог глухих" < франц. dialogue des sourds (дискуссия, участники которой не обращают внимания на аргументы противной стороны); японского: black mist "политические происки/сделка или бесчестное/скандальное занятие < япон. kuro kiri "черная дымка или туман, затрудняющий обзор"; итальянского: Red Brigades "красные бригады" (левоэкстремистская организация итальянских террористов) < итал. Brigate Rosse; photonovei "фотороман" (роман в виде фотографий, сопровождаемых диалогами в стиле газетных страничек юмора); португальского: parrot's perch "разновид-

Кулинария	Качества, состояния	Эмотивная лексика	Город, городское планирование	Трудности-мв	Всего
—	—	—	—	—	16
1	—	—	—	—	12
1	—	—	—	—	12
3	—	—	—	—	11
2	—	—	—	—	9
1	—	7	—	—	8
3	—	—	—	—	6
—	—	—	—	—	6
—	—	—	—	2	5
—	—	—	—	—	5
—	—	—	—	—	4
—	—	—	—	—	4
—	—	—	—	1	3
—	—	—	—	1	3
—	—	—	—	—	2
—	—	—	—	—	2
—	—	—	—	—	2
—	—	—	—	—	1
1	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	1	1
18	2	7	2	14	241
7,3	0,9	2,8	0,9	5,8	100

ность орудия/метода пыток" < португ. pau de arara "жердочка/насест попугая".

Английская калька из немецкого языка gliding time "гибкое распределение часов работы, позволяющее отработать полный рабочий день в наиболее удобные периоды времени" используется параллельно с заимствованием того же значения Gleitzeit ['glait,tsait]. Интересно, что со временем появились также их абсолютные синонимы-неологизмы fiexitime < flexible time.

Преобладающее большинство заимствований ($\approx 82\%$) являются названиями новых предметов, явлений, понятий, например: suiseki [su:i:'seiki:] "японское искусство собирания и размещения камней" (< япон.); retornado "испанец, вернувшийся в Испанию с заработков" (< испан.); infitah [infita:x] "экономическая политика открытых дверей Египта" (< араб.); problematique [prɔblama'ti:k] "комплекс

проблем, особенно загрязнения среды, разложения нравов, нехватки ресурсов, инфляции и т.д., воздействующий на технически развитые и промышленные страны" (< франц.) и др.

Заемствований, являющихся наименованиями ранее известных носителям английского языка предметов (явлений, понятий), в исследуемый период было $\approx 18\%$, в том числе: amour fou [ə'mu:r'fu:] "слепое увлечение; страстная влюбленность" (< франц.) \approx англ. infatuation; demandeur [dəma:n'dæʀ] "проситель" (< франц.) \approx англ. petitioner; Kugelblitz ['Ku:gəl,blits] "шаровая молния" = англ. ball lightning.

В то же время заимствований, которые были бы точными эквивалентами английских слов и выражений, наподобие Kugelblitz = ball lightning, незначительное меньшинство. Чаще такие заимствования имеют в английском употреблении дополнительный оттенок значения, например, существительное yakuza ['ya:Ku:za:] "хулиган, гангстер" (в отличие от англ. hoodlum, gangster) имеет ограничительное определение "японский" (< япон.); cilantro [sə'læntrou] "кориандр" (< испан.), в отличие от англ. coriander, употребляется исключительно со ссылкой на употребление его в мексиканской кухне; habatsu [hə'ba:tsu:] (< япон.) в отличие от уже существующих в английском языке синонимичных слов faction, clique, имеет значение "фракция или клика в японской политической партии". Часть заимствований отличается от своих английских синонимов стилистической окраской. В частности, это характерно для заимствований из языка идиш. Так, boychi(c)k в отличие от англ. boy, kid употребляется только в американском сленге. Это же относится к таким синонимическим парам: nudzh/nudge [nudz] (< идиш) :: nuisance; bore; pest "нудный человек"; tchotchke ['tʃɔ tʃkə] (< идиш) :: trinket; gewgaw; bric-a-brac "безделушка, пустьак".

Большая часть заимствований, являющихся наименованиями известных носителям английского языка предметов (явлений, понятий), появились с тем, чтобы заменить исконно английский описательный оборот, например: kilometrage [kə'lamətɾidʒ] "километраж" (< франц.) вместо англ. the number of kilometers covered or traveled; migraineur [mi:grə'nær] (< франц.) вместо англ. a person who suffers from migraine headaches; shinkansen ['ʃi:n'ka:nsen] "японский скоростной пассажирский поезд" (< япон.) вместо англ. high-speed passenger train of Japan.

Среди заимствований 70-х годов, как и в предыдущее десятилетие много экзотизмов, например: ofuro [ou'fu:rou] "чан или кадка для купания, наполненная водой" (< япон.); tabbouleh [tə'bu:lə] "салат из нарезанных овощей и пшеницы" (< араб.); kare (e) ba [Kə'ri:bə] "ямайкская мужская рубашка с короткими рукавами"; birr [bir] "бир" (денежная единица Эфиопии, заменившая в 1976 г. эфиопский доллар) (< амхарск.). Как и ранее, среди экзотизмов преобладают наименования денежных единиц, одежды, тканей, предметов быта.

Поскольку заимствования 70-х годов только начинают входить в лексическую систему современного английского языка, они, как правило, еще слабо адаптированы. У многих из них не завершился даже процесс графической адаптации, например, португальское *cinema novo* "новое кино" первоначально проникло в английский язык в португальском написании, затем появился также англоязычный графический вариант — *cinema novo*. Заимствования *Qualitätswein* "немецкое кино высокого качества", *Bürolandschaft* "внутренняя отделка учреждений" и др. сохраняют графику исходного немецкого языка, *bête blanche* [bet'blãʃ] "слабая причина отвращения/антипатии; незначительное раздражение/досада" и другие — французского. Написание некоторых французских заимствований не стабилизировалось. Так, наряду с *coopérant* можно встретить англоязычный вариант *cooperant* "участник программы французской помощи слаборазвитым странам".

Преобладающее большинство заимствований из французского языка мало подверглись фонетической адаптации. Ударение часто сохраняется на последнем слоге, например: *animateur* [ˌanima'tœr], *bricolage* [bri:kou'la:ʒ]. Другие находятся на пути фонетической адаптации, о чем свидетельствует наличие нескольких вариантов произношения, например: *consertation* [kɔ̃serta'syɔ̃:] и [ˌkɑnsə'rteifən]; *Limousin* [li:mu:'zɑ̃] и [ˌlimə'zi:n].

Такие же произносительные варианты есть и среди заимствований из испанского языка, например: *Montonero* [ˌmantou'nerou] и англоязычный вариант [ˌmantə'nirou]; *picadillo* [pi:ka:'di:you] и англоязычный вариант [pikə'dilou].

Преобладающее большинство иноязычных заимствований в английском 70-х годов сравнительно легко подвергается грамматической адаптации. Случаи сохранения существительными множественного числа языка-источника в языке-реципиенте крайне редки: *Berufsverbot*, pl. *-bote* (< нем.); *havurah*, pl. *havurot* (< иврита); *lilangeni*, pl. *emalangepi* (< банту) (*li-* — префикс единственного числа, *ema-* — множественного). Все остальные существительные легко принимают английское окончание числа *-s/-es*, например: *burrito* — *burritos* (< испан.), *ayatollah* — *ayatollahs* (< араб.); *dazibao* — *dazibaos* (< кит.); *ringgit* — *ringgits* (< малайск.) и др.

Исчисляемые существительные, заимствованные из японского языка, принимают во множественном числе окончание *-s* либо нулевую флексию, например: *ofuro* — pl. *ofuros* (...The Japanese have been bathing communally in their **ofuros** for centuries (SBD)); *shinkansen* — pl. *shinkansen* (The noted **shinkansen**, or bullet trains, and other trains, are to move throughout, bringing the northern frontier much more into the mainstream of Japanese life (SBD)). В ряде случаев, однако, способ образования множественного числа таких существительных все еще не установился. Например, *sumatori* "участник борьбы сумо" во множественном числе может иметь форму *sumatoris* либо *sumatori*. Подобная

вариативность в образовании формы множественного числа исчисляемых имён существительных, пришедших из японского языка, по мнению Г.Кэннон, объясняется вовсе не продолжительностью пребывания их в лексической системе английского языка. Нулевая флексия во множественном числе японских заимствований не может быть показателем их грамматической неадаптированности, очень часто происходит обратное: те заимствования из японского языка, которые прежде образовывали множественное число с помощью окончания -s, сейчас чаще образуют его с помощью нулевой флексии. Исследовав весь корпус английских заимствований из японского языка, Г.Кэннон установила, что существительными среди них являются 490. Из 311 исчисляемых существительных-японизмов 89 имеют во множественном числе нулевую флексию, 29 — либо нулевую флексию, либо окончание -s [Каппон 1984 : 149–150].

Итак, заимствование как один из способов создания в английском языке новых слов и обозначений в 70-е годы сохраняет в основном те же масштабы, по-прежнему составляя около 5 % от общего количества неологизмов. Однако появились новые источники заимствований, которые все активнее воздействуют на лексическую систему английского языка — около половины заимствований 70-х годов пришло из нетрадиционных источников — из языков народов Азии, Африки и Океании.

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЕДИНИЦ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

Современный уровень разработки теории перевода и относящихся к ней проблем общего языкознания и сопоставительной лингвистики позволяет в более развернутом виде поставить вопрос о его сущности и месте среди других способов воспроизведения иноязычных единиц и о роли всех этих средств в развитии языка.

Последовательный учет специфики ярусной структурно-семантической организации языка как системы и соотношения его звуковой и письменной форм существования дает возможность, начиная с низших уровней и кончая высшими, различать применяемые и в случае перевода как сознательно планируемой деятельности, и в случае смешанно-двухязычной коммуникации (спонтанный перевод) следующие разновидности воспроизведения иноязычных единиц:

I. Беспереводное воспроизведение:

- 1) неадаптированное письменное цитирование;
- 2) графическое изображение;
- 3) неадаптированное устное цитирование;
- 4) адаптированное устное цитирование;
- 5) звуковое изображение;

II. Переводное воспроизведение:

- 1) адаптированное письменное воспроизведение;

- 2) транслитерация;
- 3) транскрипция;
- 4) поморфемный (интралексический) перевод;
- 5) пословный (лексический, интрасентенциальный, интрапропозиционный) перевод;
- 6) перевод синтагматический;
- 7) синтаксический (пропозициональный, предложениями) перевод;
- 8) надфразовый, текстовый перевод;
- 9) реферативный, аннотирующий перевод.

На практике каждая из указанных разновидностей воспроизведения иноязычных единиц крайне редко применяется в чистом виде, без сочетания с другими структурно-семантическими разновидностями, даже в пределах небольшого сегмента. Перевод в абсолютном большинстве случаев осуществляется целым комплексом способов, выбор которых, как говорилось выше, определяется прагматической целью и эмпирической либо теоретически выработанной переводческой концепцией исполнителя. Разновидности II, 4–9 в литературе разрабатываются сравнительно давно, в том числе в аспекте их влияния на развитие языка перевода. Поэтому здесь внимание авторов сосредоточено на разновидностях I, 1–5; II, 1–3, отдельные из которых вообще малоизучены.

1. Неадаптированное письменное цитирование применяется как в оригинальной (авторской) речи на "иноязычную" тему (описание этнокультурной ситуации, ранее вербализованной средствами другого языка) и при описании иноязычных устных коммуникаций, так и при переводе высказываний, текстов, включающих неперебиваемые (данным автором в данном конкретном случае) единицы. В первом случае речь идет о самостоятельном авторском применении иноязычных письменных единиц в тексте на своем языке, и потому возможные изменения в их написании графикой оригинала (языка-источника) можно считать произвольными авторскими отклонениями от действующих правил орфографии соответствующего языка. Так трактуются, к примеру, орфографические неточности, которые допускает Э.Хемингуэй в романе "For Whom the Bell Tolls" ("По ком звонит колокол"), воспроизводя исходной графикой испанские, реже французские языковые единицы в своем англоязычном тексте [Медникова 1981 : 507], например: ...thou shouldst go on to the *Jardin* (исп. *Jardi'n*) *Botánico* [Hemingway 1981 : 286]; There were sentries with bayonets downstairs outside the *porte-cochere* (фр. *porte-cochére*) at Gaylord's and tonight it would be the pleasantest and most comfortable place in all of besieged Madrid [там же : 262]. Примеры латинской и немецкой графических цитат в украинском тексте: *Кінь! Латинська назва "equus"l... Великі-великі куцохвості equus'u волочать великі гарби з пивом* [Вишня, т. 3 : 127]; *Він проїхав із Wann-See (берлінського передмістя) аж до Парижа* [там же : 129].

При переводе неадаптированное письменное цитирование чаще всего встречается в двух случаях: если перевод осуществляется с языка, использующего тот же алфавит, и когда воспроизведению подлежат иноязычные вкрапления на третьем языке, содержащиеся в оригинале. Проблема выбора между неадаптированным цитированием и адаптированным воспроизведением так называемой непереводаемой лексики принадлежит к концептуальным, а потому в рамках каждой пары языков не только на протяжении более или менее длительного исторического периода, а порой и в практике одного переводчика или даже в пределах одного произведения определенной стабильности в данном отношении не наблюдается. Так, в сокращенном переводе романа Ч.Диккенса "The Posthumous Papers of the Pickwick Club" ("Записки Пиквикского клуба") на французский язык [Dickens 1887], где имена собственные переданы преимущественно способом неадаптированного письменного цитирования (Samuel Pickwick, Auguste Snodgrass, Tracy Tupman, Nathaniel Winkle, Alfred Jingle, Samuel Siumkey, Fitz-Marshall, Job Trotter; Stroud, Chatham, Brompton, Muggleton, Dingley-deil, Eatanswill, rue Goswel, rue d'Ipswich), встречаются и адаптированные воспроизведения типа Pentonville. Из числа этнокультурных терминов здесь цитируются такие, как gentleman (ед. ч.) – gentlemen (мн.ч.), gen'l'm'en (при редукции), ladies et lady, shilling, wist, pike "копье", turnpike "дорожная таможня" и под. В то же время наиболее употребимые в тексте социальные термины Mister (сокращенно Mr.), lady, Mrs. (Missis), Miss переданы как Monsieur (M.), dame/lady (la vieille lady/ la vieille dame "старая дева"), madamme (Mme) – Madame Wardle, Mme Weller.

Графическому цитированию в рамках одного алфавита, например латинского, подлежат: 1) собственные имена людей; 2) географические собственные названия и микротопонимы; 3) названия учреждений, фирм, предприятий, газет, агентств, стадионов, спортивных команд и под.; 4) названия моделей ракет, самолетов, кораблей, промышленных изделий, технологий и т.п.; 5) социально-политических программ, мероприятий, соревнований и др.; 6) названия произведений; 7) аббревиатуры; 8) апеллятивная этно-культурная лексика и специфичные для определенной концепции, автора термины, фразеологизмы, а также 9) наиболее типичные модальные слова, словосочетания, эмоциональные выражения, междометия, например: 1) фр. > нем.: Drei Jahre nach dem Tode de Saussures gaben seine Schüler Charles Bally und Albert Sechehaye unter der Mithilfe von Albert Riedlinger im Jahre 1916 den "Cours de linguistiques generale" heraus [Hildenbrandt 1972 : 2]; фр. > чеш.: Tak už v letech 1750–1760 byly vydány některé hry Voltairovy, Rousseauovy a Diderotovy [Myl'nikov 1974 : 121]; англ. > фр.: Un sujet à la Forsyth! [NM, N 2007 : 5]; ит. > пол.: pokonał Tancrediego; przy strzale Altobelliego [TL, N 12821 : 8]; англ. > нем.: die Arbeiten zur Beseitigung der Schäden des Hurrikans "Kate" [ND, 1985, N 276 : 5];

2) фр. > англ.: valley of the *Vologne* river [MN, N 3182 : 9]; пол. > фр.: l'hospital de *Zabrze* [l'H, N 12823 : 19]; пол. > фр.: Францја поконафа в *Reims* Југославију [TL, N 12821:8]; чеш. > нем.: im *Fučik-Park* [ND,1985, N 276 : 5]; 3) фр. > англ.: The French automaker *Renault* [MN, N 3179 : 9]; нем. > фр.: *Borussia Moenchengladbach* au Real de Madrid ќе disputa au *Rheinstadium* de *Düsseldorf* [l'H, N 12823 : 22]; 4) исп. > англ.: A runner-up was the "*Cajun Tomato Queen*", a fiery concoction of tomato juice, Tabasco sauce and *jalapeño* pepper oil [MN, N 3183 : 8]; англ. > фр.: commandant la brigade des *Pershing*, cantonnée en RFA [NM, N 2007: 5]; 5) исп. > англ.: Military manoeuvres *Cabañas-85* have gone underway in Honduras near the Nicaraguan border [MN, N 3169 : 6]; 6) фр. > англ.: In the past, works of art, such as Van Gogh's *Mangeurs de Pommes de Terre* and Renoir's *Nini* have been discovered there and bought for a song [MN, N 3174 : 9]; 7) исп. > нем.: Präsident der Christlich-Sozialen Volkspartei (*PPSC*) Nikaraguas [ND, 1985, N 276 : 2]; англ. > пол.: amerykańskie kompanie telewizyjne *NBC, ABC* i *CBS* [TL, N 12821:6]; 8) исп. > англ.: An abandoned army ground at St Ouen, just outside the city's fortifications, rapidly became one of the most popular sites for this sorting-out operation, it was *en route* to many of the well-to-do Parisians' favourite weekend haunts in the country [MN, N 3174 : 9]; англ. > нем.: Die... staatlichen Sparmaßnahmen wie auch die Notwendigkeit, weniger von fremden *Know-how* abhängig zu sein [ND, 1985, N 276 : 6]; фр. > нем.: die Kategorien *a, b, c* – die Kategorien *non-a, non-b, non-c* [Hildenbrandt 1972 : 23]; англ. > пол.: w konkurencji *kick-boxing* [TL, N 12821 : 8]; англ. > фр.: Le *chewing-gum* nicotine [l'H, N 12823 : 19]; 9) ирл. > англ.: *Och, I'm tired o your sufferins* [Shaw 1977 : 120]; фр. > англ.: *Peste!* said La Fleur [Sterne 1981 : 375]; "*Mon Dieu*", said Poirot [Christie 1976 : 64].

Прием графического цитирования так же древен, как и письменность. Бесчисленное количество цитированных письменных единиц других языков органически вошло в графемный, морфемный, словарный и фразеологический фонд заимствовавших их языков и теперь производит впечатление исконных форм. К числу подобных заимствований в европейских языках латинского письма относятся, например, буквосочетания *oc, ch, ph, qu, th*, воспринятые из латинской письменности, которая, в свою очередь, их появлением во многом обязана греческой графической системе. В результате многовекового относительно самостоятельного развития графические системы каждого из языков – в соответствии с его собственными потребностями – приобрели характерное своеобразие. Некоторые системы, будучи освящены традицией, отличаются такой мерой консервативности, таким несоответствием графики и фонетики, что это не только затрудняет обучение письму, но и осложняет повседневную практику пользования им. Не меньше трудностей представляет и использование новейших графических цитаций. Их широкомасштабное проникновение через каналы массовой письменной

информации в современных условиях хотя и делает возможным эффективный справочный поиск, однако в саму цитирующую систему неизбежно вносит огромное количество графемно-фонематических инноваций, кодифицированная интерпретация которых неуклонно вырастает во все более значительную по объему и разнообразию аспектов проблему. Возникающие инновации могут быть объединены в два типа: 1) заимствование новых букв, дополнительных знаков, их модификаций и сочетаний со свойственными им значениями и 2) появление новых фонетических значений у букв и сочетаний, свойственных самой заимствующей системе. Так, например, в графических цитациях из французского языка в английскую письменную речь проникают несвойственные английской письменности модификации букв *â, ç, ë, é, è, î, î, ô, æ, ü, û, û*, фонематическое сочетание /*eau*/ и др.; буквы *-d, -h, -s, -t, -x, -z* выступают с нулевым значением, буквы *g, j* — в значении [ʒ], *-l* читается, как [lj], *p* передает назализацию предшествующего гласного или обозначает [ŋ]; инновационные буквосочетания: *au* [ou], *eu* [ə:], *oi* [wɑ:], *ue* [ü], *ui* [üi], *ch* [ʃ], *-es, -ue* [нуль звука], *aill* [ai], *ll* [lj], [l], *ni* [nj], *ti* [sj] и др. В английских цитациях из немецкого языка чаще всего встречаются модификации букв *ä, ö, ü*, изредка диграф *ß*, обычно воспроизводимый как *ss*, буквосочетания *sch, tz*; *s* не свойственными английскому языку значениями выступают буквы *g* (*-ig*) [k] [h], *h* для обозначения долготы предшествующего гласного, *l* [lʰ], *v* [f], *z* [ts]; инновационные буквосочетания: *ch* [h], *ei* [ai], *eu* [əi], *ie* [i:], [i:], *oe* [ə], *sp* [ʃp], *st* [ʃt] и др. Не меньше инноваций привносится в английскую письменность и из других латиницей написанных языков. Абсолютное большинство заимствуемых таким образом орфограмм, находясь за рамками английских орфографических норм, уже не просто обогащает и без того сложную английскую орфографию, но из-за своего чрезмерного объема и текучести — по справедливому признанию ученых — составляет сегодня “наибольшую трудность современного английского правописания” [Балинская 1967 : 98]. Непоследовательность соответствий между написанием и произношением как следствие воплощения этимологического, исторического и морфологического принципов правописания очень рано вынудила английских лексикографов регулярно прибегать к транскрипции. В последние десятилетия в связи с усвоением большого количества иноязычных единиц путем графического цитирования составители словарей других языков также обращаются к транскрипции — частичной [Шведско-русский словарь 1962], выборочной [Норвежско-русский словарь 1963] или последовательной [Словарь сокращений русского языка 1983; Velký francouzsko český slovník 1974].

Среди языков кириллического письма к графической цитации чаще (но не в одинаковой мере) обращаются неславянские языки, то есть языки, которые имеют сравнительно не длительную письменную традицию на данном алфавите, а потому могут быть определены как младо-

кириллические. Сопоставление массовых изданий на языках тюркских народов СССР показывает, что среди них к графическому цитированию — в сравнении с другими способами воспроизведения иноязычных единиц — наиболее активно обращается крымскотатарский язык, тогда как, например, азербайджанский язык пользуется этим способом в минимальной степени, отдавая предпочтение практической транскрипции, и по данному признаку может быть приравнен к старокириллическим языкам — болгарскому, сербскому, македонскому, русскому, белорусскому и украинскому. Как и в случае латиницейных языков, остановим свое внимание на том из языков кириллического письма, который больше других отдает предпочтение этимологическому принципу орфографии, а именно — на крымскотатарском, предлагающем — благодаря этой его особенности — наибольший по объему и разнообразию материал.

До 1928 года крымскотатарский язык пользовался арабским письмом, с 1928 — приспособленным латинским алфавитом, а с 1938 года перешел на русский вариант кириллицы без применения дополнительных букв и модификаций. Графическими нововведениями являются здесь лишь буквосочетания *зъ* [г], *дж* [дж], *къ* [қ], *нъ* [ң] [Севортян 1966 : 235]. Таким образом, уже изначально основополагающим принципом крымскотатарской кириллической орфографии предвосхищалось использование неадаптированного графического цитирования в качестве основного способа воспроизведения и освоения прежде всего и главным образом русских языковых единиц. Статусом русского языка как языка межнационального общения не только между народами СССР, но и между народами стран социалистического содружества обуславливается тот факт, что и инославянская и неславянская (не известная по контактам, не опосредованная русским языком) непереводаемая лексика в крымскотатарской письменной речи цитируется также в русской графической интерпретации. Посредством графически неадаптированного цитирования воспроизводятся русские написания: 1) собственных имен людей, 2) географических названий и топонимов, 3) названий учреждений, организаций, заведений, предприятий, коллективов, агентств, изданий, программ теле- и радиопередач, произведений, моделей, технологий, мероприятий и пр., 4) сокращений и 5) апеллятивной этно-культурной лексики. Отметим одновременно, что здесь не встречаются, за отдельными исключениями, характерные для англоязычной литературы графически неадаптированные цитаты фразем, модальных слов, словосочетаний и междометий. Например: 1) *Рабиндранат Тагор*, *Николай Медведев* [ЛБ, № 3880 : 4], *Шарль де Голль* [ЛБ, № 3996 : 1], *Ху Яобан*, *Чжао Цзиян* [ЛБ, № 3990 : 4], но узб. *Фафур Фулом* > *Гъафур Гъулам* [ЛБ, № 3880 : 4]; 2) *Гринэм-Коммон*, *Ютландия* [ЛБ, № 3879 : 1], *Газа* секторы "сектор Газа" [ЛБ, № 3990 : 4], *Сантьяго* [ЛБ, № 3970 : 2], *Мари-Роз* сокъагъы "улица Мари-Роз" [ЛБ, № 3997 : 4]; 3) "*Лениздат*" нешрияты "издательство "*Лениздат*"

[ЛБ, № 3950 : 4], *"Саодат"* журналы "журнал "Саодат"" (из узб.), *"Шёл солдат"* фильми "фильм "Шел солдат"" [ЛБ, № 4020 : 4], *"Феруза"* халкъ ансамбли "народный ансамбль "Феруза"" [ЛБ, № 3964 : 4] (из узб.); *"Эрдэт"* 2Г4 зенгинлештирюв комбинаты "обогадительный комбинат "Эрдэт" 2Г4" [ЛБ, № 3965 : 2] (из монг.); *"Рейнбоу Уорриор"* гемиси "корабль "Рейнбоу Уорриор"" [ЛБ, № 3977 : 2]; *"Север"* ве *"Стык"* джыюв-сварка комплекслери "сборочно-сварочные комплексы "Север" и "Стык"" [ЛБ, № 3953 : 1]; 4) сокращенные названия промышленных объединений: *"Синтезкаучук"*, *"Автоваз"*, *"Сибсельмаш"*, *"Сибтекстильмаш"* [ЛБ, № 3892 : 1]; звуковые и буквенные инициальные аббревиатуры: СССР, КПСС, ВЦСПС, ВЛКСМ, АССР, НАТО [ЛБ, № 3894 : 4], УзССР Юкъары Совети "Верховный Совет УзССР" [ЛБ, № 4012 : 1], КПСС Меркезий Комитети = *Советлер Бирлиги Коммунист партиясынынъ* Меркезий Комитети "Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза" [там же]; ВЦИК (= *Бутюнсоюз меркезий иджра комитети* "Всесоюзный центральный исполнительный комитет") Реиси "Председатель ВЦИК" [ЛБ, № 3943 : 3]; РАОлар = *аграр-санайи бирлешмелери* "аграрно-промышленные объединения" [ЛБ, № 4018 : 2]; ЛЭП, ГЭС [ЛБ, № 3880 : 3]; АСУ, МЦНТИ = *Халкъара ильмий ве техника информациясыннынъ меркези* "Международный центр научно-технической информации" [ЛБ, № 3964 : 3]; ТАНЮГ агентлиги "агентство ТАНЮГ" [ЛБ, № 3959 : 2]; НАСА = *аэронавтика ве космик фезаны тедкъикъ этюв боюнджа миллий идаре* "Национальный комитет по аэронавтике и исследованию космического пространства" [ЛБ, № 3979 : 3]; *Эн-Бу-Си* [ЛБ, № 3882 : 2]; 5) КПССнинъ янъы редакциядаки *Программасы* "новая редакция Программы КПСС", *комплексли звенолар* "комплексные звенья" [ЛБ, № 4018 : 1], биринджи *стереоскопик кинотеатр* "первый стереоскопический кинотеатр" [ЛБ, № 4020 : 4]; СССР Юкъары Советининъ бу сессиясы "эта сессия Верховного Совета СССР", СССР *Министрлер Совети* "Совет Министров СССР", *Девлет планы* ве *Девлет бюджети* "Государственный план и Государственный бюджет" [ЛБ, № 4019:1]; *Толстолобик... белый амур, карп, сазан* балыклары "Рыбы толстолобик... белый амур, карп, сазан" [ЛБ, № 3960 : 2]; янъы *"блюдо"* новое "блюдо" [ЛБ, № 3895 : 4] и т.п. Только в заимствованных словах употребляются буквы *ц, щ*, а также нехарактерные для тюркских языков вообще стечения гласных и согласных, напр.: *"Цементник"* командасы "команда "Цементник"" [ЛБ, № 3880 : 4], но *Чар Русие* "Царская Россия" [ЛБ, № 3880 : 3]; *Анищев* [ЛБ, № 4012 : 8]; *"Фолькштимме"* [ЛБ, № 3903 : 4], *"Ньюсуик"* [ЛБ, № 3892 : 2].

Обзор графемно-фонематических особенностей цитированных письменных-единиц целесообразно построить по парам (группам) графем, параллельное употребление которых с тем же или другим реальным либо этимологическим значением усложняет исследуемую орфографическую систему.

А/Е. Во втором слоге названия столицы Таджикской ССР (тадж. *Душамбе* "понедельник") в соответствии с современной русской графической интерпретацией (рус., узб. *Душаңбе*, уст. рус. *Дюшамбе*) на месте фонетически закономерного *е* употребляется *а*, хотя в апеллятиве имеем *е*: *душенбе/базартеси* "понедельник"; ср. также *чаршенбе* "среда", туркм. *Душенбе*, азерб. *Душанбэ*, перс. [Дошамбэ], тур. *Düşenbe*. Аналогично в кр.-тат. языке воспроизводится и персидское название города *Хорремшехр* (перс. [Хоррамшäһр]): *Хуррамшахр* [ЛБ, № 3988 : 3], хотя персидское родовое географическое название [шäһр] "город" в крымскотатарском языке имеет вид *шеэр* при узб. *шаҳар*.

А/О, Я/Ё. Современный крымскотатарский язык функционирует в тесном взаимодействии с узбекским языком, что нашло отражение и в написании, рассмотренном выше. В частности, крымскотатарская газета "Ленин байрагы", орган ЦК КП Узбекистана, Верховного Совета и Совета Министров УзССР, на данных которой основаны наши наблюдения, постоянно помещает на своих страницах переводы статей и информационных сообщений узбекского телеграфного агентства УзТАГ и республиканских официальных материалов. А поскольку в современном узбекском литературном языке фонема /а/ сохранилась преимущественно в конечном открытом слоге, а исторически долгое /ä/ в начале тюркских слов и в архаических таджикско-персидских заимствованиях перешло в /о/ [Кононов 1960 : 446], соответственно и в крымскотатарских переводах при написании собственно узбекской непереводной лексики (кроме названий, в которых под влиянием русского образца пишется *а*: *Айбек*, *Асия*, *Бухара*, *Ташкент* при узб. *Ойбек*, *Осиё*, *Бухоро*, *Тошкент*) буква *о* на месте *а* крымскотатарских эквивалентов часто сохраняется. Вместе с тем, в переводах текстов УзТАГ, в оригинале составленных по-русски, и в крымскотатарских оригинальных материалах на "узбекскую" тему наблюдается тенденция к восстановлению исторического *а*, сохранившегося в крымскотатарском языке. Ср.: "*Нурафшон*" ансамбли "ансамбль "Нурафшон"" [ЛБ, № 3883 : 4]; "*Ёр-ёр*" кьадын-кьызлар оюн-йыр ансамбли "женский вокально-танцевальный ансамбль "Ёр-ёр"" [ЛБ, № 3946 : 4]; *Туймурод Нуров – Эргаш Халмуратов, Яязимхон Абдусаттаровна Кьодырова – Тулкьынай Фазилджановна Кьадырова* [ЛБ, № 3883:1].

Г/Кь. Данная непоследовательность наблюдается в цитировании азербайджанских и туркменских названий: *Каракараев/Гарагараев*; *Гурган сайлав округы* "Гурганский избирательный округ" [ЛБ, № 3887 : 1] – кр.-тат. закономерное *Кьургьан*, *Кьаракьараев*.

Г/Гь/Х. Это графическое колебание состоит в разном графическом воспроизведении инотюркского (Ғ), а также германского и арабо-персидского /h/ в цитациях из русского языка и в транслитерациях и транскрипциях с русского и узбекского языков, напр.: *Сагды Хасанович Сираджинов* [ЛБ, № 3883 : 1]; *Ашхабад* [ЛБ, № 3887 : 1] – туркм.

Ашгабат с проточным [г]; *Г.Х.Къадыров/Гъ.Х.Къадыров* [ЛБ, № 3884 : 1/3900:1]; *Гъждуван районы "Гиждуванский район"* [ЛБ, № 3987 : 2] — узб. *Гиждуван*; *Багдад* [ЛБ, № 3988 : 3]; *"Нэшнл геральд"* [ЛБ, № 3974 : 2] — англ. *herald*; *Йоганнес Пау* [ЛБ, № 3986 : 1] — нем. *Johannes*; *"Вархайт" газетасы "газета "Вархайт"* [ЛБ, № 3970 : 2] — нем. *Wahrheit*; *Стокгольм* [ЛБ, № 3891 : 2] — швед. *Stockholm*; *Гаага* [ЛБ, № 3979 : 3] — голл. *'s-Grávenhage, Den Haag*; *Тегеран* [ЛБ, № 3950 : 1] — перс. [Тэһран] и т.п.

Е/Ё. Русская буква ё, которую предложил Н.М.Карамзин, имеет два значения, а е — четыре: [бэ] — *вес* [в^{бэ}с], [йэ] — *ель* [йэл^б], [бо] — *свёкла, свекла* [св^бокла], [йо] — *ёлка, елка* [йёлка] [Иванова 1966 : 52].

При воспроизведении русских собственных названий, а иногда и аппелятивов в крымскотатарской письменной речи (в крымскотатарской графике буква ё обязательна) орфографически необходимая буква ё на месте узуальной е в значении [бо], [йо] очень часто не восстанавливается, хотя в заимствующем языке воспринятые слова уже не стоят "в определенных рядах подобных же слов" и произношение их нельзя назвать хорошо известным. Например: *Лизачев, Березово ГРЭСи, Гусиноозерск ГРЭСи* [ЛБ, № 4012 : 6]; *Орел, Могилев, Кишинев* [ЛБ, № 3894 : 4]; *Б.Хнеупек* [ЛБ, № 3965 : 2] — словац. *Шћоупек*; ср. туркм. *Серегин/Серёгин, Лаценов, но самолёт, браконьёр* [СТуркм., № 14756 : 3; 14757 : 2–3]; каз. *Пономарев, "Шахтёр"* [СК, № 15724 : 3], *Алешин* [ЛЖ, № 9353 : 1], *Қаланың орталығында еткізілген "слетке" қатысушыларды полицияның ірі отрядтары... қорғады "Участников "слёта", который проводился в центре города, охраняли... большие отряды полиции"* [Жет., № 7818 : 3].

Е/Э. По правилам русской орфоэпии согласные перед /е/ палатализируются. Это относится и к согласным *т, д, н*, которые в тюркских языках — за исключением урумского языка, тракайского диалекта караимского языка, гагаузского языка, отчасти армяно-кыпчакского и некоторых других — вообще не смягчаются. Несколько других согласных (главным образом *п, б, м, ф, в, к, г*) палатализируются в значительной степени. Еще некоторые (*л*), а в конце слова также свистящие) имеют палатальные варианты. Осуществляемое на фоне указанной русской орфоэпической оппозиции перенесение в крымскотатарскую письменную речь русских написаний с е и э закономерным образом нарушает правила, регламентирующие палатализацию согласных, и существующее соотношение между сочетаниями графем и звуками. Так, наряду с обоснованными с точки зрения крымскотатарской орфографии и орфоэпии написаниями иноязычных (не русских) слов типа *Тейлор* [ЛБ, № 3975 : 2], *Ортега, Папандреу* [ЛБ, № 3979 : 3], *Деконсини, Пелл, Сарбейнс, Уорнер, Генри* [ЛБ, № 3983 : 1–2] и под. отмечается преимущественное использование э, которым при избыточном усилении внимания на непалатализируемости согласных перед

/e/ одновременно косвенным образом указывается на возможность такой палатализации при употреблении *e*, что с достаточной очевидностью подтверждается и цитациями русских слов, ср.: *Тэтчер* [ЛБ, 3879 : 1]; *Сихотэ-Алинь ве Лазо заповедник-леринде* "в заповедниках Сихотэ-Алинь и Лазо" [ЛБ, № 4021 : 4]; *Кэмп-Дэвид, Мэрфи* [ЛБ, № 3976 : 2]; *Бэрд, Сэрбейнс* [ЛБ, № 3883 : 1]; "*Револьюшон Африкан*" [ЛБ, № 3975 : 2]; *Легэ* [ЛБ, № 3929 : 1]; "*Шахнамэ*" [ЛБ, № 3918 : 4]/*низамнаме "положение"* [ЛБ, № 3975 : 2]; каз. *Жискар д'Эстэн* [СК, № 15724 : 3], *Вэнник* [ЛЖ, № 9353 : 2]; туркм. *Панэ, Бэртон* [СТуркм., № 15088 : 1; 3]; азерб. *Пане* [Ком., № 15539 : 1] — *Коптев, Кузнецов* [ЛБ, № 3880 : 1]; *Воронеж, Депутатск* [ЛБ, № 4012 : 6], азерб. *Каде-жин, Лебедев* [Ком., № 15539 : 2].

Е/Я. В старых заимствованиях названий стран на [-йа] с предшествующим гласным переднего ряда конечный /а/ подвергался прогрессивной палатальной ассимиляции и переходил в /е/: *Русие, Белорусие* [ЛБ, № 3891 : 3], *Тюркие* "Турция" [ЛБ, № 3879 : 1]. В цитируемых иноязычных названиях нового времени такого перехода не происходит: *Ютландия* [ЛБ, № 3894 : 4], *Швейцария* [ЛБ, № 4015 : 1].

Ё-/ЙО-. Буквосочетание *йо*, характерное для графических систем большинства тюркских языков, а также для украинского языка, в русской орфографии, где /й/ в сочетании с последующими гласными передается по слоговому принципу, имеет транслитерационное происхождение и используется только в заимствованных лексемах — в начале слова (слога). Крымскотатарский язык, который в данном случае тоже придерживается слогового принципа, к буквосочетанию *йо* прибегает в цитациях тех же иноязычных слов, которые тождественным образом передаются в русской письменности, напр.: *Йотов* — из болг. [ЛБ, № 4006 : 4]; *Яньыёл районы* "Яниельский район" [ЛБ, № 4007 : 1].

Ж/ДЖ. Орфографическое колебание *ж/дж* отмечается в написании узбекских собственных имен: *Набижон Гъаниевич Къурбанов — Халимхон Мамаджанова* [ЛБ, № 4022 : 3]; ср. узб. *Озарбайжон* из азерб. *Азербайжан*. Примечательно, что и в других тюркских языках, располагающих специальным знаком для аффрикаты /дж/ (*жс, ж*) в цитациях иноязычной лексики по русским источникам вместо специальной графемы также наблюдаем сочетание *дж*, напр.: уйг. *Киссинджер / жэмйэт* "общество" [КТ, № 2968 : 1]; гаг. *Хаджикой/Хайкикей*.

И/Ы. По правилам русской орфографии после букв *ж, ш, ц, ч* — за известными исключениями — пишется *и*, читаемое (произносимое) как /ы/. В крымскотатарском языке звуку /ы/ соответствует буква *ы*, а звуку /и/ — буква *и*, использующиеся строго координированно и в сочетании с *ж, ш, ч*, равно как и с другими буквами, обозначающими согласные. Однако в русских и узбекских цитациях, несмотря на это, русское и узбекское *и* в значении /ы/ сохраняется: *Ворошилов* [ЛБ, № 4018 : 4], *Дубошин* [ЛБ, № 3887 : 1], *Кулешин* [ЛБ, № 3880 : 1], *Ельцин* [ЛБ, № 4012 : 7], *Жийдали* [ЛБ, № 4009 : 4], *Маджитов*

[ЛБ, № 4026 : 1], *Мустафа Чачи* [ЛБ, № 4018 : 1]; ср. азерб., туркм. *Ондржих* [Ком., № 15539 : 1; СТуркм., № 14757 : 1]; каз., уйг. *Шитиков* [СҚ, № 14678 : 1; КТ, № 2968 : 1]. Сохраняемая в цитациях буква *и* в этих и других случаях (в сочетании с буквами, обозначающими несмягчаемые согласные) исподволь указывает на не свойственную тюркским языкам палатализацию предшествующего согласного: *Николай* [ЛБ, № 3880 : 4], *Халхин-Гол* [ЛБ, № 4020 : 4] — из монг. *Халх* (ын) *гол*; *Айтимбетов* [ЛБ, № 4018 : 4]; ср. азерб. *Родионов*, *Панин*, *Жабински* [Ком., № 15539 : 2–3]; туркм. *Илюшкин*, *Нихауз* [СТуркм., № 14757 : 2].

-И/-ИЙ, -Ы/-ЫЙ. Данное колебание встречается при цитировании славянских и арабских (узбекских и др. арабского происхождения) адъективных образований: *Озерный* [ЛБ, № 4012 : 6], *Стриньковский* [ЛБ, № 4017 : 4], *Ожеховский*, *Кемпный* [ЛБ, № 4017 : 1], *Боруцкий* [ЛБ, № 3983 : 2], *Йозеф Черны* [ЛБ, № 3985 : 4]; *Навоий*, *Беруний* [ЛБ, № 3880 : 4], *Айний* [ЛБ, № 4020 : 4] при регулярном крымскотатарском *меркезий* "центральный", *сиясий* "политический"; ср. туркм. *Жандаровский* [СТуркм., № 14757 : 1]. Более показательное сохранение буквосочетаний *-ий*, *-ый* в казахских переводах, так как здесь звукосочетания /йй/, /ый/ по общему правилу должны передаваться буквой *и* (*саяси* (сайасый) "политический", *әдеби* (әдебий) "литературный"), напр.: *Геннадий* [СҚ, № 15724 : 2], *Подгорный* [СҚ, № 16678 : 1].

У/Ю. Губные переднерядные гласные /ө/, /у/ литературного крымскотатарского языка сильно депалатализованны в анлауте и первом слоге после губных и заднеязычных взрывных *б*, *п*, *м*, *к*, *г*, нерегулярно также после *дж*. Графически они передаются через *о*, *у*: *озь* (из *вз*) "сам", *учь* (из *уч*) "три", *боль-* (из *бөл-*) "делить", *муче* (из *муче*) "орган", *джурь-* (из *джур-*) "ходить" [Севортян 1966 : 236]. В других комбинаторно-позиционных условиях гласные /ө/, /у/ своего качества не теряют и обозначаются буквами *ё*, *ю*, напр.: *ёнеп кет-* "уезжать", *сёзь* "слово", *дёрть* "четыре", *чёлъ* "поле", *юзь* "лицо", *дюльбер* "красивый", *тюшюн-* "думать", *омюр* "жизнь", *мектюп* "письмо", *козюм* "мои глаза" и под. В графических заимствованиях-цитациях из русского языка в связи с этим заслуживает внимания последовательное сохранение буквы *ю* в любом слоге, причем как в собственно русских словах, так и в заимствованиях из других языков через русский: *"Салют-7"*, *Союз-14* [ЛБ, № 4017 : 1], *Брюссель* [ЛБ, № 3928 : 3], *Мюфем* [ЛБ, № 3965 : 2], *Дюма* [ЛБ, № 3996 : 1]. Буква *ю* сохраняется в аналогичных графических цитациях также в языках, где для обозначения /у/ имеется соответствующая буква (*у*), напр.: каз. *Артюк* [Жет., № 7820 : 1], *Николай Карелюк* [Жет., № 7818 : 4], *"Чюманите"*, *Мюрвиль*, *бюро* [СК, № 15724 : 3–4], туркм. *Бабюх*, *Долюс* [СТуркм., № 14757 : 1]. Колебание *у/ю* характеризует воспроизведение тюркских собственных имен, содержащих гласный /у/: *Тюркие* "Турция", *тюрклер* "турки" [ЛБ, № 4018 : 4], *Туркменистан* [ЛБ, № 3885 : 4],

Туркстан комиссары "комиссар Туркестана" [ЛБ, № 4022 : 4], *Нукүс* [ЛБ, № 3994 : 1] — из ккалп. *Нөкис; Шүкүров/Шүкүров* [ЛБ, № 3880 : 2]. Ср.: азерб. *Туркија, Мүнхен, Бабјух* [Ком., № 15539 : 1–3]; уйг. *Туркия, Мюнстер-плац, Грюневальд* [КТ, № 2968 : 1; 4].

Я/ЪЯ ~ ЪЯ. В крымскотатарской реализации данной русской орфографической оппозиции противоречивость возникает в случае механического перенесения морфологически не обоснованной русской транслитерации азербайджанского буквосочетания *ja* через *я* в начале второй части составного слова по общему правилу для простых слов типа *мајак, октјабрь* — *маяк, октябрь*, как, например, это имеет место при воспроизведении фамилии *Аллахјарова: Гуляндам Аллахярова* [ЛБ, № 3898 : 4] вместо закономерного *Аллахьярова*. Ср. морфологически обоснованные русские транскрипции турецких географических названий: *Акъятан, Антакья, Кютахья* — *Akyatan, Antakya, Kütahya* [ТРС : 951, 952, 955].

К/КЪ. Согласный /қ/ по-русски воспроизводится буквой *к*, которая не дает адекватного представления об этом звуке. И хотя в самом крымскотатарском языке данный звук имеет специальное обозначение (*къ*), в графических цитациях из тюркских, арабского и других языков через русское посредничество русское *к* сохраняется, даже если это касается генетически или географически близких языков. Чувствуя ложность буквальной цитации в данном случае, переводчики обращаются к орфографическо-орфоэпической транслитерации-транскрипции и на месте русского *к* употребляют *къ*. Иногда такое "исправление" оказывается ложным. Например: *Зия-уль-Хак* [ЛБ, № 3909 : 2] / *Зия-уль-Хакъ* [ЛБ, № 3904 : 2]; *Балтыкъ денъизи* "Балтийское море" / *Адриатика денъизи* "Адриатическое море" [ЛБ, № 3885 : 4]; *Кабардин-Балкар АССРи* "Кабардино-Балкарская АССР" / *Къабарда-Балкъар шаири* "поэт Кабардино-Балкарии" [ЛБ, № 3894 : 1 / № 4017 : 4]; *Курбанов/Къурбанбаев, Кадыров/Къадыров* [ЛБ, № 4012 : 8; 4015 . 1]; *Баканас, Курган, Балкаш, Кустанай* / *Къазахстан* [ЛБ, № 3985:1] — из каз. *Бақанас, Қорған, Балқаш, Қостанай, Қазақстан*; *Куттымуратов* [ЛБ, № 4018 : 4] — из ккалп. *Куттымуратов*; гиперизм: *Барданкюль* [ЛБ, № 3887 : 1] / *Барданкуль* [ЛБ, № 3888 : 1] — из узб. *Бордонкул*; *Барктабас Джаларов* [ЛБ, № 3887 : 1] — из криг. *Барктабас* (звуки /қ/ и /к/ по-киргизски передаются одной буквой *к*).

НГ/НЪ. Согласный /ң/ в крымскотатарском языке обозначается сочетанием *нъ*. В то же время в русских транслитерациях кириллических и латинских написаний он обозначается — по образцу латинского диграфа *ng* — буквосочетанием *нг*. Соответственно и в крымскотатарских цитациях из русских источников *нг* сохраняется, не замещаясь буквосочетанием *нъ* даже в тюркских названиях: *Вашингтон, "Боинг"* [ЛБ, № 3975 : 2]; *Тенгиз нефть ве Къарачагъанакъ газ конденсаты ятакълары* "Тенгизское нефтяное и Карачаганакское газоконденсатное месторождения" [ЛБ, № 4012 : 6] — из каз. *Теңіз* при кр.-тат. *денъиз*

"море"; ср.: узб. *Денгиз буйи тоғлари* "Приморские горы"; каз. *жуґеринін "Стерлинг" сорты* "сорт кукурузы "Стерлинг"" [СК, № 15724 :1].

Ь/-: 1) В русских цитациях ь, обозначающий мягкость согласного и раздельность произношения, сохраняется. 2) Это имеет место и в том случае, когда при словоизменении в соответствующем слове согласный утрачивает мягкость и буква ь исчезает. 3) Отдельно стоит вопрос о сохранении ь в инотюркских названиях. Например: 1) Сибирь, январь [ЛБ, № 3885 : 4]; *профессиональ шоферлар* "шеферы-профессионалы" [ЛБ, № 3948 : 3]; 2) *область / Фергана областындаки* "Ферганский областной" [ЛБ, № 3888 : 1]; *Куриль адалары* "Курильские острова, Курилы" [ЛБ, № 3924 : 3]; ср. узб. *Курил ороллари*, кбалк. *Куриль айрымканда*, тур. *Kuril adalari*; 3) *Къашкъадарья область партия комитети* "Кашкадарьинский областной партийный комитет" [ЛБ, № 3888 : 1].

При графической цитации вследствие использования разных источников или в результате ложного морфологического анализа воспроизводимых словоформ возникает морфологическая вариативность. Примером последней может быть восприятие форм косвенных падежей в качестве форм именительного падежа: *Е.Н.Парубкагъа* [ЛБ, № 3880 : 2] — из укр. *Парубок*; *Христиан кильселери векильперининь консультатив корюшювинде неветнен реислик япыджылар доктор Э.Поусту (АКЪШ) ве доктор К.Тотугъа (Венгрия)* "Сопредседателям консультативной встречи полномочных представителей христианских церквей доктору Э.Поусту (США) и доктору К.Тоту (Венгрия)" / *доктор Э.Поуст (АКЪШ) ве доктор К.Тотгъа* [ЛБ, № 3880 : 1/3882 : 2].

Особым случаем графической цитации является цитирование словосочетаний, в частности сложных и составных наименований, которые в цитирующем языке сохраняют внутреннюю грамматическую структуру и поэтому во время речевого акта (активного или пассивного — написания или чтения) анализируются по правилам языка-источника. Подобным образом цитируется, например, русский перевод немецкого города Франкфурт-на-Майне: *Гамбург, Франкфурт-на-Майне ве Кёльн шезрлеринде* "в городах Гамбурге, Франкфурте-на-Майне и Кельне" [ЛБ, № 3904 : 2]. Ср. нем. *Frankfurt am Mein*, фр. *Francfort-sur-le-Main*, англ. *Frankfort on the Main*, пол. *Frankfurt nad Menem*. Очевидно, калькирование представлялось переводчику неприемлемым ввиду неизбежного изменения порядка слов: *Майндаки Франкфурт*; ср., однако, эст. *Maini-äärne Frankfurt*.

Разумеется, грамматический анализ внутренней структуры цитируемых словосочетаний по правилам языка-источника имеет место в случае двуязычия автора цитации, с одной стороны, и читателя, с другой. И в первом, и во втором случае применение иноязычного анализа в рамках речевой деятельности на своем языке должно рассматриваться коммуникативно смешанного употребления двух языковых систем.

Подобное совместное оперирование двумя языковыми системами обычно наблюдается при цитированном воспроизведении иноязычных сокращений, развернутые эквиваленты которых в цитирующем языке имеют другие инициалии. Возрастание количества графически цитируемых словосочетаний, сложных слов, сложносокращенных слов и аббревиатур как своего рода скрытых словосочетаний, непременно подвергаемых анализу при написании и произнесении (прочтении), значительно повышает толерантность письменной, а затем и устной речи к смешению билингвально связанных систем. При отсутствии двуязычия (у вторых лиц, пользующихся готовыми цитациями; у носителей языка, состоящего в опосредованном — при помощи третьего языка — контакте с языком-источником) использование письменных цитаций с таким анализом не связано, но тем не менее обращение к ним с равной неизбежностью вносит изменения в соотношение между графикой и фонетикой, хотя и происходит на сей раз в рамках самой цитирующей языковой системы, без смешения языковых навыков.

1, 2. *Графическое изображение.* Как отдельный вид "перевода" графическое изображение впервые выделено в шестидесятые годы. Дж.Кэтфорд называет его "графологическим переводом" (*graphological translation*), при котором графические единицы оригинального текста изображаются при помощи эквивалентных по внешнему виду графем языка перевода. Признавая вопрос "графологического перевода" неразработанным, Дж.Кэтфорд приводит примеры возможного изображения кириллических слов латиницей и латинского слова арабским письмом: ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА = ЖЕЛТШАР АРОЛА, спутник = спутник, СПУТНИК = СПУТНИК, Arabic = *Arabic*, а также указывает на возможность изображения греческих букв *α*, *η* латинскими курсивными *a*, *n*. Одновременно утверждается, что возможности применения данного приема ограничены кругом графических систем, имеющих похожие буквы или по крайней мере подобные элементы букв [Catford 1974 : 62–65]. Продемонстрированный Дж.Кэтфордом прием воспроизведения мы определяем как целостно-последовательное (побуквенное, поэлементное) отображение (имитация). Утрата семантики оригинала в случае такого графического воспроизведения — главная причина отсутствия в переводческой практике заметного количества примеров его применения. Так, русская аббревиатура НТР (научно-техническая революция) в тексте английского перевода изображается следующим образом: *Exhibition "Scientific and Technical Progress-85" (Russ. abb. NTP-85) [MN, № 3169 : 14]*. Намек на подобное графическое отображение (а равно и фонетическое) наблюдаем в лат. EXODUS, фр. EXODE, старорусском ИСХОДЪ, воспроизводящих греческое название второй книги пятикнижия ΕΞΟΔΟΣ. Показательный случай имел место в речевой практике Г.Шухардта: "Беседуя однажды в Риме по-французски, я вдруг забыл французское *aussi* (также) и стал употреблять вместо него итальянское *anche* (здесь, возможно,

сыграл известную роль зрительный образ немецкого *auch*)” [1950 : 266].

Графическое изображение как способ беспереводного графическо-го воспроизведения оригинального написания зиждется на использовании графическо-изобразительной функции письма, к которой мы прибегаем в своей повседневной практике постоянно. Стихи и проза в виде различных изображений распространены с древнейших времен. В арабописьменной литературе, как хорошо известно, внешний облик отдельных букв непременно ассоциировался с определенным содержанием. К примеру, буква *ا* (алиф, элиф) связывалась с понятиями стройности, буква *د* (даль) — со сгорбленностью, склоненностью. Эти значения в роли лексических закрепились и за названиями этих букв. Ср. в турецком языке: *elif gibi* “высокий, стройный, как алиф”; *boyu dala dönmuş* “он весь сгорбился; он превратился в даль”: В казахской поэзии: *Әлиф дек ай йүзіңе Ғубрат еттім* “Твое тонкое лицо, подобное элифу, я уподобил образцу” [Абай, т. 1 : 29]. Аналогичным графическо-изобразительным содержанием наделены в цитируемом стихотворении Абая Кунанбаева арабские диакритические знаки — мадда (˘), ташдид (◌̣), сукун (◌◌̣) : *мэт — қасың, тәштит — кірпік, секін — кезін* “твои брови — мадды, твои ресницы — ташдиды, твои глаза — сукуну” [там же : 30]. Ср. также в узбекских стихах Алишера Навои [Навоий асарлари лугати : 41; 347; 574], в персидском фольклоре [Персидские пословицы... 1973 : 319; 344]. Аналогично — в графическо-изобразительной функции — используются и латинские буквы V, X, Z в английской речевой практике, что отчасти отражено и в переводе: V-type “строй клина; клинообразный”, X-cut (crosscut) “поперечный разрез”, X-engine “двигатель с X-образным расположением цилиндров”, ZZZ (zigzag) “зигзаг; зигзагообразный” и под. При письме на пишущей машинке (при отсутствии специальных знаков для римских цифр) последние регулярно обозначаются (изображаются) похожими буквами, к примеру, кириллического алфавита: I — I (укр. заглавное і), II — П, III — Ш, V — У, X — Х.

Ч а с т и ч н о е г р а ф и ч е с к о е и з о б р а ж е н и е и н о я з ы ч н ы х письменных единиц может осуществляться, как показывает материал, в отношении отдельных букв или элементов, которые в воспроизводящей графике имеют фонетически тождественное значение (прямое отображение) или отличное (ассоциативное отображение). Этот способ беспереводного воспроизведения на уровне графем может оказывать влияние как на развитие внешних черт воспроизводящих графем, так и на инвентарь воспроизводящего письма. Рассмотрим его на примере армянского письма в его взаимодействии с греческим, латинским и польско-латинским.

Приблизительно после XII в. армянский алфавит, созданный в начале V в. Месропом Маштоцом в количестве 36 букв путем развивающей модификации греческой графики, был дополнен буквами O, o (օ) и

и т.п. Однако опосредованная связь все-таки существует, что будет показано ниже. Орфографическое подражание прямо связано с развитием особенностей письмоупотребления и согласуется с эмпирически выработанными и теоретически обоснованными правилами правописания — употребления букв и знаков препинания. На материале армяно-кыпчакских актов хорошо прослеживается влияние польско-латинской орфографии на армяно-кыпчакскую именно за счет орфографического подражания. В наиболее ранней из актов книг (Акт. КП 8), выполненные скорописью (нотргиром) записи разделены прямыми горизонтальными линиями. Сбоку, на полях, в прямоугольной рамке либо между двумя горизонтальными линиями с маленькой буквы написаны имена истца и ответчика — участников судебного разбирательства. Большая буква употребляется в начале предложения или логически выделенной части предложения. В конце предложения или логически выделенной части ставится знак (:), который в армянской графике выполняет роль точки. Членение текста с помощью данного знака и большой буквы часто не совпадает. Знак (.) , как правило, ставится в месте любой паузы и потому не может считаться в данной книге не то что эквивалентом запятой, но и словоразделительным знаком в подлинном смысле слова, ибо нередко ставится и между частями слова. Такой порядок оформления характеризует записи на всех трех языках: армянском (л. 21 об. — 87), кыпчакском (л. 88 — 298 об.) и польском (напр., л. 85 об., записи 3; 5; л. 86, запись 1). Записи на л. 1—21, выполненные преимущественно после окончания текущих актов записей судебных разбирательств, оформлены в соответствии с нормами своего времени и, как и записи последующих актов книг, начиная уже с книги Акт. КП 11, отличаются композиционным и графическим выделением заглавий. Последние выполняются большими буквами (заглавные буквы делаются почерком болоргир — круглым письмом) посередине отдельной строки перед текстом. В первых книгах в заглавие выносятся имена участников, а в последующих — также названия актов. Здесь с большой буквы, преимущественно почерком болоргир, пишется первое слово составного имени (1), хотя исключения еще нельзя считать редкими (2). Для ранних заглавий характерно отсутствие интервалов между словами, образующими составное имя. Результатом графического подражания является употребление большой буквы в написаниях почтительных выражений, в том числе сокращенных (3). К внутритекстовым инновациям принадлежит применение знаков препинания, среди которых особое внимание обращает на себя использование круглых скобок для выделения вводных единиц текста (4). Например: 1) *Յըւշէկընըւշըւշըւշի օր*. [*Եւշըկընըւշըւշի օր* : [Акт. КП 11; 25 об., 35] *Օւանէսըւշբաբաս օր*. [Ованес, Гүз бабас օрлу] "Ованес, сын священника Гюза"; *Եւշըկընըւշըւշըւշի զըւրբը. Նորիկըւշը կիժնը օր*. [Акт. КП 11 : 26, 27] *Կաչ'երբէս աһրոննը կըւի'ы. Норсёснi сiмон օր*. [Хачерес

Ааронның квіты Норсєсні Сімон оглун] "Расписка Хачереса, сына Аарона, Норсесу, сыну Симона"; 2) *Բան Իվաշքօ: Կ'վիտ: ծոնիցն:* [Пан Івашко квіт Донігні] "Расписка пана Івашко Донигу"; 3) *Արաշարհ Էջնարևարհի և Կ* [Ат-алары к'єнсіларінынг] "Их Отец"; *սօրչ փրխի Կրիար Կրաշարհ և Կրաշարհի Պիլիբի Թրիսի* [борч білінділәр Ағалыхк а Аларның Бійлікләріна] "они признали долг Их Величествам Старейшинам" [Акт. КП 42 : 114 об., 15; 25]; 4. 7. [там же : 16] *А (нынз) Б (iўлiкi) "Их Величество";* 4) *Գրեղնաք հրդր էր նէրէ տա թօլլեհէ փարհորր րուբոսի տօսցօս արայ աթուտան բուճուղան նհէրէ օղիս տանտանեհիտան (էրիարհր օլ էիւսըլարի Բլբօ խայր էր տրիս խանօսանր, սօսար) փարանր քիարդարաթ* [Акт. КП 40 : 11 об., 21–23] *зезнат ётти кі нєч'ік дā к'олвєєк' бар-єдiр рухօмый дօбрօм алай алт'ундан к'ўмўштāн нєч'ік' օзгā данданєєгдāн (ч'ыхарып ол к'єсāк' л'арни т'ылк'օ хайсі к'і ашаһа мєанованый болсар) барч'аны к'єтāргаласын* "он заявил, что пусть будет израсходовано все мое движимое имущество, в каком бы виде оно не существовало — в золоте, серебре или в виде других ценностей (за исключением только тех частей, которые будут поименованы ниже)".

Современные орфографические виды подражания в оформлении документации, печатных изданий, рекламы, разного рода надписей информационного, идеологического, пропагандистского, научно-технического характера оказывают, несомненно, гораздо более существенное влияние на развитие воспроизводящих графических систем, чем это имело место в случае армяно-кыпчакских рукописных и печатных текстов XVI–XVII вв. Однако принципиальный характер связи между данным способом воспроизведения иноязычных письменных единиц и развитием систем письма остается тем же. Причем и здесь, как и в случае неадаптированного графического цитирования, возникают закономерные противоречия. Возьмем, к примеру, подражательное употребление большой буквы при написании крымскотатарских переводных вариантов русских составных собственных наименований. По правилам русской орфографии в русских составных собственных названиях типа *Союз композиторов Украины, Великая Отечественная война, Родина-мать* с большой буквы пишутся частные определения и первое слово (в том числе сочетания с приложением). Родовое имя и родовое определение пишутся с маленькой буквы: *Великая Октябрьская социалистическая революция*. Аналогично — но только при отсутствии линейных перемещений родовых компонентов — воспроизводятся подобные названия и по-крымскотатарски: *Улу Октябрь социалист революциясы, Улу Ватан дженки "Великая Отечественная война"; Ворошилов адына Рязань пияделер окъув юрту "Рязанское пехотное училище имени Ворошилова"* (ЛБ, № 4018 : 4). Но если русское составное собственное название начинается с нарицательного, родового слова и после закономерного перемещения компонентов в переводе на первом

1. ІЛІАДА

2. *Пісневала
глифоті*

3. *Сотаруставелі*

4. АЦАВАН

5. *Галыкнаме*

6. *Казак
эпосы*

7. КОДИ
ПРОБУДИТСЯ
ПОДЯ

8. БІРОБІДЖАН

9. Л О В О
О П Л З К У
И Г О Р Е В Ъ

В УКРАЇНСЬКИХ
ХУДОЖНИХ
ПЕРЕКЛАДАХ
І ПЕРЕСПІВАХ

10. ГО СЮЙ

Р Д Э П Р Д
І Т А В Ц И
К Р И Л А

11. НЕК ІГОР
НАВАРОЛ

Стилізація кирилицы под: 1 — греческое унциальное письмо [Гомер 1978]; 2 — латинскую готику [Еразм Роттердамський 1981]; 3 — грузинское мхедрули [Руставелі 1940]; 4 — армянский болоргир [Зар'ян 1958]; 5 — арабское суло (сюлюс) [Гашык-наме 1976]; 6 — арабское куфи [Казак эпосы 1958]; 7 — индийское деванагари [Чандар 1957]; 8 — еврейское [Біробіджан 1940]; 9 — старославянское [Слово 1953]; 10 — иероглифическое китайское [Го Сюй 1959]; 11 — стилизация латиницы под старославянскую кириллицу.

месте оказывается имя собственное, а на втором нарицательное, родовое, на практике возникают неожиданные с точки зрения подражающей орфографической системы написания с большой буквы нарицательных, родовых имен, определений в середине и с маленькой буквой в начале: составного собственного наименования *ана-Ватан, СССР Журналистлар союзы "Союз журналистов СССР"* [ЛБ, № 4017 : 4]; *С.И.Вавилов адына Девлет оптика институты "Государственный институт оптики имени С.И.Вавилова"* [ЛБ, № 4018 : 4]; *Узбекистан Композиторлар союзы "Союз композиторов Узбекистана"* [ЛБ, № 4020 : 3]; *СССР Девлет (/девлет) аграр-санайы комплекси комитети "Государственный комитет аграрно-промышленного комплекса СССР"* [ЛБ, № 4018 : 1]. Подобное явление наблюдаем в русском языке при транслитерации иноязычных аббревиатур, образованных из двух или нескольких начальных букв слов соответствующего полного составного наименования: рус. ФРЕЛИМО, укр. ФРЕЛІМО — из фр. FRELIMO (*Front de Libération du Mozambique*); однако ср. собственные аббревиатуры такого же образования: БелАЗ, КамАЗ и под.

Известной популярностью в оформлении переводных изданий пользуется стилизация букв переводящего языка под графику языка оригинала. Этот способ воспроизведения внешнего вида иноязычных письменных единиц можно определить как не прямое, стилистическое графическое отображение, или короче — как графическую стилизацию, поскольку иноязычный текст воспроизводится не по графемно, а стилизованно. Графическая стилизация широко применяется и при оформлении непереводаемых, оригинальных текстов, тематически связанных с языком, культурой, этносом, использующими соответствующую графику, а равно и с периодом собственной истории, в которой использовалась отличная графика. В указании на эту связь и состоит, собственно, коннотативная функция графической стилизации. В качестве иллюстрации приведем примеры стилизации современной кириллицы под греческое унциальное, латинское готическое, грузинское мхедрули, армянский болоргир (круглое), арабское, индийское деванагари, еврейское, старославянское, иероглифическое китайское, а также латинского венгерского письма под старославянскую кириллицу (см. с. 164). Заметим, что еще большим колоритом обладает подражательное отображение инициалей, исполнение которых уже в оригинале характеризуется неповторимой индивидуальностью и одновременно — для определенного текста, произведения, книги, школы — целостностью типизации. Стилистическое графическое отображение внешних особен-

ностей иноязычных единиц письменной речи оказывается, таким образом, одним из наиболее действенных факторов развития рукописного и печатного шрифтового богатства воспроизводящей графической системы.

1,3. *Неадаптированное устное цитирование* характеризует речевую деятельность билингов, активно пользующихся двумя языками и применяющими этот способ воспроизведения иноязычных единиц при устном описании ситуаций, ранее уже вербализованных на другом языке: в речевом произведении на данном языке часть обозначений формулируется самостоятельно на этом языке, некоторая другая — в виде перевода иноязычных обозначений, третья — дается в виде устных цитаций. Соотношение между языковыми системами в рамках соотносимых единиц, используемых в конкретном речевом акте и образующих тем самым билингвальную пару единого содержания, может быть либо координативным (при соотнесении разноязычных единиц тождественного смысла), либо субординативным (при образовании единицы данного языка по иноязычному прототипу). Адекватными письменными воплощениями данного способа воспроизведения иноязычных устных единиц является неадаптированное графическое цитирование (1) и научная транскрипция, менее адекватным — практическая транскрипция (2), напр.:

1) — *Так ви ж, товаришу, дивіться. Raucher — це для курців, а Nichtraucher — це для некурців.*

— *А який "другого класу"?*

— *Zweiter Klasse! Так і кажіть на вокзалі!*

2) — *Ага. Їх хабе цвайтер класе [Вишня, т. 3 : 120].*

В отличие от графического, устное цитирование непосредственно оказывает влияние на развитие только звуковой речи, дополняя ее фонетическую систему новыми линейными и надлинейными единицами, оппозиционными и позиционно-комбинаторными инновациями. Вместе с другими средствами усвоения иноязычной лексики устное цитирование служит обогащению словарного состава языка воспроизведения. Остановимся, к примеру, на фонетических инновациях, привнесенных в фонетические системы армяно-кыпчакского и урумского языков с потоком иноязычной лексики, заимствованной путем устного неадаптированного цитирования.

Определяющей чертой фонетики тюркских языков, как известно, является сингармонизм, охватывающий небную и губную гармонию гласных и согласных и реализующийся в пределах слова как более или менее интенсивное проявление прогрессивной ассимиляции. Базой сингармонизма и одновременно его историческим результатом является противопоставление гласных и согласных по ряду и лабиальности. Благодаря заимствованию огромного количества иноязычной лексики путем неадаптированного устного цитирования в описываемых языках резко возрос инвентарь фонем и их вариантов, существенно расшири-

лись позиционные возможности ударения, появилась масса асингармоничных звукосочетаний и т.д. В частности, в связи с неадаптированным заимствованием армянских, арабских, персидских, польских и украинских слов в армяно-кыпчакском языке обычным явлением стали фонемы /и/ (укр.), /h/, /ж/, /дз/, /ц/, двухсогласный /шч/, палатальные варианты фонем /п'/, /б'/, /м'/, /ф'/, /в'/, /х'/, /г'/, /н'/, /ц'/, /дз'/; авторская транслитерация и транскрипция нередко указывают на сохранение в армяно-кыпчакской речи польских носовых /е/, /о/, палатальных /с"/, /з"/, /ц"/, /дз"/, а также согласных /рш/, /рж/; согласные /к/, /г/, как и заимствованные палатальные, без ограничений сочетаются с гласными заднего ряда, а непалатализированные заднеязычные /х/, /г/ — с гласными переднего и передне-среднего ряда. В заимствованиях, очевидно, ударение все меньше и меньше перемещалось в конец слова (в тюркском слове ударение должно быть на последнем слове, за исключением некоторых грамматических форм). Например. *асдуадзэдзін* "богородица", *гаца* "запaska (панёва, передник)", *гатоРікос* "католикос (глава армяно-григорианской церкви)", *гыцроц* "нож", сажавка "садок, огороженное место для разведения рыбы", *в'онзан'е* "введение в права собственности", *жамгоч* "звонарь", *жебрак* "нищий, попрошайка" [Tryjarski 1968—1972 : 77, 249, 256, 258, 259, 670, 827, 856]; *Васил' гладкий да Хима хызы* "Василь Гладкий и его дочь Хима" [Акт. КП 17 : 255 об.]; *Трохим* [ДГ : 228]; *Гараб'ед Хашчін'скій* [Акт. КП 20 : 37 об.]; *Міхно* [ДГ : 238]; *б'одролар* "бёдра" [Лен. 8 : 574, 4 пр.]; *анасы Кіркорнунг на ім'е Хіймат* "мать Киркора по имени Хиймёт" [Акт. КП 15 : 45 об.]; *Серг'ій Рак оґлу* "Сергий, сын Рака" [ДГ : 82]; *П'онтковскій* [Акт. КП 20 : 94 об., 21]; *оф'аровацц'а бол-* "жертвовать собой" [Венец. 1700 : 135, 5]; *Гембаровскій* [Акт. КП 20 : 110, 27]; *Домбровскій* [Акт. КП 19а : 31, 37]; *пам'онтка* "памятник, памятка" [Лен. 2 : 606, 4 пр.]; *Вас'іл'ковскій / Вас'іл'ковскій* [Акт. КП 20 : 18 об., 8; 10]; *н'еуз'онц* "не взять" [Вроц. 1916 : 203 об., 13—14]; *Студз'ін'ска / Студз'ін'ска* [Акт. КП 22 : 94, 39; 40]; *створжыц'ел'ство* "создательство" [Мат. 3522 : 230 об., 4]; *пршыпатржывшы с'е* "присмотревшись" [Акт. КП 20 : 98,5] и т.п.

Современный урумский язык, который с точки зрения массовости использования письменной речи может квалифицироваться в лучшем случае как малописьменный (этим вариантом пользуются отдельные носители языка в редких ситуациях), благодаря чисто устному неадаптированному усвоению большого количества украинизмов и руссизмов дополнил свою фонетическую систему гласным /и/ (укр.), согласными и вариантами согласных /ц/, /ц'/, /ж/, /ш'/, /х'/, /г'/, двухсогласным /шч/; большей частотностью стали характеризоваться палатальные согласные /т'/, /д'/, /н'/, которые своим появлением обязаны изначальному румейскому (новогреческому) субстрату (переход *к, г* перед *і, е* и другими гласными переднего ряда в *h, ħ*, а затем — за счет стремления к упрощению произношения и, очевидно, благодаря славянскому влия-

нию — в *т', д', ч', дж', й*). Например: *царица, ціпала* — "молотить цепом", *жінкасы* "его жена", *жить эт* — "жить"; *ш'ічінэ / шчічінэ* "в шах" [Ж]; *хіба т'еген ни?* "разве он пришел?" [ЧЗ]; *былтыр-сабан сүрдлер уз-гін* "прошлый год они пахали в сгон" [У]; *Тімош* [К]; *д'ад'амыз* "наш дядя" [СЛ]; *н'ан'чит'этий* "няньчит" [МГ] и под.

1, 4. *Адаптированное устное цитирование* имеет место в том случае субординативного двуязычия, при котором знания языка-источника и практические навыки устной речевой деятельности на этом языке в сознании билингва подчинены системе его знания воспроизводящего языка и практических навыков речевой деятельности на этом языке. Подчиненность может быть заданной (установка сознания, обусловленная переводческой концепцией, прагматической целью и задачей) или произвольной. Последняя характеризует преимущественно некодифицированную речь. Письменным воплощением данного способа звукового воспроизведения является практическая транскрипция. Данный способ воспроизведения иноязычных устных единиц состоит в последовательной передаче звукового состава иноязычной единицы фонетическими единицами воспроизводящего языка. Конечно, имеется немало случаев, когда фонетическое содержание слова при воспроизведении остается неизменным, напр.: англ. *Ben* [ben], *Bob* [bɔb], *Em* [em], *Labe* [leib], *Lem* [lem], *Mike* [maik] по-украински воспроизводятся как Бен, Боб, Ем, Лейб, Лем, Майк, то есть почти адекватно, по-русски же согласные перед *e* палатализируются. Подобные примеры указывают на относительность разграничения неадаптированного и адаптированного способов устного воспроизведения иноязычных единиц.

Поскольку инвентарь фонетики воспроизводящего языка при применении данного способа передачи иноязычных единиц остается неизменным, влияние языка-источника на уровне фонетики ограничивается расширением композиционно-комбинаторных характеристик фонем заимствующего языка. Адаптированное устное цитирование — один из основных путей усвоения иноязычной лексики — прежде всего кодифицированными языками, лингвопереводческой теорией которых на базе длительной и большой по объему практики адаптации иноязычной лексики выработаны относительно последовательные принципы, регулирующие данный процесс [см., напр.: Суперанская 1980; Surdučki 1978]. Попутно следует отметить, что с закреплением фонетически адаптированной иноязычной единицы в словарном составе заимствовавшего языка при последующем переводе текстов, содержащих ее прототип, фактически происходит уже не повторное воспроизведение последнего на уровне фонем, а обычный перевод на уровне лексем.

Не менее важное значение имело и имеет адаптированное фонетическое воспроизведение и в истории словарного состава некодифицированных языков и живых диалектов каждого из кодифицированных языков. К примеру, в науке распространено мнение, что к числу менее

всего заимствуемых частей речи принадлежит имя числительное. Однако на всей многоязычной территории распространения игры в нарды (триктрак, кости), включая советские республики Средней Азии, Кавказа, Турцию, Балканы и Западную Европу, положение костей преимущественно обозначается адаптированными в меру необходимого персидскими числительными [шеш] "шесть", [пәндж] "пять", [чәһар] "четыре", [сә] "три", [до] "два", [йек] "один", напр.: азерб. *шеш гоша, чут шеш, шешлар* "6 : 6", *пәни гоша, чут пәни, пәнилар* "5 : 5", *ду-шеш* "2 : 6", *ду-пәни, пәни-ду/уки-беш, беш-уки* "2 : 5", *чәһар-ду/дерд-уки* "4 : 2"; *чәһ ар-сә, сә-чә һар* "4 : 3", *чут гоша, дуль р* "2 : 2", *сә-ду, ду-сә* "3 : 2" (устное сообщение К.Абдуллаева); тур. *dübes* "6 : 6", *şəşpənç/şesbeş* "6 : 5", *şəşcihar* "6 : 4", *şesüşe* "6 : 3", *şəşidü* "6 : 2", *şesyek* "6 : 1", *dübeş* "5 : 5", *penş cihar* "5 : 4", *pencüse* "5 : 3", *penç dü, pencidü, pencüdü* "5 : 2", *pençüyek* "5 : 1", *dücihar/dörtcihar* "4 : 4", *cihârise, ciharüse* "4 : 3", *cihardü, ciharidü, ciharüdü* "4 : 2", *cihariyek, cihariyek* "4 : 1", *düse* "3 : 3", *sebadü, sebayidü, sebayüdü* "3 : 2", *seyek* "3 : 1", *dübára, dubára* "2 : 2", *düyek/ikibir* "2 : 1", *yekyek* "1 : 1". Персизмы *şes* "шесть", *yek* "один". кроме того, используются в речи и за пределами сферы данной игры, входя в фразеологические и свободные сочетания и образуя дериваты: *şesi beş görmek* "окосеть (не разбирать, не различать, напр. будучи пьяным)"; *şes beş bakıyor* "он косой на один глаз"; *şesi beş göstermek* "ударить так, чтобы искры из глаз посыпались"; *yek başına* "самостоятельно"; *yek nazarda* "с первого взгляда"; *yekeyek* "один на один"; *yek zarbdan* "одним ударом"; *yek at yek(/tek) mızrak* "один-одинешенек (букв. один конь и одно копьё)"; *yekdiğeriyle* "друг с другом, между собой"; *yekten* "сразу, вдруг" и др. [ТРС : 808, 920; *Steuerwald* : 872, 1018–1019]. О распространении в европейских языках см. [Брокгауз, Ефрон, т. 66 : 827].

1, 5. *Звуковое изображение* иноязычных единиц включает: а) последовательное фонемное адаптированное звуковое воспроизведение, б) звуковое подражание, в) звуковую имитацию и г) звуковое языкотворчество.

Первый из выделенных способов (адаптированное звуковое воспроизведение) рассмотрен под рубрикой "адаптированное устное цитирование". По процедуре субституций его можно сравнить с последовательным побуквенным графическим отображением: звуки и их сочетания замещаются акустически и артикуляционно близкими единицами (элементами) воспроизводящего языка, а весь звуковой комплекс в целом как единица более высокого структурного уровня, синтезированная по правилам языка-источника, воспринимается теперь в виде простой, сложной, или составной лексемы воспроизводящего языка и анализируется по его правилам. Отличие между ними, естественно, в утрате фонетического содержания отображаемой единицы при ее воспроизведении путем последовательного графического отображения.

Звуковое подражание — неосознанный, стихийный процесс усвое-

ния фонетических особенностей второго языка. Широко известным примером этого явления можно с полным правом считать распространение русского аканья в украинских говорах и в украинской речи горожан, с одной стороны, и украинского произношения [шч] вместо [ш'] в русской речи этой же контактной зоны. Звуковое подражание оставило глубокий след в звуковой истории урумского языка, сформировавшегося из ряда тюркских говоров Крыма на румейском (новогреческом) субстрате: здесь, как отмечалось, согласные *к*, *г* перед гласными переднего ряда, главным образом перед *і*, *е*, по новогреческому образцу, перешли в *ћ*, *ђ*, а затем уже образовали новейшие рефлексы *т'*, *д'*, теперь уже не без подражания славянским языкам окружения: *керек/герек* > *ћерек/ђерек* > *т'ерек/д'ерек* "надо". Одним из результатов звукового подражания польским звуко сочетаниям, насколько можно судить по авторской транскрипции польских и тюркских слов, стала палатализация согласного *к* перед гласными *е*, *а* в армяно-кыпчакском языке, напр.: *к'еёворрөвиц'* [к'еворовиц'] "Кеворович" [Льв. 889 : 22 об., 2]; *к'ееч'к'ан* [к'ечк'ан] "минувший" [Акт. КП 20 : 121, 8]; *хызметк'еар* [хызметк'ар] "служба" [Мат. 3522 : 240 об., 9]. Очевидно, палатализация этого согласного имела место и перед *і*, но армянская графика памятников данного кыпчакского языка не дает оснований для столь же явных заключений.

Звуковая имитация, проявляющаяся в двух разновидностях, может быть определена как обобщенно-целостное звуковое изображение в одном случае и как частичная звуковая стилизация в другом. Для иллюстрации первой из разновидностей приведем гротескные звукоизобразительные имитации французской (1), японской (2), итальянской (3) и немецкой (4) речи в орфографически приспособленной записи: 1) *дід теля паса, баба льон тре*; 2) *яка то гава моя кума-то*; 3) *Банко, тресто, президенто ограблянто ун моменто, и за энто режисенто нас сниманто киноленто* (из мультфильма "Приключения капитана Врунгеля" студии "Киевнаучфильм"); 4) *"Дранг нах остен" перевернулося на "Драп нах вестен"*; *Карлові Сукенцуцке 1944 року стукнуло сімдесят вісім літ* [Вишня, т. 3 : 301; 322]. Эти примеры стоят в одном ряду с фольклорными имитациями голосов животных типа: *Індичата кажуть: "Босі ходим!"* — *А індичка каже: "Батько купить!"* — *А індик: "За якого чорта я вам куплю?"* [Казки про тварин: 494]. Частичная звуковая стилизация реализуется путем передачи иностранного акцента, например русского и немецкого в произведениях Остапа Вишни:

— *Скільки за ребйонка?*

"Ребйонок — бузівок чорненький, кругленький, з отакунькими ріжками...

— *Двадцять сім!*

— *Пушай дітьо подрастьють!* [т. 2 : 183];

Влада на це відповідає:

— *Зер каряшо, гезіндель!*

"Гезіндель" — по-людському — сволоч! [т. 3 : 295].

Звуковое языкотворчество осуществляется несколькими путями. Один из них — пиджинизация собственной речи. Например, английские дети, разговаривая на так называемом *pig Latin*, первый звук переносят в конец слова и прибавляют к нему слог *ay*: *ouyaу ankaу alktaу igpaу Atinlay* = you can talk pig Latin; для русской и украинской пиджинизированной детской речи характерно постпозитивное или препозитивное прибавление того самого или изменяемого ритмического слога к каждому реальному слогу: *прикибекежакалики в икизбуку дечетики* [Медникова 1974 : 203]; *Накащо накати накаронакабиш? — Кая кінікочокого кене коробкулю.*

Два других способа состоят в изобретении языковых единиц либо по фонетическому образцу определенного естественного языка или путем отталкивания от него, либо по типу звуковых комплексов, артикулируемых животными. Так, Д.Дефо в "Приключениях Робинзона Крузо" и Г.Р.Хаггард в "Копях царя Соломона" в уста туземцев вкладывают слова и фразы, которые по своему звуковому составу ассоциируются или даже непосредственно соотносятся с такими же единицами языков карибских и южноафриканских племен соответственно. Их предшественник Дж.Свифт насыщает языки населения Лилипутии, Бробдингега, Лапуты, Бальнибарби, Лаггнегга и Глаббдробдриба искусственными звуковыми образованиями, которые характеризуются однообразной усложненностью и неестественностью, а гуингнмы говорят у него языком, который по своему фонетическому строю является прямым развитием звуковых комплексов, свойственных голосу лошадей. В опере "Запорожец за Дунаем" С.С.Гулак-Артемовский заставляет турок и казаков произносить синтезированные "турецкие" реплики, которые вообще мало чем напоминают турецкий язык, и только в художественном кинофильме студии имени А.П.Довженко по этому произведению герои заговорили действительно по-турецки — диалектной или ломанной (в устах украинцев) турецкой речью. На аналогичных "языках" говорят герои многих современных звуковых мультипликационных кинолент, и естественны в их речи только интонации, типичные для реальных фраз натуральных языков создателей этих произведений. Интонация и некоторые другие формальные признаки в подобных речевых построениях приобретают самостоятельное коммуникативное содержание, и именно это в такого рода языковом материале представляет научный интерес.

II, 1. Адаптированное письменное воспроизведение иначе может быть детерминировано как упрощенное письменное цитирование: применяемое в рамках того самого алфавита, от неадаптированного цитирования оно отличается невозпроизведением дополнительных надстрочных, подстрочных знаков и модифицирующих элементов букв, которые отсутствуют в воспроизводящей графической системе. Вследствие этого возникают неизбежные и закономерные потери тех или иных элементов фонетического содержания передаваемой иноязычной языковой единицы. Приобретая популярность, подобные графические вос-

произведения несомненно оказывают влияние на развитие соотношения между графикой и фонетикой заимствующей системы, если, конечно, не начинают читаться в соответствии с ее собственными нормами. Например, польские модификации латинских букв *ę, ó, ł, ń, ś* по-английски и по-немецки часто воспроизводятся как *e, o, l, n, s* (1), испанское *ñ* — как *n* (2), литовские *ū, ž* — как *u, z* (3), турецкие *i, ğ* — как *l, g* (4), французское *ï* — как *i* (5) и т.д. и т.п. Например: 1) *Oswiecim* (= *Óswięcim*) [MN, № 3168 : 5]; *Mount Kosciusko* (= *Kościuszko*) [БАРС : 838]; *Lagów* (= *Łagow*) [ND, 1985, № 276 : 2]; *Lodz* (= *Łódź*) [БАРС : 839]; *Jerzy Szmajdzinski* (= *Szmajdziński*) [ND, 1985, № 276 : 2]; 2) *Agustino Gómez* [MN, № 3168 : 11]; 3) *Vladas Vildziunas / Vildžiūnas* [MN, № 3183 : 11]; 4) *Istanbul, Izmir* (= *Istanbul, Izmir*) [БАРС : 837; АУС : 653; ND, 1985, № 276 : 5]; *Agca* (= *Ağca*) [MN, № 3168 : 6]; *Ugurlu* (= *Uğurlu*) [MN, № 3169 : 7]; 5) "*Tais*" (= "*Taïs*") [Dreiser 1976 : 103].

II, 2–3. Транслитерация и транскрипция как способы перевода на графическом уровне выделяются на том основании, что при их применении посредством графических средств переводящего языка передается фонетическое содержание письменной единицы языка-источника. И транслитерация, и транскрипция могут осуществляться с одного алфавита на другой, с определенного национального варианта того самого алфавита на его инанациональный вариант и с одного исторического варианта письма на его другой исторический вариант. Состоят они в размещении иноязычных или иновариантных букв, их модификаций и сочетаний, то есть простых, сложных и составных графем одного языка либо варианта графемами другого языка либо варианта, условно (в случае транслитерации) или фактически (при транскрипции) тождественными или сходными с ними по своему фонетическому содержанию. К примеру, при транслитерации украинская буква *щ* [ш·ч'] по-чешски воспроизводится как *šč* [шч] (собственно чешский историко-фонетический эквивалент *šč*), по-польски как *szcz* [шч], по-немецки как *schtsch* [штш], по-французски как *chtch* [штш], по-английски как *shch* или *chtch* [шч, штч], по-русски как *щ* [ш·ч'], по-болгарски как *щ* [шт] и т.д.; русская буква *о*, передающая как ударный гласный /ó/, так и его различные безударные варианты, воспроизводится как *o*; старославянская южно- и восточнославянская дореформенная буква *ѡ* в зависимости от исторического и национального содержания может воспроизводиться как *ie/ue, e, i/u* и т.п. При транскрипционной передаче возникают позиционно-комбинаторные варианты, что показательно, в частности, для передачи фонетических значений русской буквы *о*, напр.: *It was the usual thing among bourgeois intelligentzia to refer to the Soviets of Workers' Deputies (Rabotchikh Deputatov) as Sabatchikh Deputatov — Dog's Deputies* [Reed 1976 : 90].

Основополагающий принцип транслитерации — двухсторонняя, вза-

имнооднозначная эквивалентность простых, сложных и составных графем, благодаря которой транслитерированная единица может быть адекватно повторно воспроизведена на исходном алфавите. Этот принцип одновременно составляет и преимущество, и недостаток транслитерации, если ее сравнивать с транскрипцией. Вследствие заданной условности взаимнооднозначной эквивалентности графем двух алфавитов заведомо игнорируются определенные важные особенности их фонетической семантики, их реальная полисемантическая, гораздо более значительная, чем это позволяет отразить, не только практическая переводческая транслитерация, но и научная. К примеру, название русского журнала "Советский балет" в английской практической транслитерации имеет вид "Sovetsky Ballet" [MN, № 3169 : 3], что с точки зрения английской орфографии не соответствует исходному фонетическому содержанию ([сав'ѐцк'иѐ бал'ѐт] — при акающем произношении) транслитерированной единицы. Английское New York ['nju: 'jɔɪk, 'nju: 'jɔŋk] по-турецки часто передается как Nevyork [TPC : 956] и, соответственно, произносится согласно данному написанию — вопреки фонетической семантике оригинала. Обращает на себя внимание также применение поэлементной (побуквенной) транслитерации при воспроизведении польского буквосочетания rz [рж], [рш] армянскими буквосочетаниями рз и рж/р (в украинской адаптации), которое встречаем в отдельных армяно-кыпчакских текстах, напр.: *правр прыпатрывшы* [пршыпáтршывшы] *шеѐ ѝж т 'ѐму ѓбвѝнерный бѐѐрзѐ* [б'ѐ-рѝжѐ] *шеѐ на мѓгѓрѝч'нѝк'ѝ* [Акт. КП 20 : 98, 5—6] "суд, приняв во внимание то, что обвиняемый полагается на могоричников"; *Мѓржѐѓвск'ѝ* [Акт. КП 20 : 18 об., 14] и под.

В научной транслитерации указанный недостаток в принципе снимается той предпосылкой ее применения, согласно которой буквы воспроизводящего алфавита заведомо лишаются позиционно-комбинаторных характеристик, которыми они обладают в собственной графической системе, и приобретают особенности, свойственные графемам оригинала, эквивалентами которых выступают. Классическим образцом транслитерации является разработанная в европейской компаративистике Г.Гюбшманом и А.Мейе система воспроизведения армянского письма латинским алфавитом [Туманян 1971 : 16—19], по принципам которой построена и наша кириллическая. Системой Гюбшмана — Мейе воспользовались, в частности, издатели армянского судебника 1519 года. Вот как выглядят в их транслитерации фрагменты армяно-кыпчакского (1) и польского (2) текстов из этого памятника, первый из которых снабжаем тюркологической транскрипцией, а второй — польской орфографической записью:

1) *DA ĞĀ DA NĒ UÇUN ĘMDI kladik' eazmaga t'oralarni ea nē sabaptan tēprandi ēsimāz bu išk'a* [Lewicki, Kohnowa 1957 : 173 : 257] Дагы да не үчүн емді кләдік ѝазмага төрәләрни ѝа не сәбәптән тепрәнді есиміз бу

ішкә "Также почему ныне мы пожелали написать законы или почему наши мысли направились на это дело";

2) *Prisengaməy panu boḡu fšexmḡoḡonçemu, i nayeasnēšemu panu, našemu, kruloḡi połskāemu, i vsḡkāiy radzē ego kruloḡvskāiy miłḡsci, i fšistkāemu poḡpulstu našemu* [Słuszkiewicz 1966 : 111; 117] *Przysięgamy panu Bogu wszechmogącemu, i najjaśniejszemu panu naszemu kruiowi polskiemu, i wysokiej radzie jego krulowskiej miłḡsci, i wszystkiemu poḡpolsztwu naszemu* "Приносим присягу всемогущему господу богу, и наияснейшему господину нашему королю польскому, и высокому совету его королевского величества, и всему народу нашему".

Другие издатели армяно-кыпчакских текстов в тюркологических целях отказались от транслитерации в чистом виде и применяют ее в сочетании с элементами тюркологической транскрипции, учитывая, таким образом, позиционно-комбинаторные фонетические значения как букв алфавита-источника, так и графем алфавита воспроизведения. Наиболее совершенной в данном отношении может считаться система транслитерации-транскрипции армяно-кыпчакских текстов польского тюрколога Э.Трыярского [Tryjarski 1968–1972], которая, однако, не учитывает наличия в армяно-кыпчакском языке трех гласных переднего ряда /ə/, /e/, /y/. Образцом тюркологической транслитерации-транскрипции текстов, составленных труднодоступными системами письма (руническим, арабским, уйгурским и манихейским) является приспособленный латинский алфавит, дополненный четырьмя греческими буквами, разработка и применение которого принадлежит А.К.Боровкову, В.М.Наделяеву, Д.М.Насилову, Э.Р.Тенишеву, А.М.Щербаку и др. [ДТС : IV, XIII–XVIII]. В качестве примера общепринятой кодифицированной системы практической транслитерации можно указать разработанный Всесоюзным научно-исследовательским институтом технической информации, классификации и кодирования (ВНИИКИ) и введенный в действие Постановлением Государственного комитета стандартов Совета Министров СССР № 694 от 6 апреля 1971 года стандарт транслитерации русских слов латинскими буквами (ГОСТ 16876–71) [Гиляревский 1978 : 225–227].

Основополагающий принцип транскрипции — максимально возможная точность графического обозначения фонетических особенностей передаваемой единицы. Ввиду этого естественно не принимаются во внимание определенные графические особенности транскрибируемой единицы, иноязычной либо иновариантной. Например, англ. Chicago и исп. Chile по-турецки транскрибируются согласно французской фонетической модели как Şikago и Şili, а французское Mont Blanc — как Monblan. В других случаях транскрипция совпадает с транслитерацией. Например, название столицы Молдавской ССР *Кишинэу* по русскому фонетическому образцу *Кишинёв* транскрибируется как польское адаптированное Kiszyniów, англ. Kishinyov [MN, № 3024 : 16] / Kishinev [kifinjə:v] [АУС : 654], [kifinjə:f] [БАРС : 838]; ср. также

турецкую транскрипцию *Kişinef*, в основе которой лежит фр. *Kichinev*, являющееся, как и англ. *Kishinev*, транслитерацией русского графического варианта *Кишинев*. К числу наиболее показательных примеров игнорирования графических особенностей оригинала можно отнести транскрипцию сербскохорватских языковых единиц, писанных кириллицей (сербский вариант) и латиницей (хорватский вариант). В известной степени это относится также к восточному и западному фонетическим вариантам армянского письма.

В массовой письменной речи транслитерация выступает в тесном единстве с транскрипцией, на что указывают отчасти и приведенные выше примеры. Иногда это единство выглядит механическим: одна часть слова транскрибируется, другая транслитерируется. Для иллюстрации такого смешения в литературе приводится рус. *Ньютон*, производящее англ. *Newton* [ˈnju:tn], последовательной транслитерацией которого является устаревшее *Невтон* [Бархударов 1975 : 177]. Поскольку и графическая и фонетическая структура оригинальной единицы на практике передается далеко не адекватно, для массовой письменной речи принято говорить о практической переводческой транслитерации и транскрипции. Характеризующая их значительная вариативность (в качестве англо-русского примера регулярной, массовой звукопередачи приводят пару $h > x$, а в качестве нерегулярной, немассовой — $h > z$ [Берков 1971 : 11]) обусловлена совместным действием в орфографии переводящего языка различных принципов кодификации — фонетического, морфологического, исторического и этимологического. Выбор варианта регулируется системой правил, действующих в отношении определенной пары языков (вариантов одного языка) в целом, если орфографические взаимоотношения между ними кодифицированы, или комплексом эмпирически выработанных закономерностей, принятых в определенной стилистико-функциональной области, той или иной переводческой школой, отдельным переводчиком либо в рамках одного перевода.

Практические переводческие транслитерация и транскрипция, будучи средством активного письменного усвоения иноязычной лексики и отчасти фразеологии, вместе с тем оказывают влияние на такие области языка как орфография и фонетика. За счет транслитерации иноязычных единиц, например, в русской орфографии появились такие инновации, как неслоговое, позлементное (фонематическое) обозначение звукосочетания йота с гласным (*Йоркшир, майор*), употребление буквы *ю* после губных и шипящих во французских заимствованиях (*бюро, мюзикл, парашют, жури*), появление новых типов написаний через твердый и мягкий знак (оз. *Ньяса* — англ. *Lake Nyas* (s) a; *Хьюберт* — англ. *Hubert*; *Рейкьявик* — исл. *Reykjavík*; *Дёртёёл* — тур. *Dörtüol*) и т.д. Некоторое представление о таких инновациях дают разделы орфографических пособий, посвященные правописанию иноязычных заимствований в каждом конкретном языке [напр. *Öigekeelsus-*

сõпараамат 1978]. Инновации, вносимые в орфографию, состоят в причинно-следственной связи с появлением соответствующих позиционно-комбинаторных фонетических особенностей. И хотя в чистом виде фонетические инновации при транслитерации следует рассматривать как результат последней, а при транскрипции — как причину графических изменений, все же на практике разграничение транслитерационных и транскрипционных инноваций очень часто не представляется возможным, а потому если не все, то большинство подобных явлений следует рассматривать совместно — как изменения ортологические, то есть орфографические и орфоэпические (графические и фонетические) одновременно.

Рассмотренные в настоящем разделе способы воспроизведения иноязычных единиц с традиционной точки зрения, которую можно назвать лексико-семантической и которая, вероятно, наиболее правомерна для общефилологического понимания перевода, к последнему вроде бы не имеют прямого отношения. Даже транскрипцию и транслитерацию с этой позиции нельзя считать переводом, хоть и буквальным. В полемике с А.Мольбланом, выделявшим в пределах прямого перевода такие разновидности, как калька, заимствование и буквальный перевод, Я.И.Рецкер отстаивает мнение, что эти виды воспроизведения иноязычных единиц суть "беспереодное употребление иноязычного слова, которое может быть усвоено языком перевода и стать заимствованием" [1974 : 29]. При более строгом лингвистическом подходе удастся дать более строгое определение перевода и более широкого явления воспроизведения языковых единиц в рамках еще более широкого явления языковых контактов, а также дать лингвистически мотивированную классификацию разновидностей беспереодного и переводного воспроизведения иноязычных единиц, письменных и устных, каждая из которых, специфичным образом относясь к тому или иному структурному уровню языка и форме его существования, оказывает сообразное воздействие на развитие системы воспроизводящего языка.

- Абай Кунанбаев — Абай (Ибраһим) Құнанбаев. Шығармаларының екі томдық жинағы. — Алматы : Ғылым, 1977. — Т. 1. — 455 б.
- Акт. КП — Актотая кытаґа Каменец-Подольского армянского войтовского суда // Центральный государственный исторический архив Украинской ССР в г.Киеве. — Ф. 39, оп. 1, ед. хр. 8, 11, 12, 14, 15, 17, 19а, 20, 22, 24—37, 40—42, 157, 158.
- Алексеев и др. — Алексеев Д.И., Гозман И.Г., Сахаров Г.В. Словарь сокращений русского языка. — 3-е изд. М. : Рус. яз., 1983. — 487 с.
- АУС — Англо-український словник / М.П.Подвезько, М.І.Балла. — К. : Рад. шк., 1974. — 663 с.
- БАРС — Большой англо-русский словарь / Под общ. руководством И.Р.Гальперина. — М. : Сов. энциклопедия, 1972. — Т. 2. — 863 с.
- Біробіджан — Біробіджан. Альманах / Упоряд. Є.Райцин. — К. : Держлітвидав, 1940. — 223 с.
- Брокгауз, Ефрон — Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. — СПб., 1901. — Т. 66 (33а). — 962 с.
- Венец. 1700 — Венеция, Библиотека Конгрегации мхитаристов на острове св. Лазаря. — Рукопись № 1700.

- Вишня — Вишня Остап. Усмійки, фейлетони, гуморески. — К. : Дніпро, 1974. — Т. 2. — 358 с.; Т. 3. — 368 с.
- Вроц. 1916 — Вроцлав : Нац. ин-т им. Оссолинских. — Рукопись № 1916.
- Гомер — Гомер. Іліада. — К. : Дніпро, 1978. — 431 с.
- Го Суй — Го Суй. Розпроставши крила. — К. : Рад. письменник, 1959. — 193 с.
- Ғашық-наме — Ғашық-наме. Шығыс хикаяларының желісіне қаралған казак дастандары. — Алматы : Жазушы, 1976. — 470 с.
- Еразм Роттердамський — Еразм Роттердамський. Похвала глупоті. — К. : Дніпро, 1981. — 166 с.
- Жет. — каз. газ. "Жетісу"
- Зар'ян — Зар'ян Наірі. Ацаван. — К. : Держлітвидав, 1958. — 393 с.
- Казки про тварин — Казки про тварин / Упоряд. вст. стаття, прим. І.П.Березовського. — К. : Наук. думка, 1976. — 574 с.
- Ком. — азерб. газ. "Коммунист"
- КТ — уйг. газ. "Коммунизм туғи"
- Қазақ эпосы (Казахский эпос). — Алма-Ата : Казлитиздат, 1958. — 667 с.
- ЛБ — кр.-тат. газ. "Ленин байрағы", орган ЦК КП Узбекистана, Верховного Совета и Совета Министров УзССР
- Лен. — Ленинград : Публ. библ. им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей. — Рукописи Арм. 2; Арм. 8
- ЛЖ — каз. газ. "Лениншіл жас"
- Льв. — Львов : Центр. гос. истор. архив УССР в г.Львове. — Ф. 52, оп. 1, ед. хр. 863.
- Мат. — Матенадаран им. М.Маштоца (Ереван). — Рукописи № 3521; 3522.
- НАЛ — Навоий асарлари лугати / Тузушчилар П.Шамсиев, С.Иброҳимов. — Тошкент : Адабиёт ва санъат нашриёти, 1973. — 782 б.
- НорвРС — Норвежско-русский словарь / Сост. В.Д.Аракин. — М. : Изд-во иностр. и национальных словарей, 1963. — 1113 с.
- ПерсППКС — Персидские пословицы, поговорки и крылатые слова / Сост., перевод, введение, комментарии Х.Короглы. — 2-е изд. — М. : Гл. ред. вост. лит., 1973. — 615 с.
- РД — "Работническо дело"
- Руставелі — Руставелі Шота. Витязь у тигровій шкурі. — К. : Держлітвидав, 1940. — 227 с.
- СК — каз. газ. "Социалистик Қазақстан"
- Слово — "Слово о плъку Игоревъ" в українських художніх перекладах і переспівах. — К. : Вид-во АН УРСР, 1953. — 251 с.
- СТуркм. — туркм. газ. "Совет Түркменистаны"
- Чандар — Чандар Кришан. Коли пробудились поля. — К. : Молодь, 1957. — 94 с.
- ШведРС — Шведско-русский словарь / Сост. Д.Э.Миланов. — М. : Изд-во иностр. и нац. словарей, 1962. — 1057 с.
- BZ — "Berliner Zeitung"
- Capote — Capote T. The Grass Harp; Breakfast at Tiffany's. — Moscow : Progress, 1974. — 223 p.
- Christie — Christie A. Selected Stories. — Moscow : Progress, 1976. — 334 p.
- Dickens — Dickens Ch. Aventures de Monsieur Pickwick. — Paris, 1887. — 367 p.
- Dreiser — Dreiser Th. Life, Art and America. — Moscow : Progress, 1976. — 368 p.
- Hemingway — Hemingway E. For Whom the Bell Tolls. — Moscow : Progress, 1981. — 560 p.
- I'H — "l'Humanité"
- MN — "Moscow News"
- ND — "Neues Deutschland"
- Nek Igor hadaróli — Nek Igor hadaróli. — Uzshorod : Kárpátontúli területi kiadó, 1958. — 52 i.
- Nép. — "Népszabadság"
- NM — "Les Nouvelles de Moscou"
- Reed — Reed J. I saw the New World Born. — Moscow : Progress, 1976. — 295 p.
- Shaw — Shaw G.B. ...A Fearless Champion of the Truth. — Moscow : Progress, 1977. — 420 p.
- Sterne — Sterne L. Selected Prose and Letters. — Moscow : Progress, 1981. — Т. 1—2. — 983 p.
- Steuerwald — Steuerwald K. Türkisch-Deutsches Wörterbuch. — Wiesbaden : Harrasowitz, 1972. — 1059 S.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ, АСПЕКТЫ КАЛЬКИРОВАНИЯ

Наиболее простым и отчетливым видом взаимодействия языков является лексическое заимствование, которое заключается в том, что один язык перенимает из другого готовые материальные единицы — слова, морфемы (с теми или иными изменениями, обусловленными спецификой заимствующего языка) — и их семантику (полностью или частично в соответствии с условиями заимствования). Иначе говоря, происходит фонематическое копирование иноязычного слова. Однако наряду с прямыми заимствованиями весьма распространены заимствования скрытые, или переводные, называемые кальками. "Межъязыковые контакты, — указывает О.Б.Ткаченко, — ведут к заимствованию не только материальных особенностей. Под семантическим воздействием влияющих языков возникают также многочисленные и многообразные семантические заимствования (кальки) на разных уровнях языковой структуры. В них с материальной, внешнеформальной точки зрения выступают исконные праязыковые элементы языка, подвергавшегося влиянию, но употребляются они согласно с семантическими, функциональными, а иногда и структурно-модельными особенностями воздействовавшего языка" [Ткаченко 1970 : 49—50].

Широко кальки начали изучаться сравнительно недавно, практически с известной работы Б.Унбегауна "Le calque dans langues slaves littéraires", появившейся в 1932 г. Наиболее раннее употребление термина *калька* относится, очевидно, к 1912 г. (в малоизвестной работе Сандфельда-Енсена "Notes sur les calques linguistique"). Происходит этот термин от фр. *calque* "копия; сколок; подражание" [Шанский 1972 : 31]. В русской лингвистике он впервые фиксируется в работе В.В.Виноградова "Очерки по истории русского литературного языка XVII — начала XIX в." (М., 1938, со ссылкой на Б.Унбегауна). В то же время нужно напомнить, что еще А.С.Шишков рассматривал кальки в своем трактате "Разсуждение о старомъ и новомъ слогу российскаго языка", написанном в начале прошлого века, называя их "переводами" или "дурными переводами". Он дал хороший анализ некоторых русских калек французских слов, которые донныне путешествуют из учебника в учебник в качестве примеров. Ю.С.Сорокин считает, что термин *калька* в лингвистическую терминологию ввел Ш.Балли. В немецкой терминологии кальки называются заимствованными переводами (*Lehnübersetzungen*) или заимствованными образованиями (*Lehnprägungen*), чем подчеркивается заимствованный характер этих образований.

Известным препятствием к изучению калек являлось, очевидно, то, что с материальной стороны они, действительно не отличаются от исконных образований в каждом из языков, где обнаруживаются. Поэтому "несмотря на то, что значение калек было подчеркнуто в многочисленных лингвистических работах, их конкретное исследование в разных языках имеет место только спорадически" [Апреотесей 1983 : 85].

Существует немало определений кальки. Однако большинство из них так или иначе содержат один главный элемент — наличие "перевода", о котором говорил еще А.С.Шишков. Ср.: "Калька — особый вид заимствования — путем перевода чужого слова или оборота" [Общее языкознание 1983 : 394]; "заимствование путем буквального перевода (обычно по частям) слова или оборота речи" [Ахманова 1969 : 188]; "главный признак, принимаемый за основу в кальке (букв. "копия, сколок): это перевод" [Веселитский 1972 : 103]; "калькă — перевод структурных частей иноязычного слова" [там же]; "буквальный перевод морфологических элементов иноязычного слова, точная съемка морфемы за морфемой" [Виноградов 1938 : 162]. Несколько отличаются определения, которые не останавливаются только на чисто технической стороне калькирования, а направлены на более глубокое проникновение в существо кальки. Ср.: "калькирование — заимствование этимологической структуры иноязычного слова, которое реализуется средствами воспринимающего языка, а также заимствование его значения" [Жлуктенко 1966 : 119] (здесь, очевидно, не совсем уместно указывается на этимологическую структуру); "кальки — явление языкового контакта, сознательное или стихийное, реализованное внутренними ресурсами по внешней модели, при котором более или менее точно перемещаются из одного языка в другой лексико-семантические, фразеологические или морфо-синтаксические структурные единицы" [Апреотесей 1983 : 85—86]. Последнее определение наиболее полное и всестороннее, оно учитывает не только технику калькирования, но и социолингвистические параметры этого процесса.

Кальки рассматриваются как одна из важных форм языкового влияния, которая проявляется весьма специфически, сравнительно с заимствованиями, хотя и связаны с ними. "Каждому периоду заимствований, — указывает венгерский лингвист Л.Гальди, — соответствует также новая волна калек, и лишь совокупность этих двух видов заимствований дает правильное представление о влиянии одного языка на другой" [1958 : 68]. В принципе он совершенно прав, но не обращает внимания в своей работе на специфику письменного и устного контакта, а также на различия в грамматическом строении взаимодействующих языков. Кроме того, он не различает четко два названных вида иноязычных влияний.

Кальки являются таким видом воздействия на скрытые за звуковой формой внутренние языковые формы, для которых В.Бетц пред-

ложил обобщающее название "заимствованные модели" (нем. Lehnprägungen) [Betz 1949]. В одном из современных пособий по социолингвистике этот термин толкуется следующим образом: "собирательное обозначение для влияний одного языка на другой, которые касаются не фонетики или самого словесного материала, а его способа образования и значения" [Uesseler 1985 : 167]. В связи с этим было выделено понятие внутреннего заимствования, которое более или менее отчетливо противопоставилось понятию внешнего заимствования, т.е. заимствованным словам и иным материальным единицам. Собственно, учитывая приведенные соображения, можно было бы заимствования подразделять на идеальные (при которых происходит заимствование моделей, словообразовательных типов, значений, мотивации, способов номинации) и материальные (при которых заимствуются материальные элементы языка (слова, морфемы, звуки). В связи с этим кальки расцениваются как иноязычное влияние более глубокое, чем лексическое заимствование [Виноградов 1938 : 49]. При этом происходит перестройка моделей воспринимающего языка, являющаяся результатом введения иноязычных элементов в сферы языка, отличающиеся высокой структурной организацией (морфология, синтаксис, некоторые сферы лексики и под.) [Вайнрайх 1979 : 22].

В современном языкознании при изучении калек основное внимание уделяется их типологии и построению различного рода классификаций калек. Трудности классификации калек обусловлены тем, что в процессе калькирования принимают участие различные факторы как чисто лингвистического, так и социального характера (грамматический строй контактирующих языков, особенности структуры слова в этих языках, наличие в этих языках более или менее адекватных соответствий в лексике и морфологии, характер контакта — письменный или устный, потребности формирования литературного языка, характер двуязычия, авторитет влияющего языка и т.д.).

Первая классификация принадлежит Б.Унбегауну, который различает: 1) кальки лексические (производные и сложные слова), т.е. не только передающие значение, но и воспроизводящие и его структуру, его форму; 2) кальки семантические (состоящие в заимствовании какого-либо из переносных значений иноязычного слова, имеющего прямое соответствие в воспринимающем языке, что ведет к обогащению семантической структуры соответствующих слов), иногда их называют еще семантическими заимствованиями [Uesseler 1985 : 167; Семчинский 1974 : 179] или семантической индукцией [Сорокин 1965 : 116] (в последнем случае подчеркивается, что иноязычное влияние является лишь импульсом для развития семантики исконного слова); 3) кальки фразеологические (состоящие в буквальном переводе иноязычных фразеологических выражений) [Unbegaun 1932]. Эта классификация, учитывающая основные языковые уровни, является самой распространенной в современном языкознании, на ее основе

строятся некоторые другие классификации, детализирующие те или иные стороны калькирования. Известна, например, классификация калек К.Шумана, которая продолжает классификацию Б.Унбегауна и детализирует ее. Однако эти классификации являются все же довольно ограниченными, поскольку в их основе лежат чисто лингвистические критерии — учитывается характер слов и их частей, подвергающиеся калькированию.

Особого внимания заслуживает классификация калек, предложенная румынским лингвистом Ч.Апреотесеем, которая учитывает самые разнообразные факторы калькирования, в том числе социолингвистические. Если раньше учитывались только факторы внутренние, то здесь должное внимание уделено и факторам внешним. В основе этой классификации лежат три основных критерия:

I. С точки зрения уровня языка: 1. Лексические кальки (новые значения старых слов или новые слова, созданные из существующих морфем по иноязычной модели); 2. Фразеологические кальки (новые словосочетания или синтагмы, выражения, фразеологизмы, созданные из существующих слов по иноязычным моделям); 3. Грамматические кальки (морфологические или синтаксические конструкции, обороты).

II. С точки зрения "структурной тождественности": 1. Точные, полные кальки; 2. Неточные, частичные, приблизительные кальки.

III. По "механизму" билингвизма: 1. Сознательные кальки; 2. Стихийные кальки.

Кроме того, исследователь предлагает классифицировать кальки по характеру языкового контакта: 1. Книжные кальки (созданные главным образом переводчиками); 2. Народные кальки (осуществляемые устным путем в условиях билингвизма) [Апреотесей 1983 : 86—87].

Особое внимание исследователя привлекают словообразовательные кальки (называемые иначе морфемными, собственно-кальками, лингвистическими кальками, кальками-дериватами или реляторными кальками), полученные путем перевода составных элементов производного, сложного и сложносокращенного слова чужого языка. "Вследствие этого процесса калькирования, — указывает румынский лингвист, — обогащается словарный состав языка созданием новых слов из внутренних морфемных ресурсов по внешней модели" [там же : 88].

Интересны соображения Апреотесея о связи калькирования с потребностями развития литературного языка. Он указывает, что "кальки интересны как прием при переводе религиозных, юридических, исторических, лингвистических и литературных текстов из книжнославянского языка и потом из других языков (греческого, латинского, венгерского, французского, немецкого и т.д.), как прием создания новых слов и выражений, необходимых для обозначения новых понятий" [там же : 91]. Это соображение относится к румынскому языку, но оно, очевидно, может иметь универсальный характер и применяться

в той или иной степени и к другим языкам, функционирующим в подобных условиях. "Книжные кальки, — указывает далее Ч.Апреотесей, — по славянским моделям явились значительным приемом обогащения румынского языка" [там же : 92]. Интересно также замечание о том, что "кальки, как и заимствования, могут быть разделены: по тематике, т.е. по областям материальной и духовной культуры, в которых они появляются; по функциональным стилям языка и т.д." [там же : 87].

Итак, калькирование обусловлено внутренними и внешними причинами. К внутренним причинам следует относить характер языковых знаков, особенности строения слов в контактирующих языках, а к внешним — сами межъязыковые контакты как таковые, характер двуязычия, потребности развития литературных языков, авторитет одних языков сравнительно с другими языками и под.

Калькирование, как справедливо полагают разные ученые, сильнее всего представлено в тех языках, где особо развита деривация и словообразование [Сорокин 1965 : 167; Unbegaun 1932 : 22]. По мнению Б.Унбегауна, сильнее всего калькирование представлено в немецком языке, слабо — во французском, а русский язык занимает промежуточное место. Из этого можно сделать вывод, что калькируются сложные, мотивированные единицы, в то время как немотивированные — заимствуются. Говоря о характере мотивации калькируемых единиц, можно допустить, что, как правило, калькируются слова, мотивированные как формально, так и семантически, в которых лексическое значение обусловлено словообразовательным значением или компонентами сложного слова. Именно высокая степень мотивированности служит предпосылкой выбора соответствующей единицы для калькирования (наряду с наличием соответствия в этом отношении между взаимодействующими языками). Вследствие этого понятно, что наиболее отчетливо выделяются кальки сложных слов, что обусловлено прозрачностью их словообразовательной структуры [Булаховский 1978 : 276—277; Фодор 1963 : 97]; менее отчетливо выделяются кальки производных аффиксальных слов; труднее всего выделяются кальки семантические, поскольку здесь мотивация не имеет формального выражения.

Калькирование, собственно, заключается в заимствовании и передаче своими средствами одним языком типа мотивации (внутренней формы), принятого в другом языке (как формальной структуры, так и семантической). В этом и заключается коренное отличие калькирования от материального заимствования. Возможность воссоздания структурно-семантических моделей другого языка исконными ресурсами обеспечивает не только усвоение структуры и семантики данного конкретного слова, но и возможность построения других аналогичных знаков без конкретного иноязычного образца, по аналогии к усвоенному ранее знаку.

Мотивация чаще всего связана со способами словообразования,

с которыми, следовательно, связываются и кальки (ср. наименование *словообразовательные кальки*). Ш. Балли различает имплицитно и эксплицитно мотивированные знаки. Эксплицитно мотивированные знаки — это знаки, мотивированные при помощи формальных средств (аффиксов, корней) [Балли : 372]. Отсюда можно сделать вывод, что имплицитно мотивированные знаки при взаимодействии языков будут давать заимствования или семантические кальки, а эксплицитно мотивированные знаки — как правило, словообразовательные кальки.

Поскольку в современных языках значительно увеличивается количество мотивированных знаков, естественно будет предположить, что при усилении контактов между определенными языками будет усиливаться процесс калькирования. Во всяком случае для славянских языков послевоенной эпохи отмечается заметное усиление этой тенденции. Например, В.Т. Коломиец указывает, что современные славянские языки последовательно избегают прямого заимствования прозрачных словообразовательных слов во всех тех случаях, когда в их распоряжении имеются соответствующие словообразовательные средства для калькирования русских слов [Коломиец 1973 : 239–240]. Собственно говоря, этот вывод в значительной мере можно отнести и к другим индоевропейским языкам, которые отличаются значительным количеством мотивированных знаков. Кстати, следует заметить, что учение о кальках до сих пор разрабатывается преимущественно на материале индоевропейских языков, поскольку именно их структура предопределяет возможности активного проявления процесса калькирования. При взаимодействии языков другой структуры калькирование происходит значительно реже или не происходит совсем. Ср., например, русский язык, в котором содержится значительное количество калек из различных индоевропейских языков (прежде всего, греческого, латинского, французского, немецкого, английского), в то время как калек из тюркских языков практически нет. Вместе с тем следует указать, что и другие индоевропейские языки (кроме перечисленных выше) также не дали в русском языке калек, что обусловлено, очевидно, уже культурно-историческими причинами. Например, из итальянского, нидерландского, скандинавских языков в русском языке есть значительное количество лексических заимствований, но нет калек, хотя количество мотивированных знаков в названных языках значительно. Здесь, очевидно, сказались отсутствие или слабость контакта книжного, который имел место при взаимодействии русского языка с главными европейскими.

Действительно, наличие внутренних предпосылок для калькирования само по себе не может привести к осуществлению этого процесса на практике, необходимо действие внешних факторов. Таким внешним фактором прежде всего является наличие контакта между двумя языками, который может протекать в разной форме — письменной и устной, в непосредственной и опосредованной. Непосредственное кон-

тактирование языков происходит устным путем. И хотя значение его велико, тем не менее исследователи взаимодействия языков указывает на несравненно большее значение письменного контакта. Особенно серьезно оно проявляется при калькировании. Хотя и признается, что калькирование, возможно, и происходит при устном контактировании носителей взаимодействующих языков, все же наиболее активно оно происходит между письменными языками. "Калькирование, — замечает С.В.Семчинский, — значительно усиливается в условиях контактирования письменных культур" [Семчинский 1974 : 178]. Действительно, при контактировании письменных языков, которое происходит путем чтения и перевода текстов одного языка носителями другого, являющимися билингвами, проблема калькирования больше всего встает перед переводчиками с чужого языка на родной (хотя возможен и обратный ход перевода; например, Кирилл и Мефодий, которые переводили богослужебные книги с греческого языка на старославянский, по происхождению были греками [Селищев 1951 : 10]). Даже с чисто технической стороны установление словообразовательной структуры слов во взаимодействующих языках значительно облегчается при письменной форме контакта, а именно в установлении соотносительности словообразовательных структур разных языков, в перестройке словообразовательных моделей и заключается основной смысл процесса калькирования. Письменная форма контакта более всего выражается в форме переводов, осуществляемых переводчиками, знающими два или более языков, которые предназначаются для людей, владеющих только своим родным языком. Как известно, сами определения калек в большинстве своем указывают на сферу, в которой процесс калькирования проявляется самым непосредственным образом — на перевод с одного языка на другой. Именно этот фактор является определяющим для возникновения калек, на что неоднократно указывали многие исследователи.

Возьмем влияние греческого языка на славянские и западноевропейские языки. Значение этого фактора обусловлено тем, что на греческий язык был впервые с древнееврейского переведен Ветхий Завет, на греческом же языке был написан Новый Завет. Затем эти важнейшие церковные книги переводились на старославянский язык (откуда многие инновации, в том числе и кальки греческих слов, переходили в другие славянские языки) и на латинский язык (откуда переводились на другие западноевропейские языки католических народов). В процессе этих переводов многие греческие слова заимствовались, а другие (сложные и производные) калькировались древними церковными книжниками. Ср.: "Много composita проникло в древнерусский язык через переводы с греческого. Как правило, переводчик, стараясь точнее передать смысл оригинала, создавал слова-кальки" [Вялкина 1964 : 94]. Интересно в связи с этим напомнить, что Б.Гавранек считает кальки более точными в смысловом отношении, чем заимствования

[Havránek 1963 : 17]. В результате воздействия греческого языка славянский церковный язык благодаря принятию греческих словообразовательных типов при переводах церковной литературы получил свой своеобразный характер [Schumann 1965 : 70]. Следует заметить, что подавляющее большинство исследований о греческом влиянии на славянские языки построены на материале переводов церковной и лишь отчасти светской литературы.

Русский язык воспринимал старославянские кальки как вполне органические элементы. Ср.: *величать* (гр. *μέγαλετυ*), *благословить* (гр. *εὐλογετυ*), *насущенный* (гр. *ἐπίσις*), *плодоносить* (гр. *καρποφορετυ*), *великодушие* (гр. *μεγαλοψυχια*), *совесть* (гр. *συνειδησις*), *пророк* (гр. *Προφητης*), *летопись* (гр. *χρονογραφος*) и множество других. Собственно, для русского языка кальки библейского происхождения расцениваются как заимствованные из старославянского языка, но это дела особенно не меняет, поскольку русский и старославянский языки имеют много общего в системе словообразования.

Сходным образом обстоит дело и с переводами библейских текстов на латинский язык, а с него и на другие западноевропейские языки (в католических странах). Этот фактор оказал сильное влияние на развитие западноевропейских литературных языков. Ср., например, замечание В.М.Жирмунского: "Развитие письменного древневерхненемецкого языка происходит под влиянием церковной латыни" [1965 : 48]. Наряду с этим фактором важное значение имело развитие античной культуры в целом.

Вопрос о переводах неразрывно связан с вопросом об авторитете влияющего языка. Собственно, авторитет языка — это прежде всего авторитет определенных текстов этого языка, перевод которых является необходимым для носителей других языков (для развития их культуры). Именно авторитет таких текстов стимулирует развитие другого литературного языка. Так обстоит дело во времена византийского влияния на славянские культуры, так оно обстоит и в другие эпохи.

Например, византийское влияние на русский язык прекратилось в XVII в. и уступило место западноевропейскому. В XVIII в., особенно в петровскую эпоху, происходит множество прямых лексических заимствований из западноевропейских языков в русский, которые описаны, в частности, в книге Н.А.Смирнова "Западное влияние на русский язык в Петровскую Эпоху" (1910). Однако кальки здесь еще не рассматривались.

В условиях XVIII в. значительно расширяется круг языков, с которых делаются переводы на русский язык. Кроме того, важное значение имеет и тот факт, что расширяются жанровые рамки переводимых книг, которые теперь относятся к различным отраслям знаний, техники, ремесел, политического устройства, военного и морского дела, к различным видам искусства и т.д. Переводы их требовали создания

научной терминологии русского литературного языка. Г.Хютль-Ворт, исследуя источники научной терминологии, указывает: "Отвлеченная лексика больше всего нуждалась в дополнении и совершенствовании. Дальше пришлось создать научную терминологию для всех отраслей знаний; эта огромная задача решалась в значительной степени одинаково, прежде всего калькированием" [1974 : 33—34]. Основными источниками отвлеченной лексики и научной терминологии Г.Хютль-Ворт считает латинский и французский языки. Важным источником терминологической лексики является также немецкий, сложные слова которого калькировались на протяжении длительного времени (особенно активно — в XIX в.). В России начала XVIII в. сложилась любопытная "языковая ситуация в науке", которая характеризуется исследователем проблем формирования научного русского языка следующим образом: "В России начала XVIII в. имело хождение много книг по астрономии и географии на латыни и западноевропейских языках. На иностранных языках и латыни излагались основы этих наук в учебных заведениях западной Европы, куда ездили обучаться "российские юноши", а также и в ряде русских училищ (преподавание в Московской греко-латинской академии велось на латинском языке); на латинском языке писались ученые Труды Академии; по-немецки написано большинство статей для "Примечаний в Ведомостях"; публичные речи и слова на ученые темы тоже произносились, как правило, по-латыни или на немецком или французском языке. Не удивительно, что латинский и западноевропейский научный словарь был широко известен всем, кто был связан с наукой, преподаванием, переводом" [Кутина 1964 : 197]. Латинский язык стал источником таких научных калек, как *предгорье* (лат. promontorium), *расстояние* (лат. distantia), *наблюдение* (лат. observatio), *созвездие* (лат. constellation), *новолуние* (лат. novilunium), *полнолуние* (лат. plenilunium), *противостояние* (лат. oppositio), *солнцестояние* (лат. solstitium), *спутник* (лат. satelles), *равномерный* (лат. proportionalis), *количество* (лат. quantis), *произведение* (лат. productus), *множитель* (лат. multiplicator), *треугольник* (лат. triangul(um) и множество других (Кутина 1964 : 112, 165—167 и др.). Влияние латинского языка поддерживалось тем обстоятельством, что в западноевропейских языках содержались подобные же кальки латинских терминов. Ср.: "Слово *равновесие* воспроизводит не только латинское *aequilibrium* (откуда фр. *iequilibre* и т.д.), но также немецкое *Gleichgewicht*; *наклонность* соответствует как французскому *inclination*, так и немецкому *Neigung*, *обстоятельство* является калькой не только французского *circonstance*, но также и немецкого *Umstand*. По существу в ряде случаев следует скорее обращаться к "европейскому складу мышления", чем к влиянию какого-либо одного языка" [Гальди 1958 : 71—72]. Ср. также р. *сверхестественный*, лат. *supernaturalis*, фр. *surnaturel*, нем. *übernatürlich* [Веселитский 1972 : 107]. В этом проявляется авторитет латинского

языка как языка науки в Средневековье и в позднейшие времена (собственно, до наших дней, хотя бы в виде сформированной на латинской основе научной терминологии, особенно номенклатурных наименований). Вообще роль калькирования иноязычных слов в пополнении словарного состава русского книжного языка расценивается как очень значительная [Сорокин 1965 : 167].

Весьма значительно количество калек с немецких слов (преимущественно сложных). Ср. список в монографии Ю.С.Сорокина: а) кальки, относящиеся к сфере общекнижной лексики (которые выражают отвлеченные понятия, явления идеологического или психического мира) : *взаимодействие, взаимоотношение, всесторонний, жизнедеятельный, жизнерадостный, жизнеспособный, закономерный, мирозерцание, наукообразный, общеизвестный, общепонятный, общечеловеческий, первооснова, полноправный, потусторонний, правомерный, прекраснодушный, противовес, противопоставить, работоспособный, равнозначный, равноправный, самодеятельный, самообразование, самосохранение, свобододобивый, свободомыслие, целесообразный* и т.д.; б) кальки, относящиеся к кругу специальных терминов: *водораздел, водоснабжение, дееспособный, естествознание (-ведение), землевладение, здравоохранение, землевладение, землепользование, зубоврачебный, клинопись, конькобежец, корнеплод, кредитоспособный, кровоизлияние, мочеиспускание, народоведение, светобоязнь, снегопад* [Сорокин 1965 : 168].

В современных условиях главным источником калькирования для русского языка является английский, что обусловлено его ролью как важнейшего международного языка, с одной стороны, а с другой — большими достижениями англоязычных стран в научной, экономической и некоторых других сферах. В частности, возникновение политической терминологии современного языка некоторые ученые прямо связывают с влиянием английского языка [Гальди 1958 : 7]. Это явное преувеличение, но по отношению к каким-то определенным словам такой терминологии, характеризующим политику США (особенно в международных отношениях) такое утверждение, очевидно, справедливо. Об этом могут свидетельствовать примеры калькированных выражений: *холодная война* — англ. *cold war*, *железный занавес* — англ. *iron curtain*; *политика выкручивания рук* — англ. *arm-twisting*; *звездные войны* — англ. *star wars*; *политика с позиции силы* — англ. *power politics* и т.д. Эти кальки, как правило, имеют фразеологический характер. Словообразовательных калек английских слов сравнительно немного. Наиболее распространенным является слово *небоскреб* (из англ. *skyscraper*), которое расценивается как интернациональная калька, поскольку оно фиксируется во всех европейских языках (ср.: укр. *хмарочос*, в. *drapacz chmur*, *mrakodrap*, слц. *mrakodrap*, схв. *небодер*, *облакодер*, болг. *небостъргач*, нем. *Wolkenkrafzer*, фр. *grante-ciel* и т.д.) [Акуленко 1969 : 71].

Оценивая значение контактов русского языка с европейскими, Л. Гальди в свое время писал, что «русский язык, благодаря двуязычию или, лучше сказать, многоязычию широкого круга образованного общества, имел в течение 250 лет достаточно контактов с европейскими языками, чтобы приобщиться — в том, что касается его лексики и фразеологии — к "европейскому складу мышления"» [Гальди 1958 : 75]. Действительно, это нельзя считать таким уж большим преувеличением венгерского лингвиста. Но все меняется. В современных условиях русский и сам все более превращается в язык влияющий, в том числе и на западноевропейские языки, которые в свое время так много ему дали. Ср., например, *стенная газета* — англ. wall newspaper, нем. Wandzeitung, фр. journal murale; *пятилетка* — англ. five year plan, нем. Fünfjahrplan, фр. plan quinquennal; *самокритика* — англ. — selfcriticism, нем. Selbstkritik, фр. autocritique; *социалистическое соревнование* — англ. socialist competition, нем. sozialistische Wettbewerb, фр. émulation socialiste и т.д. [Ивченко 1961 : 22–23]. Таким образом, авторитет языка — категория историческая, изменчивая. В ходе исторического развития авторитеты языка меняются, в соответствии с чем меняются характер языковых контактов и направленность влияний.

Наряду с формой контакта и с авторитетом влияющего языка важное значение во взаимодействии языков и, в частности, в процессах калькирования имеет характер двуязычия, который устанавливается между этими языками. В разные эпохи эти особенности проявляются по-разному, стимулируя или замедляя соответствующие процессы. Например, для давних времен, времен переводов книг церковного характера двуязычие было свойственно ограниченному кругу церковных книжников, хотя владели вторым языком они очень основательно. Двуязычие носило по преимуществу книжный характер. Наоборот, в России петровской эпохи начала развиваться более широкая база двуязычия, что было обусловлено и широкими непосредственными контактами с западноевропейскими языками. Ср. замечание А.И.Соболевского о том, что древнерусский читатель за редчайшими исключениями не знал ни одного языка и лишь с Петровской эпохи, когда стало развиваться общение России с Западом, появились люди, читающие книги на западноевропейских языках [Соболевский 1903 : VI]. Хотя в древние времена двуязычие было характерно для отдельных высокообразованных церковных книжников, влияние их на развитие языка было тем не менее очень значительно (благодаря авторитету церкви). То же можно сказать и о представителях правящей верхушки. Разумеется, речь здесь идет прежде всего о двуязычии культурного порядка в условиях отсутствия прямых контактов. "Неконтактный билингвизм охватывает отдельные слои общества и значение его обусловлено ролью данных слоев в развитии культуры и языка всего народа" [Ильяшенко : 24].

При неконтактном билингвизме возрастает роль сознательного выбора второго языка (обусловленного авторитетом этого языка

и необходимостью знакомиться с важными текстами, написанными на этом языке, и контактировать с его носителями). В то же время при контактном билингвизме этого выбора нет, а просто проявляется действие объективной необходимости. Сознательность выбора авторитетного в том или ином отношении второго языка, предопределяет активность происходящих межъязыковых процессов, которые в этом случае, как правило, однонаправленны.

При сознательном выборе второго языка предпочтение, естественно, отдается литературному языку со всеми его закономерностями и подсистемами (или, по крайней мере, важнейшими из них), в то время как при контактном билингвизме владение именно литературным языком вовсе не является необходимым. Наоборот, чаще, очевидно, наблюдается владение нелитературными подсистемами. Весьма важным является здесь также научное знание о втором языке. Впрочем, то же, очевидно, следует сказать и о родном языке двуязычных лиц.

Культурное двуязычие имеет индивидуальный характер вследствие сознательного владения вторым языком, однако это предопределяется и насущными потребностями общества (ср.: Жлуктенко, 1966 : 22). Во многих случаях именно индивидуальное двуязычие отдельных лиц направлено на то, чтобы одноязычные члены общества могли знакомиться с достижениями культуры других народов. Поскольку переводчики, выполняющие чаще всего эту функцию, в той или иной мере осознают, что их деятельность направлена на удовлетворение этой потребности общества, поскольку они стремятся делать свои переводы понятными для своих читателей. Именно это часто обуславливает появление калек в том случае, когда они переводят мотивированные слова с прозрачной словообразовательной структурой. Тем самым переводчикам удается избегать ненужных прямых заимствований, затрудняющих понимание переводов. ^

В России петровской эпохи "неизмеримо возросло по сравнению с предшествующим периодом число лиц и групп (социальных и профессиональных), для которых характерен тот или иной тип двуязычия" [Биржакова 1972 : 6]. В этих условиях создание кадров переводчиков стало предметом государственной заботы, о чем свидетельствует Указ Петра I от 2 января 1724 г., в котором, в частности, говорилось: "Для переводу книг зело нужны переводчики, особливо для художественных, понеже никакой переводчик, не умея того художества (т.е. ремесла. — В.Т.), о котором переводит, перевесть то не может; того ради заранее сие сделать надобно таким образом: которые умеют языки, а художества не умеют, тех отдать учиться художествам, а которые умеют художества, а языку не умеют, тех послать учиться языкам". Переводчики, хорошо знавшие иностранные языки и имевшие познания в области различных наук, ремесел, искусств, оказали сильное влияние на развитие терминологической лексики русского литературного языка.

Для современной эпохи отмечается массовый характер культурного билингвизма, который является следствием изучения иностранных языков в учебных заведениях и широкого развития образования и культуры [Жлуктенко 1966 : 10].

Правда, следует заметить, что культурный билингвизм нередко игнорируется многими лингвистами, которые билингвизмом считают только такое двуязычие, которое возникает вследствие непосредственных контактов носителей двух языков. Ср.: "Мы отвлекаемся от такого билингвизма, который возник вследствие изучения языка или языков со специальной целью (для чтения иностранной литературы, для того чтобы стать профессиональным переводчиком, преподавателем языка или дипломатом). Билингв для нас не просто человек, владеющий двумя и более языками, а представитель определенной группы людей; дополнительно усвоивших язык или несколько языков для практической коммуникации в обществе, членами которого они являются" [Никольский 1976 : 189—190]. Действительно, такой подход возможен при изучении непосредственных контактов различных языков. Но он не дает возможности корректно изучать процессы, происходящие при неконтактном взаимодействии, осуществляемом книжным путем. А в науке неоднократно отмечалось, что в этих условиях резко возрастает роль людей, для которых знание иностранного языка является профессиональной необходимостью (дипломаты, журналисты, переводчики) [Биржакова 1972 : 26]. Их роль в развитии литературного языка трудно переоценить.

Таким образом, можно сделать вывод, что существуют чисто языковые и социолингвистические факторы, обуславливающие процесс калькирования. Как правило, все эти факторы образуют сложный комплекс. Несомненными являются три основных фактора, без которых действие механизма калькирования кажется невозможным. Главной причиной появления потребности в калькировании является необходимость передачи названий одного языка средствами другого языка при языковом контакте (непосредственном или опосредованном). Вообще эта проблема зачастую решается путем простого лексического заимствования, но этот путь имеет и ограничения как чисто языкового, так и социально-психологического порядка. Во-первых, в большинстве случаев носители определенного языка стихийно избегают значительного количества лексических заимствований из другого, взаимодействующего с ним, языка, поскольку это грозит переходом к двуязычию или даже к утрате своего родного языка. И то, и другое, как правило, является нежелательным для значительного количества носителей этого языка. Выход, как правило, подсказывает сама структура как одного так и другого взаимодействующего языка. Здесь вступает в действие закон мотивированности немотивированности языковых знаков, который особенно отчетливо проявляется в индоевропейских языках (в частности — в славянских), в которых преобладают знаки мотиви-

рованные. Именно это и предопределяет возможность калькирования в случае взаимодействия языков, принадлежащих к индоевропейской семье, которое состоит в общем виде в том, что мотивированные знаки одного языка передаются при помощи мотивированных же знаков другого контактного языка (происходит передача мотивации одного языка средствами другого языка путем буквального перевода значимых элементов знака языка-источника значимыми элементами воспринимающего языка). Движущее противоречие заключается в том, что воспринимающий язык стремится избегать чрезмерно большого количества лексических заимствований из чужого языка, поскольку они являются для воспринимающего языка немотивированными знаками, а избыток таких знаков в определенной степени может затруднить общение и мышление (кальки же обладают сравнительно с заимствованиями большей смысловой точностью), привести к изменениям грамматического строя воспринимающего языка. Поэтому люди, осуществляющие контакт с носителями другого языка (или с иноязычными текстами), — билингвы, владеющие в той или иной степени двумя языками, стремятся мотивированные знаки не заимствовать, а калькировать. Легче всего поддаются калькированию слова с наиболее прозрачной словообразовательной структурой — сложные и префиксально-суффиксальные.

Поскольку сопоставление словообразовательных структур, лежащее в основе калькирования, требует довольно широкой базы в лице двуязычных представителей данной языковой общности, важным фактором является целенаправленное и сознательное овладение вторым языком. Вообще следует подчеркнуть, что калькирование является процессом, более осознанным, чем простое лексическое заимствование, требующим достаточно глубоких знаний обоих контактных языков (как практических, так и теоретических). Особенно высока мера осознанности при калькировании терминов или в случае острой идеологической борьбы (как, например, во времена чешского возрождения, когда в азарте борьбы против германизаторских тенденций Габсбургской династии деятели чешского просвещения стремились калькировать не только немецкие слова, но слова интернационального характера, пришедшие через немецкий язык).

Наряду с этими, на наш взгляд, основными факторами, вызывающими или стимулирующими калькирование, важное значение имеет ряд факторов социолингвистического характера. Здесь прежде всего следует отметить авторитет языка, который является источником влияния на другой язык (другие языки), ибо он определяет интенсивность контактов, которая опосредованно отражается и в сфере калькирования.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ, ДИАЛЕКТОВ, ГОВОРОВ

азерб. — азербайджанский
англ. — английский
араб. — арабский
арм. — армянский
арм.-кып. — армяно-кыпчакский
болг. — болгарский
венг. — венгерский
вод. — водский
гаг. — гагаузский
гол. — голландский
гот. — готский
греч. — греческий
и.-е. — индоевропейский
ирл. — ирландский
исл. — исландский
исп. — испанский
ит. — итальянский
каз. — казахский
казым. — казымский
кар., карел. — карельский
кирг. — киргизский
ккалп. — каракалпакский
конд. — кондинский
кр.-тат. — крымскотатарский
лат. — латинский
лит. — литовский
манс. — мансийский
мар. — марийский
мер. — мерянский
молд. — молдавский

монг. — монгольский
морд. — мордовский
нгрч. — новогреческий
нем. — немецкий
п., пол. — польский
перм. — пермский
перс. — персидский
полаб. — полабский
прус. — прусский
псл. — праславянский
рум. — румейский
рус. — русский
саам. — саамский
словац. — словацкий
тадж. — таджикский
тат. — татарский
тур. — турецкий
туркм. — туркменский
удм. — удмуртский
уйг. — уйгурский
укр. — украинский
урум. — урумский
уст. — устаревшее
фин. — финский
фр. — французский
хант. — хантыйский
чеш. — чешский
чув. — чувашский
эст. — эстонский
якут. — якутский

- Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу. — Полн. собр. соч. — М., 1969. — Т. 24. — С. 115—150.
- Абаев В.И. О языковом субстрате // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. — 1956. — № 9. — С. 57—69.
- Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. — Харьков : ХГУ, 1972. — 214 с.
- Авилова Н.С. Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени. — М. : Наука, 1967. — 246 с.
- Аврорин В.А. Ленинские принципы языковой политики // Вопр. языкознания. — 1970. — № 2. — С. 6—16.
- Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. — М. : Наука, 1975. — 276 с.
- Акуленко В.В. Вопросы изучения лексических интернационализмов и процессов их образования // Вопросы социальной лингвистики. — Л. : Наука, 1969. — С. 65—89.
- Алпатов В.М. О сосуществовании исконной и заимствованной подсистем в системе японского языка // Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии. — М. : Наука, 1983. — С. 103—114.
- Английские неологизмы / Отв. ред. Ю.А.Жлуктенко. — Киев : Наук. думка, 1983. — 172 с.
- Апреотесей Ч. Кальки славянского происхождения в румынском языке. — Románoslávica. — 1983. — Т. 21. — С. 85—95.
- Арист П.А., Вяари Э.Э. Введение // Языки народов СССР. — М. : Наука, 1966. — Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. — С. 26—34.
- Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. — М. : Высш. шк., 1973. — 303 с.
- Арутюнов С.А. Этнические процессы и язык // Обществен. науки. — 1986. — № 5. — С. 142—159.
- Асиновский А.С., Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Этнолингвистическое описание Командорских островов // Вопр. языкознания. — 1983. — № 6. — С. 108—116.
- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М. : Сов. энциклопедия, 1969. — 607 с.
- Бабов К.Г. Лингвистические и методические проблемы интерференции при изучении русского языка в болгарской школе // Лингвистические основы и методические проблемы интерференции при изучении русского языка славянами. — София : Наука и прѣсвета, 1973. — С. 78—84.
- Бакеев Ч.Х. Роль языковых контактов в развитии языка курдов СССР. — М. : Наука, 1977. — 286 с.
- Балинская В.И. Орфография современного английского языка. — М. : Высш. шк., 1967. — 327 с.
- Баранникова Л.И. Сущность интерференции и специфика ее проявления // Проблемы двуязычия и многоязычия. — М. : Наука, 1972. — С. 88—98.
- Бархударов Л.С. Уровни языковой иерархии и перевод // Тетради переводчика. — М., 1969. — № 6. — С. 1—12.

- Бархударов Л.С.* Язык и перевод: Вопр. общ. и частн. теории перевода. — М. : Междунар. отношения, 1975. — 240 с.
- Баскаков Н.А.* Тюркские языки: Общие сведения и типолог. характеристика // Языки народов СССР. — М. : Наука, 1966. — Т. 2. — Тюркские языки. — С. 7—42.
- Баскаков Н.А.* Двуязычие и проблема взаимопроникновения различных уровней при взаимодействии языков (на материале тюркских языков) // Проблемы двуязычия и многоязычия. — М. : Наука, 1972. — С. 74—82.
- Белова А.Г.* Разговорная форма арабского языка в современной арабской литературе // Arabische Sprache und Literatur im Wandel. — Halle (Saale); M.L. Univ. Halle-Wittenberg. — 1979. — S. 35—41.
- Белова А.Г.* "Средний язык" в системе наддиалектных форм арабского языка // Типы наддиалектных форм языка. — М. : Наука, 1981. — С. 174—199.
- Белова А.Г.* Арабский язык в доисламский и раннеисламский периоды. Опыт функциональной реконструкции // Функциональная стратификация языка. — М. : Наука, 1985. — С. 140—169.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. — М. : Прогресс, 1974. — 447 с.
- Берг А.И., Бирюков В.В.* Познание сложных систем и проблема нетранзитивного научного объяснения // Философско-методологические основания системных исследований: Системн. анализ и системн. моделирование. — М. : Наука, 1983.
- Берков П.Н.* История русской журналистики XVIII в. — М.—Л. : Изд-во АН СССР, 1952. — 570 с.
- Берков В.П.* Вопросы двуязычной лексикографии: Автореф. дис. ...-ра филол. наук. — Л., 1971. — 30 с.
- Бескровный В.М.* О влиянии иноязычной среды на индоарийские языки (На материале цыганских числительных). — Народы Азии и Африки. — 1974. — № 4. — С. 146—152.
- Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутиня Л.Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века (языковые контакты и заимствования). — Л. : Наука, 1972. — 431 с.
- Білодід І.К.* Вчення В.І.Леніна про розвиток національних мов // В.І.Ленін і розвиток національних мов. — К. : Наук. думка, 1971. — С. 21—36.
- Благодравова Ю.Л.* К проблемам родства и сродства тайских языков // Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии. — М. : Наука, 1983. — С. 80—91.
- Богораз-Тан В.Г.* Распространение культур на земле. — Л., 1928. — 314 с.
- Бодуэн де Куртене.* Избранные труды по общему языкознанию. — М. : Изд-во АН СССР, 1963. — Т. 1. — 384 с.
- Бондарко А.В.* Опыт лингвистической интерпретации соотношения и среды // Вопр. языкознания. — 1985. — № 1. — С. 13—23.
- Бопп Ф.* О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германских языков // Звегинцев В.А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. — М. : Просвещение, 1964. — С. 31—33.
- *Бородина М.А.* Влияние иноязычных систем на развитие языка // Вопросы социальной лингвистики. — Л. : Наука, 1969. — С. 89—100.
- Брозович Д.* Славянские стандартные языки и сравнительный метод // Вопр. языкознания. — 1967. — № 1. — С. 3—33.
- Бромлей Ю.В.* Теории этноса. — М. : Наука, 1983. — 412 с.
- Брук С.И.* Население земли. — М., 1986. — 830 с.
- Бубрих Д.В.* Историческая морфология финского языка. — М.—Л. : Изд-во АН СССР, 1955. — 186 с.
- Будовичова В.* К проблематике сопоставительного изучения лексикологии родственных языков (лексические параллели в словацком, русском и чешском языках) // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. — С. 252—271.

- Булаховский Л.А.* Введение в языкознание. Ч. 2.—М.: Учпедгиз, 1954. — 174 с.
- Булаховский Л.А.* Русский литературный язык первой половины XIX века. — М.: Учпедгиз, 1954а. — 419 с.
- Булаховский Л.А.* Вибрані праці в п'яти томах. — К.: Наук. думка, 1978. — Т. 3. — 588 с.
- Быховец Н.Н.* Заимствованные неологизмы // Английские неологизмы. — К.: Наук. думка, 1983. — С. 146—165.
- Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. — Вып. 6. — 1972. — С. 25—60.
- Вайнрайх У.* Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. — Киев: Вища шк., 1979. — 264 с.
- Вандриес Ж.* Язык. — М.: Соцэкгиз, 1937. — 410 с.
- Верещагин Е.М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. — 199 с.
- Веселитский В.В.* Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII — начала XIX в. — М.: Наука, 1972. — 319 с.
- Вессен Э.* Скандинавские языки. — М.: Изд-во иностр. лит., 1949. — 166 с.
- Взаимовлияние* и взаимообогащение языков народов СССР. — М.: Наука, 1987. — 319 с.
- Взаимодействие* и обогащение языков народов СССР. — М.: Наука, 1969. — 280 с.
- Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. — М.: Учпедгиз, 1938. — 448 с.
- Воронин С.В.* Основы фоносемантики. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. — 244 с.
- Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов* // За ред. О.С.Мельничука. — К.: Наук. думка, 1966. — 595 с.
- Габучан Г.М.* Несколько замечаний о проблеме изучения языковой ситуации // Проблемы изучения языковой ситуации и языковой вопрос в странах Азии и Северной Африки. — М.: Наука, 1970. — С. 39—46.
- Гавранек Б.* К проблематике смешения языков // Новое в лингвистике. — Вып. 6. — 1972. — С. 94—111.
- Гадживава Н.З., Серебренников Б.А.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Синтаксис. — М.: Наука, 1986. — 234 с.
- Галкин И.С.* Историческая грамматика марийского языка: Морфология. — Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. — Ч. 1. — 203 с.
- Гальди Л.* Слова романского происхождения в русском языке. — М.: Изд. Моск. ун-та, 1958. — 81 с.
- Гиляревский Р.С., Старостин Б.А.* Иностранные имена в русском тексте. — М.: Междунар. отношения, 1978. — 240 с.
- Горнунг Б.В.* К вопросу о типах и формах взаимодействия языков // Докл. и сообщ. Ин-та языкознан. АН СССР. — 1952. — № 2. — С. 3—7.
- Гринберг Дж.* Изучение языковых контактов в Африке // Новое в лингвистике. — Вып. 6. — 1972. — С. 130—140.
- Губогло М.Н.* Социально-этнические последствия двуязычия // Сов. этнография. — 1972. — № 2. — С. 26—36.
- Гюльмагомедов А.Г.* Роль русского языка в активизации некоторых процессов в лезгинском литературном языке // Вопр. языкознания. — 1985. — № 5. — С. 46—52.
- Дасницкая А.В.* К вопросу о языковых отношениях в родовом обществе // Энгельс и языкознание. — М.: Наука, 1972. — С. 158—188.
- Дешериев Ю.Д.* Развитие общественных функций литературных языков (закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху). — М.: Наука, 1976. — 432 с.
- Дешериев Ю.Д.* Социальная лингвистика: К основам общей теории. — М.: Наука, 1977. — 383 с.

- Дешериев Ю.Д., Протченко И.Ф.* Развитие языков народов СССР в советскую эпоху. — М. : Просвещение, 1968. — 312 с.
- Дмитриев Н.К.* Строй тюркских языков. — М. : Изд-во вост. лит., 1962. — 607 с.
- Еремина К.Н.* К проблеме языковых контактов: Европеизмы в современном персидском языке. — М. : Наука, 1980. — 77 с.
- Жирмунский В.М.* (Выступление на дискуссии о субстрате) // Докл. и сообщ. Ин-та языковед. АН СССР. — 1956. — № 9. — С. 93—99.
- Жирмунский В.М.* История немецкого языка. — М. : Высш. шк., 1965. — 408 с.
- Жлуктенко Ю.О.* Українсько-англійські міжмовні відносини: Укр. мова у США і в Канаді. — К. : Вид-во Київ. ун-ту, 1964. — 168 с.
- Жлуктенко Ю.О.* Мовні контакти. — К. : Вид-во Київ. ун-ту, 1966. — 134 с.
- Жлуктенко Ю.А.* Лингвистические аспекты двуязычия. — Киев : Вища шк., 1974. — 176 с.
- Жлуктенко Ю.О.* Органічність мови як соціолінгвістичний параметр багатомовної ситуації // Мовознавство. — 1987. — № 4. — С. 13—19.
- Жуков А.А.* Культура, язык и литература суахили. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. — 152 с.
- Журавлев В.К.* Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. — М. : Наука, 1982. — 328 с.
- Журавский А.И.* (Выступление). IV Международный съезд славистов. Мат. дискус. — М. : Изд-во АН СССР, 1962. — Т. 2. — С. 69—70.
- Журинский А.Н.* Соотношение систем именных классов исконных и заимствованных слов в языках банту // Именные классы в языках Африки. — М. : Наука, 1987. — С. 179—189.
- Завадовский Ю.Н.* Опыт анализа языковой ситуации в Магрибе как некой структуры // Проблемы изучения языковой ситуации и языковой вопрос в странах Азии и Северной Африки. — М. : Наука, 1970. — С. 58—77.
- Зубкова Л.Г.* О соотношении звучания и значения слова в системе языка. (К проблеме "произвольности" языкового знака) // Вопр. языкознания. — 1986. — № 5. — С. 55—66.
- Иванова В.Ф.* Современный русский язык: Графика и орфография. — М. : Просвещение, 1966. — 255 с.
- Историческая типология славянских языков: Фонетика, словообразование, лексика и фразеология* // Под ред. А.С.Мельничука. — Киев : Наук. думка, 1986. — 286 с.
- Ишбердин Э.Ф.* Историческое развитие лексики башкирского языка. — М. : Наука, 1986. — 152 с.
- Івченко М.П.* Основні риси розвитку української літературної мови після Великої Жовтневої соціалістичної революції // Наук. зап. філол. ф-ту Ровен. пед. ін-ту, 1961. — Т. 5. — С. 3—32.
- Кагайне Э.* О некоторых особенностях славянских заимствований в говорах Северной Видземе // Балто-славянские исследования. — М. : Наука, 1974. — С. 206—214.
- Калашник В.С.* Особливості слововживання в поетичній мові. — Харків : Вид-во Харк. ун-ту, 1985. — 68 с.
- Караулов Ю.Н.* Обратный словарь заимствований как способ изучения лингвоэкологии // Научн. докл. высш. шк. — 1979. — Т. 38. — № 6. — С. 552—562.
- Карпинский А.Е.* Проблема языкового изменения и типология результата взаимодействия языков // Функционально-семантический анализ языковых единиц. — Алма-Ата, 1986. — С. 68—76.
- Каск А.Х.* Эстонский язык // Языки народов СССР. — М. : Наука, 1966. — Т. 3. — Финно-угорские и самодийские языки. — С. 35—60.
- Кнышенко Ю.В.* История первобытного общества. — Ростов-на-Дону. — 1973. — 344 с.
- Коведяева Е.И.* Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам. — М. : Наука, 1987. — 160 с.

- Коломієць В.Т.* Розвиток лексики слов'янських мов у післявоєнний період. — К. : Наук. думка, 1973. — 304 с.
- Коми-пермячко-русский словарь.* — М. : Рус. яз., 1985.
- Комиссаров В.Н.* Слово о переводе. — М. : Междунар. отношения. — 1973. — 215 с.
- Комиссаров В.Н.* Лингвистика перевода. — М. : Междунар. отношения. — 1980. — 167 с.
- Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. — М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. — 446 с.
- Крачковский И.Ю.* Рец. на кн.: Mārūm Gūsn. Hayāt al-luġat wa mawtuhā. Al-luġā al-'ammīyūa. Bayrūt, 1925. Fī mitlu halkitāb. Al-Ġuz' al-'awwal. Bayrūt, 1928 // Записки коллегии востоковедов. — Л., 1928. — Т. 3. — Вып. 1. — С. 186—191.
- Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности. — М. : Наука, 1986. — 158 с.
- Кутина Л.Л.* Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века). — Л. : Наука, 1964. — 218 с.
- Кямилев С.Х.* "Al-Lisān al-'arabī" и проблемы арабизации // Семитские языки. — М., 1976. — Вып. 3. — С. 251—257.
- Кямилев С.Х.* Об интернациональной диглоссии в арабском языке // Народы Азии и Африки. — 1980. — № 1. — С. 120—126.
- Ларин В.А.* Наши задачи // Теория и критика перевода. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. — С. 1—7.
- Леков И.* Ответ на вопрос № 1: Каковы основные задачи и проблемы типологии славянских языков // Сборник ответов на вопросы по языкознанию. — М. : Изд-во АН СССР, 1958. — С. 11—14.
- Леков И.* За граматично-родовото поведение на чуждиците в сърбохърватския и българския език // Южнославянски филолог. — 1973. — № 1—2. — С. 155—158.
- Лексика русского литературного языка XIX — начала XX века.* — М. : Наука, 1981. — 359 с.
- Леман В.Ф.* Индоевропеистика сегодня // Вопр. языкознания. — 1987. — № 2. — С. 17—33.
- Макаев Э.А.* Сравнительная, сопоставительная и типологическая грамматика // Вопр. языкознания. — 1964. — № 1. — С. 3—13.
- Маковский М.М.* Системность и асистемность в языке. — М. : Наука, 1980. — 210 с.
- Маковский М.М.* Теория лексической аттракции. — М. : Наука, 1971. — 252 с.
- Мальцева И.М., Молотков А.И., Петрова З.М.* Лексические новообразования в русском языке XVIII в. — Л. : Наука, 1975. — 371 с.
- Мартине А.* Распространение языка и структурная лингвистика // Новое в лингвистике. — Вып. 6. — М., 1972. — С. 81—93.
- Мартине А.* Предисловие // У. Вайнрайх. Языковые контакты. — Киев : Изд-во Киев. ун-та, 1979. — С. 18—21.
- Мартынов В.В.* Становление праславянского языка по данным славяно-иноязычных контактов // Минск : Наука и техника, 1982. — 44 с.
- Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов. — М. : Изд-во иностр. лит., 1960. — 436 с.
- Марчук Ю.Н.* Методы моделирования перевода. — М. : Наука, 1985. — 201 с.
- Маслов Ю.С.* Введение в языкознание. — М. : Высш. шк., 1975. — 327 с.
- Матхаузерова С.* Древнерусские теории искусства слова. — Praha : Univ. Karlova, 1976. — 145 s.
- Махараблidge Г.А.* О некоторых особенностях русского произношения в Грузии // Вопросы культуры речи. — М. : АН СССР, 1963. — Вып. 4. — С. 38—48.
- Медникова Э.М.* Комментарии // Hemingway E. For Whom the Bell Tolls. — М. : Прогресс, 1981. — С. 505—560.
- Мейе А.* Общеславянский язык. — М. : Изд-во иностр. лит., 1951. — 491 с.

- Мельничук Д.С.* Развитие мови як реальної системи // Мовознавство. — 1981. — № 2. — С. 22—34.
- Меновщиков Г.А.* К вопросу о проницаемости грамматического строя языка // Вопр. языкознания. — 1964. — № 5. — С. 100—106.
- Мещанинов И.И.* Общее языкознание. — Л.: Учпедгиз, 1940. — 260 с.
- Миронев С.А.* Язык африкаанс. — М.: Наука, 1969. — 151 с.
- Михайлов М.М.* Двуязычие (Принципы и проблемы). — Чебоксары, 1969. — 136 с.
- Мячина Е.Н.* Язык суахили. — М.: Изд-во вост. лит., 1960. — 56 с.
- Неверов С.В.* Общественно-языковая практика современной Японии. — М.: Наука, 1982. — 149 с.
- Нечавев Г.А.* Краткий лингвистический словарь. — Изд-во Рост. ун-та, 1976. — 182 с.
- Никольский Л.Б.* Языковая политика как форма сознательного воздействия общества на языковое развитие // Язык и общество. — М.: Наука, 1968. — С. 111—124.
- Никольский Л.Б.* Синхронная социолингвистика. — М.: Наука, 1976. — 168 с.
- Никольский Л.Б.* Язык в политике и идеологии стран зарубежного Востока. — М.: Наука, 1986. — 196 с.
- Общее языкознание* // Под общей ред. А.Е.Супруна. — Минск: Вышшая шк., 1983. — 456 с.
- Оглоблин А.К.* О языковых контактах в яванском ареале // Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии. — М.: Наука, 1983. — С. 115—130.
- Основы финно-угорского языкознания: Вопр. происхождения и развития финно-угорских языков.* — М.: Наука, 1974. — 484 с.
- Панфилов В.З.* Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. — М.: Наука, 1982. — 357 с.
- Пауль Г.* Принципы истории языка. — М.: Изд-во иностр. лит., 1960. — 500 с.
- Перебийніс В.С.* Науково-технічний прогрес і мова // Мовознавство. — 1977. — № 3. — С. 3—13.
- Покровская Л.А.* Инфинитив и его употребление в гагаузском языке // Тюркологические исследования. — М.: Наука, 1976. — С. 168—180.
- Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. — М.: Наука, 1968. — 376 с.
- Поляков В.А.* Способы лексических номинаций в енисейских языках. — Новосибирск: Наука, 1987. — 119 с.
- Равевська Н.М.* Лексикологія англійської мови. — К.: Вища шк., 1979. — 304 с.
- Раск Р.* Исследования в области древнесеверного языка, или происхождение исландского языка // В.А.Звегинцев История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. — М.: Просвещение, 1964. — С. 40—51.
- Расторгуева В.С.* Иранские языки. Введение // Языки народов СССР. — М.: Наука, 1966. — Т. 1. Индоевропейские языки. — С. 194—211.
- Реформатский А.А.* Введение в языкознание. — М.: Просвещение, 1967. — 542 с.
- Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. — М.: Междунар. отношения, 1974. — 216 с.
- Розенцвейг В.Ю.* Языковая практика и лингвистическая теория // Вопр. языкознания. — 1966. — № 2. — С. 30—39.
- Романова А.В., Мырзева А.Н., Барашков П.П.* Взаимсвлияние эвенкийского и якутского языков. — Л.: Наука, 1975. — 211 с.
- Росетти А.* Смешанный язык и смешение языков // Новое в лингвистике. — Вып. 6. — 1972. — С. 112—119.
- Русская Ю.Н.* Самоучитель хантыйского языка. — Л.: Учпедгиз, 1961. — 256 с.
- Селищев А.М.* Старославянский язык. — Ч. 1. — М.: Учпедгиз, 1951. — 336 с.
- Семеняць О.Є.* Соціальні процеси і мовна дійсність. — К.: Вища шк., 1984. — 192 с.
- Семянець О.Є.* Соціолінгвістична типологія варіантів поліетнічної мови // Мовознавство. — 1986. — № 5. — С. 8—13.

- Семчинський С.В.* Семантична інтерференція мов. — К. : Вища шк., 1974. — 255 с.
- Селір Э.* Язык. — М., Л. : Соцэкгиз, 1934. — XIX, 223 с.
- Серебренников Б.А.* О взаимодействии языков // *Вопр. языкознания.* — 1955. — № 1. — С. 7—25.
- Серебренников Б.А.* Историческая морфология пермских языков. — М. : Изд-во АН СССР, 1963. — 391 с.
- Серебренников Б.А.* Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка // *Морфологическая типология и проблемы классификации языков.* — М., Л. : Наука, 1965. — С. 7—26.
- Серебренников Б.А.* Историческая морфология мардовских языков. — М. : Наука, 1967. — 262 с.
- Серебренников Б.А.* Территориальная и социальная дифференциация языка // *Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка.* — М. : Наука, 1970. — С. 452—501.
- Серебренников Б.А.* Номинация и проблема выбора // *Языковая номинация: Общ. вопр.* — М. : Наука, 1977. — С. 147—187.
- Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка. — М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. — 260 с.
- Смирнов С.Н.* Элементы философского содержания понятия "система" как ступень развития познания и общественной практики // *Системный анализ и научное знание.* — М. : Наука, 1978. — С. 60—83.
- Собольевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. — Спб., 1903. — VIII, 460 с.
- Современная идеологическая борьба и проблемы языка.* — М. : Наука, 1984. — 240 с.
- Солнцев В.М.* Некоторые аспекты взаимоотношения языков Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока // *Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии.* — М. : Наука, 1983. — С. 8—18.
- Солнцев В.М.* Предисловие // Там же. — 1983а. — С. 3—7.
- Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка (30—90-е годы XIX ст.). — М.; Л. : Наука, 1965. — 565 с.
- Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. — М. : Прогресс, 1977. — 695 с.
- Степанов Ю.С.* Основы общего языкознания. — М., 1975. — 272 с.
- Суперанская А.В.* Принципы передачи безэквивалентной лексики // *Великобритания. Лингвострановедч. словарь.* — М.: Рус. яз., 1980. — С. 467—480.
- Сучасна українська літературна мова. Лексика і фразеологія /* Заг. ред. І.К.Білодіда. — К. : Наук. думка, 1973. — 438 с.
- Тереженко Н.В.* Введение. Самодийские языки // *Языки народов СССР.* — М. : Наука, 1966. — Т. 3. — Финно-угорские и самодийские языки. — С. 363—375.
- Ткаченко О.Б.* Питання міжмовних контактів // *Мовознавство.* — 1971. — № 4. — С. 3—15.
- Ткаченко О.Б.* Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. — Киев : Наук. думка, 1979. — 298 с.
- Ткаченко О.Б.* Проблемы сопоставительно-исторического изучения славянских языков // *Вопр. языкознания.* — 1981. — № 1. — С. 48—59.
- Ткаченко О.Б.* Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков : Автореф. ... докт. дисс. — Л., 1982. — 45 с.
- Ткаченко О.Б.* Мерянский язык. — Киев : Наук. думка, 1985. — 207 с.
- Труды общества любителей российской словесности при Московском ун-те.* — 1820. — ч. 20.
- Топоров В.Н.* Прусский язык : Словарь /1—К/. — М. : Наука, 1980. — 384 с.
- Трубачев О.Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках. — М. : АН СССР, 1960. — 115 с.
- Туманян Э.Г.* Древнеармянский язык. — М. : Наука, 1971. — 448 с.
- Уемов А.И.* Системы и системные параметры // *Проблемы формального анализа систем.* — М. : Наука, 1968. — С. 15—35.

- Федоров А.В.* Основы общей теории перевода. — 4-е изд. — М.: Высш. шк., 1983. — 303 с.
- Филин Ф.П.* Современное общественное развитие и проблемы двуязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. — М.: Наука, 1972. — С. 13—25.
- Фодор Е.* Словообразование в восточнославянских языках. — *Romanoslavica*. — 1963. — 9. — С. 95—107.
- Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка. — М.: Изд-во иностр. лит., 1955. — Ч. II. Лексикология и синтаксис. — 292 с.
- Хауген Э.* Процесс заимствования // Новое в лингвистике. — Вып. 6. — 1972. — С. 344—382.
- Хютль-Ворт Г.* О проблемах русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в. // *Slovanské spisovné jazyky*. — Praha: Univ. Karlova, 1974. — С. 33—38.
- Чекман В.Н.* О рефлексах и-е*к*,g в балто-славянском языковом ареале // Балто-славянские исследования. — М.: Наука, 1974. — С. 116—135.
- Чередниченко А.И.* Язык и общество в развивающихся странах Африки. — Киев: Изд-во при Киевск. ун-те, 1983. — 166 с.
- Шагаль В.Э.* Языковой аспект национальных процессов в арабских странах. — М.: Наука, 1987. — 248 с.
- Шанский Н.М.* Лексические и фразеологические кальки в русском языке // *Русск. яз. в шк.*, 1955, № 3, с. 28—35.
- Шанский Н.М.* Этимологический словарь русского языка. — Т. 1—11. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. — 1982.
- Шанский Н.М.* Фразеология русского языка. — М.: Высш. шк., 1969. — 160 с.
- Шарбатов Г.Ш.* Общеарабский стандартный литературный язык и территориальное варьирование его как важный социолингвистический фактор // Социолингвистические проблемы развивающихся стран. — М.: Наука, 1975. — С. 202—208.
- Швейцер А.Б.* Современная социолингвистика. — М.: Наука, 1976. — 176 с.
- Шишков А.С.* Разсуждение о старомъ и новомъ слогаъ российскаго языка. — Спб., 1813. — 436 с.
- Шмелев Д.Н.* Современный русский язык: Лексика. — М.: Просвещение, 1977. — 335 с.
- Шухрат Г.* Избранные работы по языкознанию. — М.: Изд-во иностр. лит., 1950. — 292 с.
- Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. — Л.: Наука, 1974. — 423 с.
- Щербак А.М.* Тюркско-монгольские языковые связи (к проблеме взаимодействия и смешения языков) // *Вопр. языкознания*. — 1986. — № 4. — С. 47—59.
- Эрвин-Трипп С.М.* Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия // Новое в лингвистике. — Вып. VII. — М., 1975. — С. 336—362. Эстонско-русский словарь / Сост. М.Тамм. — Таллин: Эст. гос. изд-во, 1955.
- Языковая номинация: Общие вопросы.* — М.: Наука, 1977. — 359 с.
- Ярцева В.Н.* История английского языка IV—XV вв. — М.: Наука, 1985. — 247 с.
- Яхонтов С.Е.* О происхождении тайских числительных // Вопросы филологии стран Азии и Африки. — Вып. 1. — ЛГУ. — 1971. — С. 93—99.
- Яхонтов С.Е.* Современное состояние вопроса о генетических связях языков Юго-Восточной Азии // Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии. — М.: Наука, 1983. — С. 19—33.
- Altoma S.* The Arabic writing system and proposals for its reform // *Middle East J.* — 1961. — N 15. — P. 403—414.
- Altoma S.J.* The problem of diglossia in Arabic: A comparative study of classical and Iraqi Arabic. — Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1969. — 153 p.
- Barnhart C., Steinmetz S., Barnhart R.* The Second Barnhart dictionary of New English. — Bronxville, New York: Barnhart Books, 1980.
- Berthold L. u.a.* Atlas zur Geschichte. — Bd. 1. — Gotha/Leipzig, 1981. — 256 S.
- Betz W.* Deutsch und Lateinisch: Die Lehnbildungen der althochdeutschen Benedikterregel. — Bonn, 1949.

- Blanc H.* Stylistic variation in spoken Arabic. A sample of interdialectal educated conversation // Contributions to Arabic linguistics // Ed. by Ch. A. Ferguson. — Cambridge, Mass. : Center for Middle Eastern Studies. — 1960. — P. 78—161.
- Cachia P.J.* The use of colloquial in modern Arabic literature // J. of Am. Orient. Soc. — 1967. — N 87. — P. 12—22.
- Cannon G.* Zero plurals among the Japanese loan words in English // Am. Speech. — 1984. — Vol. 59. — N 2. — P. 149—158.
- Catford J.* A linguistic theory of translation : an essay in applied linguistics. — 4-th impr. — London : Oxford Univ. Press, 1974. — 103 p.
- Die deutsche Sprache.* — Leipzig : Bibliograf. Institut, 1969. — Bd. I. — 613 S.
- Deroy L.* L'emprunt linguistique. — Paris : Belles Lettres, 1956.
- Deroy L.* Vingt ans après l'Emprunt linguistique. Critiques et réflexions // L'Emprunt linguistique. Colloque international. — Louvain-la-Neuve, 1980. — P. 7—18.
- Ferguson Ch.* Diglossia // Language in culture and society. A reader in linguistics anthropology / Ed. by D. Hymes. — New York : Evanston and London, 1964. — P. 429—439.
- Fishman J.* Sociolinguistics: A brief sociolinguistics introduction. — Rowley, Mass, 1971.
- Giglioli P.* (ed.). Language and social context // London : Penguin, 1979. — 5th ed. — 395 p.
- Gumpers J.* Sociocultural dimensions of language change. // Sociocultural Dimensions of Language Change / Ed. by B. Blount and M. Sanches. — New York, etc.: Academic Press, 1977. — Pp. XIII—XVI.
- Gumperz J.* and Herasimchuk E. The Conversational Analysis of Social Meaning: A study classroom interaction // Ed. by Roger Shuy. — Washington : Georgetown Univ. Press, 1971. — N 25. — P. 99—134.
- Gutschmidt K.* Parallele und divergente Entwicklungstendenzen in jungen slawischen Literatursprachen aus sociolinguistischen Sicht // Z.f. Slawistik. — 1973. — N 4. — S. 498—514.
- Haugen E.* Biligualism, language contact, and immigrant languages in the United States. A research report 1956—1970 // Current trends in Linguistics. — The Hague—Paris, 1973. — Vol. 10. — Linguistics in North America. — P. 505—591.
- Haugen E.* Language contact // Proceedings of the 8-th international congress of linguists. — Oslo, 1958. — P. 771—785.
- Haugen E.* The analysis of linguistic borrowing // Language, 1950. — Vol. 26. — N 2. — P. 210—231.
- Havránek B.* Studie o spisovném jazyce. — Praha, Nakl. ČSAV, 1963. — 371 S.
- Herodot* Das Geschichtswerk. — Berlin, Weimar, 1967. — Bd. 1. — 403 S.
- Hildebrandt E.* Versuch einer kritischen Analyse des Cours de linguistique générale von Ferdinand de Saussure. — Marburg : Elwert, 1972. — 128 S.
- Hock H.* Principles of historical linguistics. — Berlin, etc. : Mouton de Gruyter, 1986. — 722 p.
- Householder F.* Greek diglossia // Monograph Series on language and linguistics. — Washington : Georgetown Univ., 1962. — N 15. — P. 109—129.
- Humphreys H.* Emprunt et purisme en gallois modern // L'emprunt linguistique. — Louvain-la-Neuve; 1980. — P. 207—218.
- Hussein Riad Fayed Issa.* The case for triglossia in Arabic with special emphasis on Jordan // Ph. h. diss. State University of N.Y. at Buffalo, 1980.
- Hymes D.* (ed.). Language in culture and society. A reader in linguistic and anthropology. — N.Y., etc., 1964. — 764 p.
- Hymes D.* On communicative competence // Sociolinguistics / Ed. by J.B. Pride and Holmes. — Penguin, 1972.
- Janicki K.* The foreigner's language in a sociolinguistic perspective. — Poznań. — 1982. — 105 p.
- Karlinskij A.* Überwindungsmöglichkeiten der Sprachbarriere bei Zweisprachigkeit und die Funktionsarten der Sprache. — Z.f. Phon., Sprachwiss. u. Kommunikationsforschung, 1980. — N 2. — S. 229—235.

- Kaše A.** Modern Standard Arabic and the Colloquials // *Lingua*. — 1970. — N 24. — P. 174—391.
- Khleif B.** Language, Ethnicity and Education in Wales. — The Hague, etc. : Mouton, 1980. — 331 p.
- Kopaliński W.** Czy dawnie imperia, rządzące różnojęzycznymi krajami, narzucały im swój język (— Dookoło świata. — 1974. — N 37. — S. 15—16.
- Labov W.** The Study of language in its social context // *Advances in the Sociology of Language* / Ed. by J. Fishman. — The Hague : Mouton, 1971.
- Language Planning Newsletter.** — May 1980. — Vol. 6. — N 2.
- L'emprunt linguistique.** Colloque internationale organisée par A. Bourdelle, C. Buridant, R. Lilly. — Louvain-la-Neuve, 1980. — (Cahiers de l'Institut de Linguistique de Louvain, 6 (1980). — 1—2.
- Lewicki M., Kohnowa R.** La version turque-kiptchak du "Code des lois des Arméniens polonais" d'après le ms. n° 1916 de la Bibliothèque Ossolineum // *Rocz. Orientalist.* — 1957. — t. 21. — S. 153—300.
- Lötræsch R.** (Выступление) IX Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. Языкознание. — Киев : Наук. думка, 1986. — С. 158.
- Lötræsch R.** Zur Genese der Vielsprachigkeit des Homo sapiens // *Entstehung der Menschen und der menschlichen Gesellschaft*. — Berlin, 1980. — S. 199—206.
- Marçais W.** La diglossie arabe. La langue arabe dans l'Afrique du Nord. L'arabe écrit et l'arabe parlé dans l'enseignement secondaire // *L'Enseignement public*. — 1930. — N 97. — P. 401—409; 1931. — N 105. — 20—39, 121—123.
- Mathesius V.** Cizí slova ze stanoviska synchronického // V. Mathesius. *Čestina a obecný jazykozpyt*. — Melantrich, 1947. — P. 96—109.
- Mathesius V.** Zur synchronischen Analyse fremden Sprachguts // *Englische Studien*, 1935. — 70. — S. 21—35.
- Meillet A.** Linguistique historique et linguistique générale. — Paris, 1921, T. 1. — VIII, 335 p.
- Moravcsik E.A.** Universals of language contact // *Universals of human language*. / Ed. by J.K. Greenberg. — Stanford: Stanford Univ. press, 1978. — Vol. 1. — Method and theory. — P. 93—122.
- Moulton W. G.** What standard for diglossia: the state of German Switzerland // *Monograph Series on Language and Linguistics*. — Washington : Georgetown Univ., 1962. — N 15. — P. 135—148.
- Myl'nikov A.** Vznik národně osvícenské ideologie v českých zemích. — Praha : Univ. Karlova, 1974. — 259 s.
- Õigekeelsussõnaraamat.** — 2-e trükk. — Tallin : Valgus, 1978. — 327 l.
- Pavla H.** Notes on classicization in modern colloquial Arabic // *Studia Orientalia*. — Helsinki : Edidit Societas Orientalis Fennica, 1969. — XL : 3. — 37:2. — P. 1—17.
- Rizzitano U.** Discussione e proposte per la riforma ortographica e grammaticale dell'arabo // *Oriente Moderno : Revista Mensile d'informazione e di studi per la diffusione della conoscenza dell'Oriente, sopra tutto musulmano*. — Roma, 1942. — N 22. — P. 336—351.
- Rubin J.** Language change and language planning // *Sociocultural Dimensions of Language Change* / Ed. by B. Blount and M. Sanches. — New York etc. : Academic press, 1977. — P. 253—289.
- Růžicka K.** Uvod do swahilštiny. — Praha : Academia, 1968. — 96 S.
- Sankoff G.** Creolization and syntactic change in New Guinea Tok Pisin // *Sociocultural Dimensions of language Change*. — New York etc. : Academic Press, 1977. — P. 119—130.
- Sankoff G.** The social life of language. — Univ. of Pennsylvania Press, 1980. — 373 p.
- Scharnhorst J.** Zum Status des Begriffe Sprachsituation // *Z.f. Phon., Sprachwiss. u. Kommunikationsforschung*. — 1980. — N 1. — S. 109—118.
- Schieb G.** Versuch einer Charakteristik der grundlegenden Kommunikationsbeziehungen um 1200. — Z.f. Phon., Sprachwiss. und Kommunikationsforschung. — 1980. — N 3. — S. 379—385.

- Schönfelder K.* Problem der Völker- und Sprachmischung. — Haale (Saale): Max Niemeyer, 1956. — 80 S.
- Schumann K.* Zur Typologie und Gliederung der Lehnprägungen. — Z.f.Slav. filologie. — Bd. 22. — H. 1. — Heidelberg, 1965. — S. 65—90.
- Seidel E.* Gedanken über das Indogermanenproblem / Beiträge zur Ethnolinguistik. Gedenkschrift zum 100. Geburtstag von F.Hestermann. — Jena, 1980. — S.10—30.
- Siatkowski J.* Slowiainskie interferencje w zakresie morfologii // Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo. — Warszawa, 1983. — S. 357—367.
- Stuszkiewicz E.* Formuła przysięgi starczych lwowskiej gminy ormiańskiej wg rkp Kodeksu praw nadanych Ormianom przez Zygmunta i w r. 1519 (nr 1916, Ossol.) // Rocz. Orientalist. — 1966. — T. 30. — Z. 1. — S. 109—118.
- Stewart W.* The functional distribution of Creole and French in Haiti // Monograph series on language and linguistics. — Washington : Georgetown Univ., 1962. — N 15. — P. 149—162.
- Surdučki M.* Srpskohrvatski i engleski u kontaktu. Rečnik i morfološka analiza engleskih pozajmljenica u standardnom srpskohrvatskom jeziku i jeziku srba i hrvata iseljenika u Kanadi. — Novi Sad : Matica srpska, 1978. — 370 s.
- Talmoudi F.* The diglossic situation in North Africa : A study of classical Arabic // Dialectal Arabic diglossia with sample text in "Mixed Arabic". — Univ. of Göteborg : Department of Arabic Studies, 1984. — 161 p.
- Uesseler A.* Soziolinguistik. — Berlin : Deutscher Verl. der Wissenschaften, 1982. — 181 S.
- Unbegaun B.* Le calque dans les langues slaves littéraires // Rev. etudes slaves. — T. XII, fasc. 1—2. — 1932.
- Valdeman A.* Language standartization in a diglossic situation in Haiti // Language problems of developing nations // Ed. by J.Fishman, Ch.A.Ferguson and J.Das Gupta. — New York, etc. : Wiley, 1968. — 521 p.
- Wexler F.* Diglossia, language standartization and purizm. Parameters for a typology of literary languages // Lingua. — 1971. — Vol. 27. — N 4. — P. 330—354.
- Wurm S.A.* The status of New Guinea Pidgin // Language of inequality // Ed. by N.Wolfsen and J.Manes. — Berlin, etc. : Mouton, 1985. — P. 373—386.
- Yassin M.* Aziz F. Arabs communicating : A sociolinguistic approach // The Incorporated linguist. — 1981. — Vol. 20. — N 3. — P. 96—99.
- Abū Hamid, 1953. — *أبو حميد - موقف اللغة العامية من اللغة العربية الفصحى - مجلة مجمع اللغة العربية - القاهرة ١٩٥٣ - عدد ٧ - ص ١٠٥ - ١١٨*
- Al-Afġānī, 1962. — *الأفغانى - حاضر اللغة العربية في الشام - القاهرة ١٩٦٢ - ص ١٥٧ - ١٦٩*
- Al-Badawī, 1973. — *البدوى محمد محمد - مستويات العربية المعاصرة في مصر - القاهرة ١٩٧٣ - ص ٩٠ - ٩٣*
- Al-Bazzāz, 1962. — *البزاز - اللغة الفصحى المشتركة // العربى - ١٩٦٢ - عدد ٤٩ - ص ١٦٥ - ١٧٤*
- Ibn Fāris, 1963. — *ابن فارس البرهان فى معاني اللغة العربية - القاهرة ١٩٦٣ - ص ٣٨٥ - ٣٨٥*
- Taymūr, 1956. — *تيمور محمود - مشكلة اللغة العربية - القاهرة ١٩٥٦ - ص ١٧٧ - ١٧٧*
- As-Sargīnī, 1969. — *السرجينى محمد - الازدواجية وتعدد اللهجات واللغات // اللسان العربى - ١٩٦٩/١٣٨٨ - مجلد ٦ - ص ١٠٦ - ١١٢*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ЯЗЫКОВЫЕ СИТУАЦИИ	7
Социально-экономическая структура общества и двуязычие (А.Е.Карлинский)	7
Неорганический язык в многоязычной ситуации (Ю.А.Жлук- тенко)	22
Диглоссия в арабоязычном мире (В.С.Рыбалкин)	42
ГЛАВА 2. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ	61
К изучению субстратной фразеологии (О.Б.Ткаченко)	61
Проблемы языкового заимствования (Т.Г.Линник)	76
Лексические заимствования среди английских неологизмов (Н.Н.Быховец)	133
Воспроизведение иноязычных единиц как один из факторов развития языка (А.Н.Гаркавец, И.Т.Дарканбаева)	146
Теоретические и практические аспекты калькирования (В.А.Тка- ченко)	178
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ, ДИАЛЕКТОВ, ГОВОРОВ	192
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	193